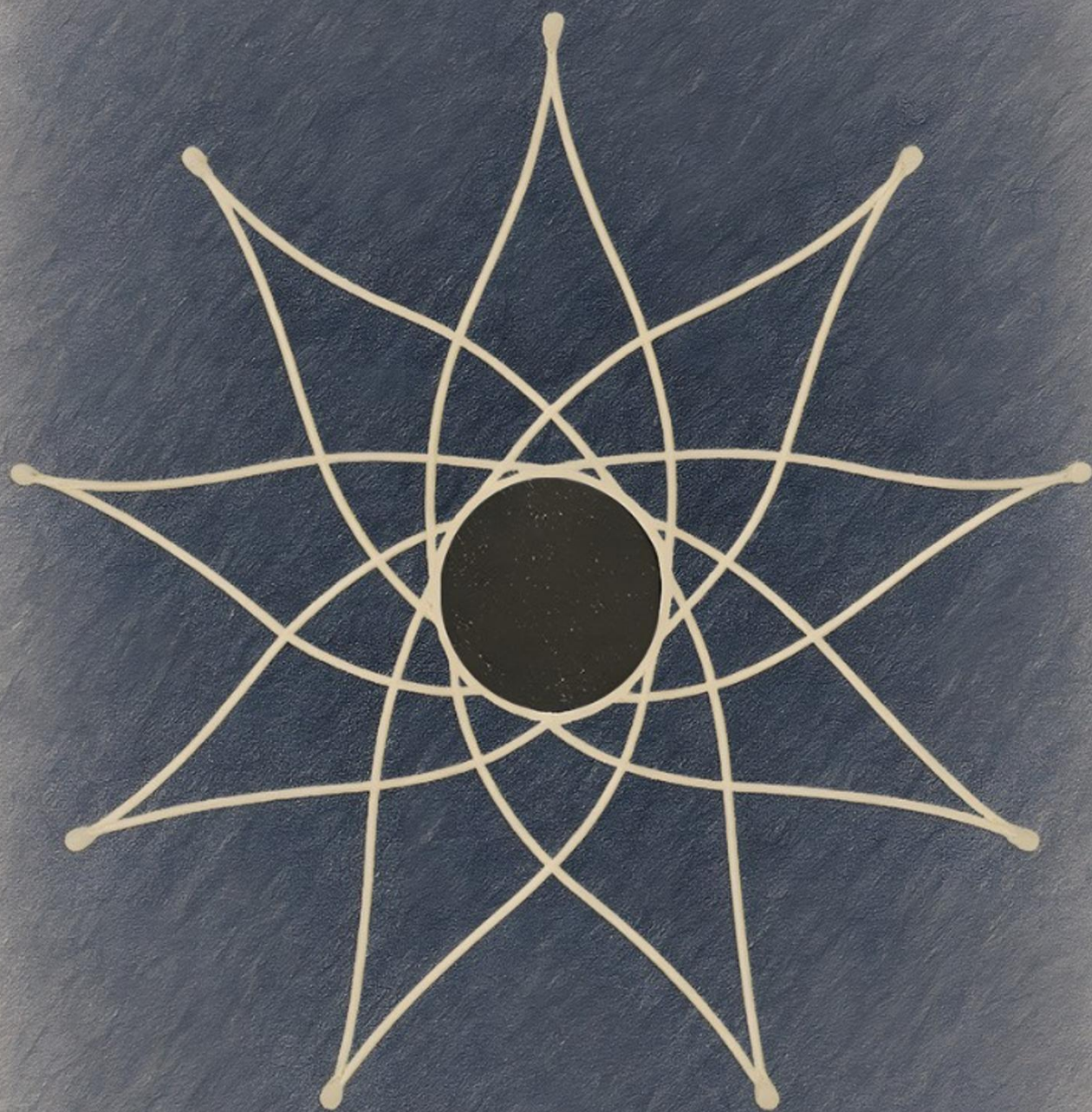

Вирджиния Вулф

Письма
1888 - 1912

18+

Письма

Вирджиния Вулф
Письма: 1888–1912

«Автор»

2025

Вулф В.

Письма: 1888–1912 / В. Вулф — «Автор», 2025 — (Письма)

Этот первый том открывает масштабное издание переписки Вирджинии Вулф – одного из самых живых свидетельств формирования ее личности и писательского слога. Вулф была выдающейся и неутомимой корреспонденткой, и до наших дней дошло более шести с половиной тысяч ее писем. Книга охватывает период от ранних детских посланий до письма, отправленного накануне брака, то есть около четверти века жизни. Ее адресатами были Ванесса и Клайв Белл, Тоби Стивен, Литтон Стрэйчи, Роджер Фрай, Мейнард Кейнс, Вайолет Дикинсон, Леонард Вулф и другие. Эти игривые и нежные, вдумчивые и наблюдательные письма редко касались общественных событий, но с необычайной живостью запечатлели семейный и дружеский круг, жизнь на Гайд-парк-гейт и в Блумсбери, путешествия, утраты, приступы болезни и ранние поиски собственного стиля. Именно в письмах Вулф пробует разные интонации и приемы, благодаря чему они порой передают ее авторский голос и характер точнее, чем опубликованные произведения. Впервые на русском языке.

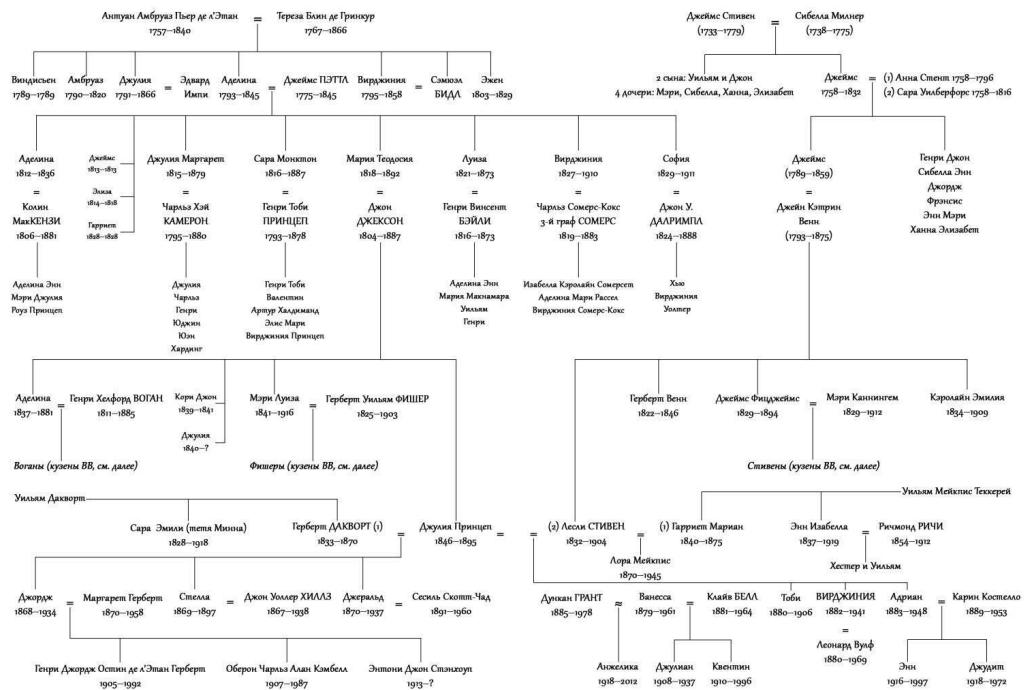
© Вулф В., 2025

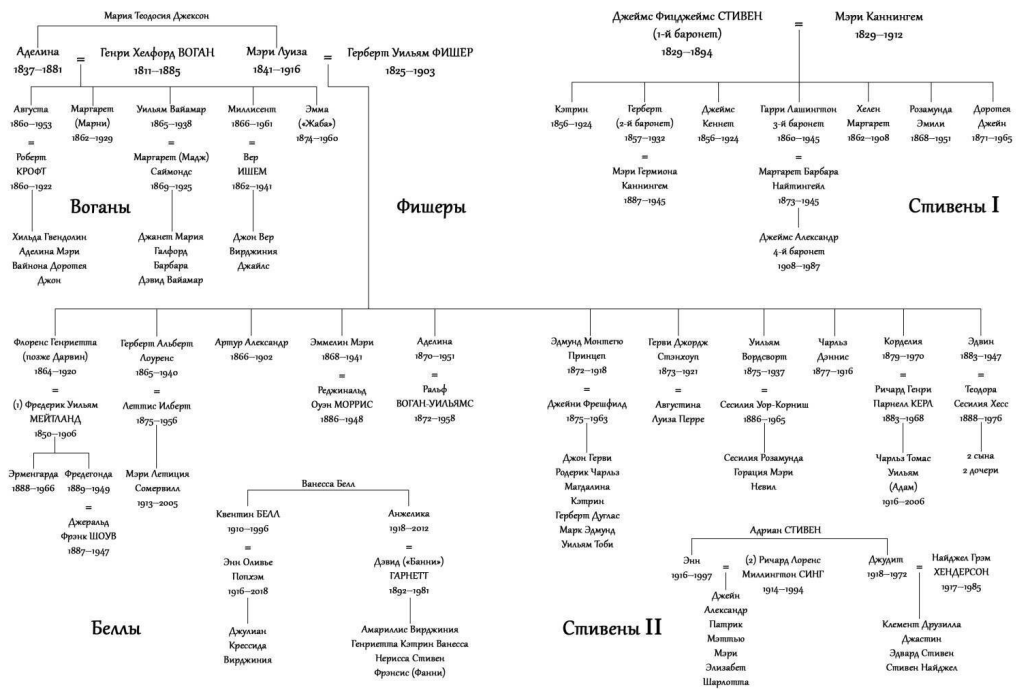
© Автор, 2025

Содержание

Аббревиатуры и сокращения	7
Предисловие переводчика	8
Заметки составителя	16
Письма	20
Конец ознакомительного фрагмента.	153

Вирджиния Вулф Письма: 1888–1912

Аббревиатуры и сокращения

(А)ВС – (Аделина) Вирджиния Стивен

В. или ВВ¹ – Вирджиния Вулф:

ВВ-Д-0 – «Дневники: 1897–1909»

ВВ-Д-1 – «Дневники: 1915–1919»

ВВ-Д-2 – «Дневники: 1920–1924»

ВВ-Д-3 – «Дневники: 1925–1930»

КБ-2 – Квентин Белл «Биография Вирджинии Вулф. Том II: Миссис Вулф, 1912–1941»

Л. или ЛВ – Леонард Вулф:

ЛВ-1 – «Посев. Автобиография: 1880–1904»

ЛВ-2 – «Всход. Автобиография: 1904–1911»

ЛПТ – Литературное приложение к «Times»

ЧП – Член парламента

С/о – Care of («через», письмо через посредника, «на имя»)

R.S.O. – Railway Sub Office (железнодорожный офис)

---

¹ Несмотря на то, что письма этого тома написаны еще незамужней Вирджинией Стивен, для унификации сокращений принято решение называть ее Вирджинией Вулф (здесь и далее В. или ВВ), как в остальных томах писем.

Предисловие переводчика

Поразительно, сколько писем Вирджинии Вулф дошло до наших дней, но еще более удивительно то, сколько их вообще было написано. Например, 7 августа 1908 года она закончила письмо сестре так: *«Теперь мне надо написать Нелли, Вайолет, Доротее, Монахине, тетюшке Мэри, а еще Олив»*, – однако сохранилось только это письмо к Ванессе.

То, какие именно письма дошли до читателей, определялось случайностью, нередко оставляющей разочарование, ощущение несправедливости и утраты. Огромная доля писем к Вайолет Дикинсон в этом томе отчасти объясняется любовью Вирджинии к ней, но главным образом – бережливостью самой Вайолет, сохранившей почти всю корреспонденцию. Однако нет ни одного письма ни к Ванессе до ее брака с Клайвом Беллом (за исключением поздравительного, № 339а), ни к брату Адриану, ни к таким друзьям, как Руперт Брук, Уолтер Хедлам или Мэри Шиппенкс; всего два письма этого периода адресованы Мейнарду Кейнсу и одно Дезмонду Маккарти, хотя можно не сомневаться, что написано их было гораздо больше. Важные события: детские каникулы в Сент-Айвсе и более поздние поездки в Грецию, Турцию и Италию, а также знакомства с друзьями, которые впоследствии стали известны как «блумсберийцы», – почти не отражены в сохранившейся переписке. Особенно печальной утратой является полное уничтожение писем Вирджинии к Брюсу Ричмонду, редактор Литературного приложения к «Times», в тот период, когда она только начинала свою писательскую карьеру.

Тем не менее сохранившийся материал убедительно доказывает, что Вирджиния была неудержимой корреспонденткой. Когда она искала уединения, а случалось это нечасто, Вирджиния разгоняла тоску именно с помощью переписки. Она отправляла письма, потому что получала от этого удовольствие и любила провоцировать адресатов на ответы. По натуре она была ласковой и требовала ответных чувств, желая увидеть любимого человека в обстоятельствах, ей неизвестных, но вполне представимых. В разлуке дружбу необходимо подпитывать, и единственной «пищей» (до изобретения телефона) служила переписка. Кроме того, нужны новости и сплетни, знакомая интонация, напоминания о манерах и жестах. Попеременно дразня корреспондентов и выражая любовь к ним, Вирджиния вырабатывала отношение к жизни, которое, как она предполагала, разделяют ее собеседники, и именно это совместное действие связывало её с друзьями, а их – с ней. Конечно, можно позволять себе всплески чувств или длинных описаний, но их нужно обрывать прежде, чем они станут слишком пафосными, официозными, искусственными, вульгарными. Нельзя было показаться скучной. Письмо для Вирджинии – это легкий поцелуй, бумажный дротик, брошенный в друга, чтобы его выкинули или игриво метнули назад.

Другим ее побуждением к переписке была тренировка писательского мастерства. Вирджиния описывала людей так, словно они вообще не существовали до тех пор, пока она обстоятельно не сравнивала их с другими, а события – будто они не происходили в действительности, пока не были зафиксированы, причем весьма особенным, безошибочно узнаваемым образом: в них часто угадывается улыбка или хмурый взгляд Вирджинии, почти нет повторов выражений, чувствуется радость от богатства языка, в котором она была столь же щедра на слова, как пианист – на ноты, зная, что их запас неисчерпаем.

Несмотря на обманчивую унифицированность ее писем в печатном виде, все еще можно ощутить то волнение или удовольствие, с которыми они писались или воспринимались адресатами. Письма от Вирджинии всегда были провоцирующими и одновременно размышляющими. В них *«мне нравятся твои мысли, а не голые факты»*, – писала она Эмме Воган, когда та была еще ребенком. И тем не менее мысли в этих письмах занимают второе место по отношению к фактам, вернее, они вырастают из них, ведь, как, например, Нью-Форест, не взглянув на него по-новому? *«Подлинное письмо подобно восковому слепку ума»*, – писала она Клайву

Беллу. Оно должно фиксировать колебания, высокие и низкие ноты, перепады. В письмах должен быть смех, привязанность или намеки на трагедию и несовершенство человеческой природы.

Еще одной чертой писем Вирджинии являлись насмешки над собой и другими, ведь для неё каждый новый знакомый был в чем-то немного смешон. Вернуть ее доброе расположение, однажды утраченное, казалось очень трудной задачей. Она всегда чрезвычайно остро переживала свою любовь и ненависть, и даже привязанность выражалась у нее через насмешку. Она была не столько жестокой, сколько язвительной. То, как Вирджиния описывала одних людей в письмах к другим, возможно, заставляли ее корреспондентов гадать, что же она пишет о них самих. Так, леди Кромер предстает *«богиней из Парфенона»*, а тетя Кэролайн Стивен – *«мрачным вечнозеленым деревом»*, хотя к обеим Вирджиния была очень привязана. Можно посочувствовать и Уолтеру Лэмбу, который жаловался, что Вирджиния *«из всего плетет паутину и может раскритиковать его недостатки»*. Однако ее поддразнивание зачастую было слишком прямолинейным, своего рода литературным приемом. Она выпускала залпы риторических вопросов и наставлений (*«или ты теперь эталон нравственности?»*, *«напиши мне сонет о его рещищах»*). Порой она бросала друзьям вызовы, побуждая их к немислимому риску, например, вступить в брак. Вирджиния умела льстить через оскорбления (*«Ты до сих пор аристократка? Утонченная или побитая жизнью?»*, *«Адриан говорит, что сегодня, кажется, видел тебя, но он не уверен. Дама ему улыбнулась. Это была ты или какая-нибудь проститутка?»*). Никто не обижался на подобные выпады со стороны Вирджинии, ведь это было проявлением остроумия и способности ставить людей в неловкие ситуации. Она называла это своим *«резким и язвительным»* стилем, но в то же время это было выражением ее восторга перед многообразием людской природы. Ее портреты складывались из бесчисленных штрихов, которые в совокупности превращались в легко узнаваемые карикатуры.

Образ самой Вирджинии вырисовывается гораздо менее отчетливо. Она хотела знать о друзьях все, и, если ей чего-то не договаривали, выдумывала это сама, но в отношении себя почти всегда была сдержанна. По ее письмам невозможно было бы узнать Вирджинию на светском приеме или на улице. Нельзя понять ни ее походку, ни манеру говорить, ни то, какое она производила первое впечатление: отчужденности или общительности. Каковы были ее фантазии? В письмах она словоохотлива, но в обществе часто и подолгу молчала. Найджел Николсон², сын Виты Сэквилл-Уэст³, рассказывал, что в детстве, когда его сковывала стеснительность, Вирджиния как-то раз утешила мальчика, сказав, что дружба подобна тихому горному озеру, в которое лишь изредка следует позволять вливаться серебристому ручейку разговора.

В юности она была неуверенной, завистливой к достижениям других в своей области, походить *«желая на благого, иметь его черты, иметь его друзей, таланты одного и доблести другого»*⁴, но к миру за пределами своего собственного – мира художественной литературы и музыки, обсуждения идей и наслаждения природой – Вирджиния могла относиться с пренебрежением, особенно к редакторам и критикам, чья работа состоит в том, чтобы вычитывать тексты и разьяснять якобы скрытые между строк намеки. В письмах Вирджиния редко упоминает о потрясениях в современной ей Англии. Политиков вместе с журналистами она относит к худшим представителям человечества, презирая их мужское самодовольство и обвиняя в том, что политика *«уничтожает все лучшее в человеке»*. Из всех политических дел она ассоциировала себя лишь с движением за избирательные права женщин, да и то не принимала в нем активного участия. Ей не хватало гражданской сознательности и дисциплинированного политического ума, как у Леонарда. Преподавая в колледже Морли на юге Лондона, она испытывала

² Найджел Николсон (1917–2004) – английский писатель, издатель и политик; младший сын Виты и Гарольда.

³ Виктория (Вита) Мэри Сэквилл-Уэст (1892–1962) – писательница и поэтесса, дочь 3-го барона Сэквилла. В 1913 году она вышла замуж за Гарольда Николсона. Вирджиния познакомилась с Витой на ужине у Клайва Белла в декабре 1922 года. С 1924 года издательство «Hogarth Press» публиковало ее книги.

⁴ См. Уильям Шекспир, «Сонеты» (№ 29, в пер. Н.В. Гербеля).

скорее раздражение, чем жалость к узколобым необразованным людям. Вирджиния разделяла многие предрассудки верхушки среднего класса, к которому принадлежала. *«С людьми из низшего класса приходится быть жизнерадостной, иначе они подумают, что ты заболела»*, – писала она. Ее письма не лишены ни ксенофобии, ни антисемитских колкостей.

В то же время она во многих аспектах сопротивлялась устоям своей эпохи. Получив возможность выйти в свет, она возненавидела его. Вирджиния забивалась в угол бального зала с томиком «In Memoriam» Теннисона, тогда как Ванессу приглашали на каждый танец. Она не стремилась к светскому успеху, которого с ее красотой и умом вполне могла бы добиться, и, не имея вкуса к архитектуре, презирала богатые загородные поместья за тот пышный образ жизни, который вели их обитатели. Самые острые стрелы ее остроумия предназначались людям, которые важничали и дорого одевались, и тем, кто прикрывал свою бессердечность религиозностью. Ее глубоко возмущало унижение женщин в мужском обществе, она упрекала своего отца за то, что он не дал ей надлежащего образования, тогда как ее братьев, разумеется, отправляли в лучшие школы и университет. Ей казалось возмутительным, что такая умная женщина, как Мадж Воган, была вынуждена смириться с отупляющей ролью жены директора школы, мешавшей ей писать художественные произведения. Вирджиния была твердо намерена выйти замуж за человека, столь же достойного ее, сколь она – его. Она хотела равноправного партнерства.

Вирджиния страдала психическим расстройством и пережила несколько приступов безумия в тот период, который охватывают письма этого тома, а значит, книгу наверняка будут просматривать в поисках подтверждений. Увы, подобных свидетельств немного. Между приступами Вирджинии отличалась поразительным здравомыслием, словно ум прояснялся, как небо после грозы. Всякий раз, оправляясь от ранних приступов, она будто бы становилась немного взрослее: улучшался ее почерк, а из выражений исчезала детскость. Мысль о новом приступе не особенно ее пугала. Это была болезнь, с которой она научилась жить и у которой даже имелись свои преимущества, позволявшие ей уноситься в полет фантазии. *«В безумии есть своя логика – может, оно и есть настоящее здравомыслие? А мы, грустные трезвомыслящие граждане, лишь беспрерывно бредим и заслуживаем пожизненного заточения»*, – писала она Эмме Воган. Письмо к Вайолет Дикинсон (№ 182) показывает, какие мучения ей пришлось пережить, однако вскоре после этого она уже могла иронично анализировать свое безумие. Под его влиянием в этом томе, по-видимому, написано только одно письмо (№ 440), но и оно лишь проходит по границе между гениальностью и безумием Вирджинии, придавая ее шуткам истеричность, а воображению – разнузданность. Но кто может точно сказать, в каком состоянии она написала: *«Мы хохотали до тех пор, пока науки не пустились в пляс по углам и не задохнулись от смеха в собственных паутинах»*, – в здравомыслящем или безумном? Списать их на бесконтрольный полет фантазии или же на банальное упражнение в поисках особенного литературного языка? И есть ли разница? Письмо из психиатрической лечебницы в Твикенхэме (№ 531) фиксирует этот переход из безумия в здравомыслие: *«Я провела в саду два часа и чувствую себя абсолютно здоровой. Я «прощупываю» свой мозг, как проверяют груши на спелость, и к сентябрю он будет в полном порядке»*. Во время приступов Вирджиния была мужественной и терпеливой, а после них столь же мало тронутой пережитым, как другие – перенесенной пневмонией. Если называть ясность рассудка здравомыслием, а смятение – безумием, то Вирджиния могла переключаться из одного состояния в другое так же легко, как после ночного кошмара с аппетитом позавтракать. Ее не смущало то, что с ней происходило, и она без труда возвращалась к друзьям и привычным занятиям. Вирджиния легко восстанавливалась.

До брака она оставалась девственницей и находила мысль о сексе с мужчиной пугающей, если не отвратительной. Во время помолвки она предупредила Леонарда: *«Бывают моменты – например, на днях ты поцеловал меня, – когда я действительно ощущаю себя не иначе как скалой»*. Судя по их мемуарам и другим признакам, обе сестры, Ванесса и Вирджиния, в детстве пережили своего рода сексуализированное насилие со стороны сводных братьев, Джор-

джа и Джеральда Даквортов. По-видимому, в случае Вирджинии полученная травма сильно сказалась на развитии ее психического расстройства и своего рода фригидности в отношении мужчин, и именно ею можно объяснить приведенную выше цитату, однако ни в письмах, ни в дневниках читатель не найдет убедительных доказательств или даже свидетельств произошедшего, поэтому не стоит слишком сильно спекулировать на этой теме.

У Вирджинии и Ванессы было много поклонников. В первом томе автобиографии Леонард описывает их как девушек изумительной красоты, в которых невозможно было не влюбиться. К тому же Вирджиния получила по меньшей мере четыре предложения выйти замуж, прежде чем ответила согласием Леонарду. Однако в течение нескольких лет она испытывала сильную привязанность к сестре и двум-трем подругам.

В первую очередь на ум, разумеется, приходит именно Ванесса. *«Конечно, я люблю тебя больше всех в этом мире»*, – писала ей сестра. *«Ты <...> самое цельное человеческое существо из всех»*. Когда читаешь их переписку, порой кажется, что Вирджиния испытывала к Ванессе гораздо более сильные чувства, нежели сестринские. Из них двоих Ванесса была более сильной личностью. *«У внешне сдержанной Нессы внутри бурлят настоящие вулканы»*, – писала Вирджиния, и именно это сочетание дерзости и нежности позволило Ванессе оказывать огромное влияние на жизнь сестры, даже сильнее, чем Лесли Стивен, в котором Вирджиния довольно быстро обнаружила изъяны вроде отсутствия воображения и чувства юмора.

Брат Тоби был для Вирджинии тем же, кем Бренуэлл⁵ – для Шарлотты Бронте, до того как совсем опустился. Он был Вирджинии другом, наставником и в чем-то даже доверенным лицом. Ее детские письма к брату похожи на те, что большинство девочек писали старшим братьям, только длиннее; они интересны тем, что в них отражена детская натура Вирджинии, ее нормальность и зарождающееся чувство юмора.

К Адриану ее чувства были менее сильными: возможно, Вирджиния его недооценивала, хотя он был добрым, умным и ласковым человеком, о чем лучше всего говорит круг его друзей. Возможно, после смерти Тоби и замужества сестры Вирджиния слишком много времени проводила в обществе Адриана, живя с ним и часто ссорясь, но даже когда ему исполнилось двадцать три года и он уже вымахал (его рост составлял почти 196 см), Вирджиния продолжала считать Адриана *«бедным мальчуганом»*.

Ее дружба с двумя более взрослыми женщинами вызывала в ней сильные чувства, неотличимые от любви. Одной из них была Мадж Воган, дочь писателя Джона Эддингтона Саймондса⁶, вышедшая замуж за двоюродного брата Вирджинии, Уильяма Вайамаара Вогана, который был директором школы в Джигглсвике, затем Веллингтонского колледжа и, наконец, Рагби. В письмах Вирджинии к Эмме Воган нежности гораздо больше, из чего может сложиться впечатление, что она скорее любила ее, а не Мадж. Однако именно Мадж, которая была на 13 лет старше Вирджинии, она первой открыла свое сердце и призналась в литературных амбициях, и именно Мадж послужила прототипом Салли в *«Миссис Дэллоуэй»*. Вирджиния была в нее влюблена, хотя по одним только письмам об этом догадаться нелегко. И все же: *«Мадж – прелестная женщина, увлеченная разными теориями, эмоциональная, бесконечно задающая вопросы, словно двухлетний ребенок, но мне нравится ее компания, и мы, как ни странно, прекрасно ладим»*, – писала она. Мадж Воган тоже была писательницей, но учебные заведения и дети занимали все ее время, и Вирджиния считала, что ее редкий талант растрачен впустую.

Второй «возлюбленной» взрослой женщиной в жизни Вирджинии была Вайолет Дикинсон. Больше половины писем этого тома адресованы именно ей, и если бы не они, а также шуточная биография *«Галерея дружбы»*, или *«Жизнь Вайолет»*, написанная Вирджинией в

⁵ Патрик Бренуэлл Бронте (1817–1848) – английский художник и поэт, единственный брат сестер Бронте. После увольнения с работы и других неудач он стал злоупотреблять алкоголем и опиумом, нередко испытывал приступы белой горячки, катастрофически подорвал здоровье и в итоге умер от туберкулеза.

⁶ Джон Эддингтон Саймондс (1840–1893) – английский поэт и литературный критик.

1900-х, то о мисс Дикинсон, возможно, забыли бы вовсе. Ее биография мало чем примечательна. Она родилась в 1865 году, ее отец Эдмунд был сквайром из Сомерсета, а мать – дочерью 3-го лорда Оклендского. Большую часть взрослой жизни Вайолет провела в Уэлине вместе со своим братом Освальдом, который стал секретарем Комиссии по делам душевнобольных. Ни она, ни Оззи так никогда и не вступили в брак, а в 1948 году он получил в наследство от сестры все ее состояние (£25 000). В 1919 году Вайолет опубликовала первую и единственную книгу – сборник писем своей двоюродной тетки Эмили Иден. Рост Вайолет составлял 188 см. Она была нескладной и даже неуклюжей, но все, кто знакомился с ней в литературном и светском обществах, в которых она вращалась, обожали ее.

Вирджиния знала Вайолет с детства: она была подружкой Стеллы Дакворт и частой гостьей в доме 22 по Гайд-парк-гейт, – но лишь в 1902 году, когда Вирджинии исполнилось двадцать, а Вайолет – тридцать семь, они начали свою доверительную переписку. В ранних письмах Вирджиния едва скрывает страсть, которую испытывала к этой неловкой, но очаровательной женщине. Она создает для себя целый ряд звериных прозвищ (Воробушка, Кенгуру, Обезьянка), а Вайолет называет то тетушкой, то ребенком, то своей женщиной, выдумывает ей мужа – по видимому, им был Оззи или сосед Уолтер Крам, к которому Вирджиния демонстративно выражает в письмах сильную ревность, и еще большую – к миссис Крам. Близость Вирджинии и Вайолет явно сильнее дружеской. Вирджиния постоянно пишет ей и требует ласки, признаний в любви и других выражений чувств. Однако их романтические отношения основывались на чем-то более глубоком: *«ты единственный отзывчивый человек на всем белом свете, поэтому все и идут к тебе со своими бедами»*. Именно у Вайолет Вирджиния пряталась от людей и выздоравливала три месяца, когда летом 1904 года пережила приступ безумия, и именно к ней обращалась за утешением, когда умирали сперва ее отец, а затем брат. Свою собственную заботу Вирджиния порой выражала удивительным трагичным образом, скрывая, например, от Вайолет известие о смерти Тоби (вплоть до того, что выдумывала его рацион питания, колебания температуры, разговоры и планы после выздоровления), пока подруга сама не поправилась настолько, чтобы вынести этот удар. У них было много общих знакомых, в частности Беатриса Тинн и леди Роберт Сесил, с которой Вайолет отправилась в кругосветное путешествие, и интересов, таких как переплетное дело, музыка и литература. Вирджиния посылала Вайолет свои ранние рукописи, и та познакомила ее с миссис Литтелтон, редактором Женского приложения к «Guardian», опубликовавшей первые произведения Вирджинии. Постепенно, примерно с 1907 года, страсть между ними начала угасать. Вайолет не могла тягаться с «блумсберийцами», однако Вирджиния продолжала писать ей, хотя делала это скорее из привычки, чем из доверия, потому что *«время от времени нужно на кого-то выплеснуться»*, и по мере угасания чувств эти письма становились более жесткими и менее неловкими. Их переписка продолжалась до самой смерти Вирджинии, и незадолго до этого Вайолет прислала ей всю коллекцию, около 450 писем, увековечивших любовь, которая давно прошла. К сожалению, сама Вирджиния уничтожила множество полученных писем, включая все от Вайолет.

Письма Вирджинии к леди Роберт Сесил едва ли не лучшие в этом томе. Дочь графа Дарема и жена одного из выдающихся сыновей лорда Солсбери, она принадлежала к миру, который Вирджиния презирала бы, не будь Нелли необыкновенно одаренной женщиной. Ее племянник, лорд Дэвид Сесил⁷, вспоминал о тетушке так: *«Изысканно хорошенькая, с нежными чертами лица и большими темными глазами, она соединяла в себе острый ум, высокий интеллект и тонкий вкус к литературе и живописи»*. Она была писательницей, хотя почти ничего не публиковала, кроме рецензий, и Вирджиния ценила ее мнение достаточно высоко, чтобы давать свои рукописи на отзыв и предлагать вместе вести колонку в «Cornhill Magazine». Между ними вскоре завязалась тесная дружба, тем более странная, что Нелли была почти

⁷ Лорд Эдвард Кристиан Дэвид Гаскойн-Сесил (1902–1986) – выпускник Оксфорда, историк и академик.

глухой, и их разговоры, должно быть, не приносили такого удовольствия, как переписка. В письмах к Нелли мы видим Вирджинию дразнящей, заботливой, выражающей привязанность, инстинктивно чувствующей грань между шуткой и дерзостью – словом, талант, который заключался в том, чтобы аккуратно прощупывать границы дозволенного и говорить только то, что при необходимости можно будет без последствий замять.

Нелли Сесил была известной женщиной, знатной, богатой, имевшей определенное положение в обществе, но в письмах Вирджинии к ней чувствуется намек на то, что Нелли гораздо более приятным человеком, чем можно подумать; что она в любой момент готова променять свое поместье на коттедж, а ювелирные украшения на томик хорошей книги и что она разделяет ироничное, а порой и пренебрежительное отношение Вирджинии к пышности и церемониалу. Однако в силу своего положения Нелли умело сочетала одно с другим, из-за чего казалась еще более глубоким человеком и чему Вирджиния наверняка завидовала.

Когда в ее переписке впервые появился мужчина (если не считать родственников), Вирджинии было уже 24 года, и писала она ему лишь потому, что он, Клайв Белл, тоже с ней породнился. Это оказалось испытанием. Ее раздражало, что Клайв вклинился между ней и Ванессой, но было и нечто большее. Она словно совсем не умела общаться с мужчинами. Для многих читателей этого тома может стать неожиданностью то, как медленно Вирджиния сближалась с друзьями Тоби, которые впоследствии стали ее собственными близкими людьми, и насколько равнодушной оставалась в течение нескольких лет к «блумсберийскому» стилю жизни и общения. Письмо № 512 прекрасно это иллюстрирует. Ее первое длинное письмо Клайву (№ 345) было ужасным, вычурным и напыщенным. Должно быть, он недоумевал, что за женщина досталась ему в свояченицы, да и сама Вирджиния испытывала схожие чувства по поводу зятя. Осознав, что приняла позу или надела маску, не соответствующую истинной натуре, Вирджиния от нее отказалась. Несколько месяцев спустя их отношения с Клайвом в переписке стали напоминать флирт. Сперва они стали союзниками в попытке спасти Ванессу от быта, в котором та погрязла, и от бесконечных разговоров о ребенке, но, потерпев неудачу, переключились друг на друга. В этот период Клайв был самым отзывчивым из ее корреспондентов. Вирджинии нравилось, что он получает удовольствие от словесных поединков с ней как женщиной, и только с ним она отважилась без обвиняков обсуждать свой первый роман. Ее письма к Клайву и другим мужчинам приобрели особую тональность и стали более сдержанными, а после писем, адресованных *Жабе* или подписанных *Воробушкой*, они и вовсе читаются с облегчением. Вирджиния постепенно вырабатывала свой стиль, тщательнее подбирала слова и выстраивала предложения, серьезно писала о важных вещах и, как оказалось, была чувствительнее к мужскому мнению, нежели к женскому.

С Литтоном Стрэйчи она никогда не флиртowała, хотя на несколько часов даже оказалась с ним помолвленной. Как заметил Леонард Вулф, опубликовавший сокращенную версию их переписки, они относились друг к другу с легкой настороженностью, *«всегда держались безупречно и никогда не чувствовали себя так же свободно, как с другими людьми, которыми восхищались и которых уважали меньше»*. Стоит уточнить, что Леонард, скорее всего, подразумевает безупречность их поведения в отношении творчества друг друга. В письмах к Литтону она предстает весьма язвительной женщиной, которой хотелось, чтобы он считал ее умной, а не прелестной. В ее манере держаться с Литтоном чувствуются защитная стойка, напряжение, самомнение, страх показаться смешной и самой стать объектом насмешек. Она побаивалась острого языка Литтона, порой завидовала его литературному таланту, а иногда испытывала и ревность.

Письма Вирджинии Стивен представляют огромный интерес, ведь в итоге она стала выдающейся, если не гениальной, писательницей. Истоки ее особенного, уникального стиля и новизна видения – все это можно найти здесь, в первом томе писем. *«Я пришла к выводу, что оживить письма может лишь искренний интерес к другим людям»*, – писала она Ванессе. То

же верно и в отношении ее романов. На Вирджинию влияли не столько книги, сколько разговоры, наблюдение за другими людьми, дружба с мужчинами и женщинами, которым она задавала вопросы, бросала вызов и которых анализировала, а также ее собственные изменчивые чувства к ним и их чувства к ней. Это и есть материал как ее писем, так и художественной прозы. Литературное достижение Вирджинии заключалось в том, что она по-новому анализировала и препарировала то, что принято называть характером, личностью, а изъяны ума интересовали ее не меньше физических недостатков. Письма – это запись ее ежедневных наблюдений, а романы – попытка обобщения. В обоих случаях она стремилась к ясности, избегая банальности мысли и выражения чувств, презируя условность и фальшь. Как она однажды сформулировала это Вите Сэквилл-Уэст, ей была важна *«сущностная ясность»*, имея в виду точный анализ обыденных обстоятельств. Вирджинию не интересовало *странное* – ее занимала тайна *обыкновенного*. В одном из писем к Клайву Беллу (№ 429), комментируя стихи Литтона Стрэйчи, она цитирует четыре словосочетания и жалуется: *«<...> встречая подобные выражения, я остаиваюсь, перекачивая их на языке, но не ощущая дыхания свежести»*. Ей казалось насилием над языком – так использовать слова. Она считала, что их нужно выискивать, нанизывать, как бусы на ниточку, подбирать одно к другому по форме и цвету, чтобы в конце концов добиться *«некой целостности, состоящей из трепещущих фрагментов; мне это кажется естественным процессом, полетом мысли»*⁸. За этими ее экспериментами интересно наблюдать именно в письмах.

За период, охваченный этим томом, Вирджиния написала лишь один роман – свой первый, «По морю прочь», который она везде называет «Мелимброзией». Сходство между стилем романа и ранних писем очевидно, хотя о неиссякаемости ее вдохновения свидетельствует то, как мало они вторят друг другу. Трудно найти хоть одну фразу, общую для обоих текстов. Когда начинаешь искать в романе события из жизни Вирджинии, их почти не находишь. В глаза бросается лишь параллель между смертью Тоби и смертью Рэчел, хотя обстоятельства сильно изменены, а фантазии героини, возможно, отражают фантазии самой Вирджинии во время приступов безумия. Действие разворачивается во время длительного плавания на грузовом судне, а затем переносится на южноамериканский прибрежный курорт с джунглями на фоне. Сама Вирджиния совершила только одно морское путешествие, когда на лайнере отправилась в Португалию, но тропиков никогда не видела. Этот странный антураж не очень-то нужен сюжету: история вполне могла быть рассказана на фоне хорошо знакомого писательнице Средиземноморья, или даже Корнуолла, известного ей вдоль и поперек. Однако места, которых Вирджиния никогда не видела, были для нее столь же реальны, как и люди, с которыми она никогда не встречалась.

Конечно, некоторые персонажи навеяны ее друзьями и близкими: Ванесса напоминает Хелен, хотя героиня по меньшей мере на 15 лет старше; Литтон – Сент-Джона, Китти Макс и Джек Хиллз – мистера и миссис Дэллоуэй; Тоби – это, возможно, Теренс, а сама Вирджиния – Рэчел. Впрочем, сходства в этих парах незначительны, а Вирджиния была слишком горделивым автором, чтобы очевидным образом перекаивать материал, который всегда был под рукой. Однако в книге она дает выход своим взглядам и чувствам: негодованию по поводу роли, отведенной женщинам в патриархальном обществе; презрению к христианскому ханжеству; ощущению грандиозности природы по сравнению с ничтожностью человека. Это роман протеста и сострадания. С одной стороны, в нем слышится треск ломающихся викторианских оков, а с другой, это исследование природы любви. Разумеется, сексуальные отношения играют в нем лишь незначительную роль – скорее, это нечто наблюдаемое с любопытством, чем переживаемое. И тем не менее Вирджиния вслух задается вопросом: является ли брак желанным и

⁸ См. ВВ-Д-0, 1909 г., «Италия».

сносным состоянием. Именно этот вопрос в ту пору занимал ее больше всего, а смерть Рэчел становится своего рода способом оставить его без ответа.

В жизни Вирджинии ответ был получен через несколько дней после завершения рукописи. На последних страницах этого тома она выходит замуж за Леонарда Вулфа.

Заметки составителя

1

Письма выдающихся людей всегда интересовали и будут интересовать читателей, а значит, продолжают выходить в свет, независимо от того, считаем ли мы чтение чужой переписки этичным или нет. И каждый волен сам принимать для себя решение: читать или не читать то, что уже опубликовано, – поэтому оставим вопросы этики и морали в стороне и перейдем непосредственно к принципам публикации корреспонденции.

Существует несколько подходов к систематизации писем и организации их в сборники. В самом общем виде можно сказать, что корреспонденцию публикуют либо полностью (чаще всего в виде многотомников), либо частично (избранно). Сразу стоит отметить, что настоящее издание представляет собой полное на момент публикации собрание переписки Вирджинии Вулф.

В издательской практике можно выделить пять принципов систематизации писем:

а) *хронологический* (от ранних к поздним), наиболее естественный; плюсы этого подхода очевидны, а главный минус заключается в том, что переписка с разными адресатами дробится (именно таким способом и организовано большинство известных сборников писем);

б) *адресатный*, когда корреспонденцию группируют по получателям, как правило, расположенным в алфавитном порядке (среди плюсов стоит выделить наглядность развития отношений с конкретным лицом, однако внутри каждого раздела все равно требуется хронология, а общая биографическая линия автора при этом распадается);

в) *тематический* – наиболее спорный и искусственный принцип, в соответствии с которым письма объединяются по темам: литература, политика, семья, здоровье, путешествия и т.п. (проблема данного подхода заключается в том, что большинство писем многотемны, а следовательно, степень редакторского произвола чересчур высока);

г) *диалогический*, характерный для публикации писем вместе с ответами собеседника (такой подход зачастую ограничен отсутствием полной переписки, а также узким кругом адресатов, чаще всего одним конкретным);

д) *гибридный*, сочетающий в себе несколько выше описанных подходов, а потому наиболее гибкий, но подчас требующий неоднозначных редакторских решений.

2

Основной корпус писем Вирджинии Вулф, насчитывающий более трех тысяч семисот штук, был впервые опубликован в шести томах в 1970-х.

Редакторы оригинального издания систематизировали корреспонденцию Вулф в хронологическом порядке, однако приняли спорное решение о введении сквозной нумерации писем, заведомо зная, что далеко не все сохранившиеся тексты доступны им для публикации, хотя для оформления цитат и ссылок в большинстве случаев было бы достаточно (пускай и не так удобно) адресата и даты. В результате, публикуя в приложении к последнему тому дополнительные письма более раннего периода, редакторы были вынуждены добавить в свою нумерацию буквенное обозначение, например 100а. Это означает, что данное письмо хронологически должно располагаться между сотым и сто первым.

Однако в 2025 году, когда издательство Эдинбургского университета опубликовало внушительный том ранее не изданных писем Вулф (более тысячи четырехсот штук), ситуация только усугубилась. Во-первых, редакторы новой книги расположили письма не в хронологиче-

ском порядке, а по адресатам – в алфавитном. Во-вторых, они приняли закономерное решение следовать нумерации оригинального шеститомника, за 40 лет ставшей привычной для многочисленных исследователей творчества Вулф, вследствие чего им пришлось пронумеровать три ранних письма нулями (0, 00, 000), использовать следующие буквы алфавита, вплоть до «f», а в редких случаях добавить перед буквой цифру, например 1148.0a, 1148.0b. Это означает, что данные письма хронологически должны располагаться перед письмом 1148a.

Отдельной проблемой остается датировка: многие письма датированы приблизительно (для одних известен месяц, для других – лишь год, для третьих по косвенным признакам можно установить только диапазон лет, когда они могли быть написаны). Некоторые письма и вовсе не датированы, а следовательно, не могут войти в основной, хронологически выстроенный ряд и потому обычно помещаются в приложение. Однако нет сомнений, что со временем многие подобные пробелы будут устранены.

В итоге мы – современные исследователи и обыкновенные читатели – имея множество писем Вулф, получивших экзотическую сквозную нумерацию, лишь смутно представляем себе их количество, не говоря уже о возникшей путанице, ввиду двух разных редакторских подходов к систематизации корреспонденции, а также ошибок, которые неизбежно повлек за собой столь гигантский объем работы с материалом. Можно не сомневаться, что новые письма, которые рано или поздно наверняка всплывут в каких-либо печатных изданиях, будут пронумерованы тем же образом.

На русском языке письма Вирджинии Вулф публикуются впервые, и при составлении настоящего издания приняты следующие решения касательно систематизации:

- а) сохранить оригинальную разбивку корреспонденции на шесть томов;
- б) поместить все «новые» письма, опубликованные позже, в основной корпус переписки в соответствии с *хронологическим* подходом;
- в) сохранить оригинальную цифро-буквенную нумерацию во избежание путаницы при цитировании или отсылке, будь то русскому переводу или к оригиналу;
- г) помещать недатированные или очень примерно датированные письма, не получившие номеров в оригинальном издании, в приложениях к каждому тому, если есть уверенность, что они относятся к охваченному книгой периоду; в противном случае опубликовать их в последнем, шестом, томе – также в виде приложения.
- д) указывать в каждом томе собрания общее количество вошедших в него писем.

3

Едва ли не важнейшая цель подготовки настоящего многотомника заключалась в том, чтобы максимально расширить и углубить контекст писем Вирджинии Вулф, по возможности предоставив читателю как можно больше дополнительных материалов вдобавок к обычным вступлениям, сноскам, приложениям и т.д. В связи с этим было принято неоднозначное, уникальное или по меньшей мере крайне редкое редакторское решение, а именно: добавить в основной корпус корреспонденции все сохранившиеся, опубликованные и найденные составителем настоящего издания письма других людей, адресованные Вулф, причем независимо от того, составляют они пары с письмами Вирджинии (по принципу «послание – ответ») или же остаются без ответа по той или иной причине (ответы утрачены или вовсе не существовали). Более того, эти письма адресантов Вулф включаются в текст следующим образом:

- а) *хронологически*, если они не образуют пар с письмами Вирджинии;
- б) *контекстуально*, или бок о бок, если можно сопоставить письма с ответами на них;
- в) *отдельно* (в приложении), если письма адресатов Вулф не датированы достаточно точно и при этом не имеют «парного» ответа писательницы.

Конечно, данное решение может показаться странным, спорным, сложным и поначалу даже сбивающим с толку, однако есть абсолютная уверенность, что такая исключительная полнота представленного читателям материала позволит глубже погрузиться в жизнь писательницы; лучше рассмотреть и прочувствовать весьма обширный круг ее социальных связей, а также облегчить исследование ее взаимоотношений с конкретными адресатами.

Кроме того, не стоит забывать, что, хотя интерес к творчеству Вулф среди русскоязычной аудитории не ослабевает, а по некоторым сведениям даже усиливается, о чем свидетельствуют новые переводы ее романов, собрания писем адресатов Вирджинии, даже самых известных (таких как Ванесса Белл, Леонард Вулф, Литтон Стрэйчи, Роджер Фрай и других) не опубликованы на русском языке вовсе и, возможно, еще не скоро увидят эту часть света. И нет смысла ждать возможности исследовать жизнь Вулф через призму ее корреспонденции, когда можно сделать это здесь и сейчас, опубликовав полное собрание писем в таком *гибридном* формате с элементами *диалогового* подхода.

4

С одной стороны, русскоязычный шеститомник корреспонденции Вулф будет гораздо внушительнее оригинального собрания по объему за счет «новых» писем, опубликованных в 2025 году отдельным томом, теперь занявших свое место в хронологии, и писем от других людей. С другой стороны, с целью снижения объема и повышения удобства прочтения было принято решение опустить часть материалов (за исключением случаев, когда это действительно контекстуально важно), которые представляются избыточными для подавляющего большинства читателей, а именно: указания

а) мест хранения оригиналов каждого письма, будь то архив, библиотека университета или частное лицо; данная информация представляется маловажной, особенно если учесть, что со временем владельцы рукописей могут меняться;

б) типа послания (открытка, телеграмма, письмо и т.д.), что во многих случаях совершенно очевидно, но не принципиально;

в) инструмента написания оригинала (карандаш, перо, ручка, печатная машинка);

г) источника первой публикации тех или иных писем (особенно от других людей) – сама по себе важная информация, которая, однако, может быть легко найдена любым пытливым исследователем.

Стоит пояснить, что целью публикации писем от адресатов является отнюдь не нарушение авторских прав, а стремление представить корреспонденцию Вулф как можно более полно, если не всеобъемлюще.

Остается выразить надежду, что со временем свет увидят все сохранившиеся, но еще не опубликованные письма, о существовании которых доподлинно известно.

С уважением ко всем читателям,

Русинов Александр

Письма

Аделина Вирджиния Стивен родилась 25 января 1882 года. Ее первое сохранившееся письмо адресовано отцу и, увы, не датировано. Однако доподлинно известно, что она жила в доме 22 по Гайд-парк-гейт вместе с родителями – Лесли⁹ и Джулией Стивен¹⁰. Другими членами семьи были родные братья и сестра (Ванесса¹¹, Тоби¹², Адриан¹³), трое детей Джулии от первого брака с Гербертом Даквортом¹⁴ (Джордж¹⁵, Стелла¹⁶, Джеральд¹⁷), а также Лора¹⁸ – слабоумная дочь Лесли от первого брака с Минни Теккерей¹⁹. В доме также проживало семь слуг. Тоби и Адриан поочередно поступили в подготовительные школы, потом в Клифтон-колледж (Тоби) и Вестминстерскую школу (Адриан), после чего оба продолжили обучение в Кембридже, в то время как девочки получали домашнее образование, в основном занимаясь с родителями и читая книги из библиотеки отца.

Каждое лето вплоть до 1894 года вся семья ездила отдыхать в Сент-Айвс, Корнуолл. Трагическими событиями, нарушившими их привычный уклад, стали смерть Джулии Стивен от ревматической лихорадки в мае 1895 года и смерть Стеллы от перитонита в июле 1897 года, всего через три месяца после ее свадьбы с Джеком Хиллзом²⁰. Первая из этих трагедий привела Вирджинию к нервному срыву, когда ей было 13 лет.

В настоящий том вошло 701 письмо Вирджинии и 67 писем ее адресатов.

0: Лесли Стивену

[Дата неизвестна] [Талленд-хаус, Сент-Айвс, Корнуолл]

Дорогой отец,
мы еще не купались, но завтра пойдем. В поезде мы пели.
Твоя любящая Вирджиния

00: Джорджу Дакворту

[Дата неизвестна] [Гайд-парк-гейт, 22]

Дорогой Джордж,
я – маленький мальчик, а Адриан – девочка. Я послала тебе шоколадок. Пока.
Вирджиния

---

⁹ Сэр Лесли Стивен (1832–1904) – историк, писатель, критик; редактор Национального биографического словаря.

¹⁰ Джулия Принцеп Стивен (1846–1895) – известная своей красотой и филантропией вторая жена Лесли Стивена.

¹¹ Ванесса Стивен (1879–1961).

¹² Джулиан Тоби Стивен (1880–1906).

¹³ Адриан Лесли Стивен (1883–1948).

¹⁴ Герберт Дакворт (1833–1870).

¹⁵ Джордж Герберт Дакворт (1868–1934).

¹⁶ Стелла Дакворт (1869–1897).

¹⁷ Джеральд де л’Этан Дакворт (1870–1937).

¹⁸ Лора Мейкпис Стивен (1870–1945) большую часть своей жизни провела в заведении для душевнобольных.

¹⁹ Гарриет Мариан (Минни) Стивен, урожденная Теккерей (1840–1875).

²⁰ Джон (Джек) Уоллер Хиллз (1867–1938) – выпускник Итона и Баллиол-колледжа Оксфорда, солиситор и политик-консерватор; муж Стеллы Дакворт.

000: Джеймсу Расселлу Лоуэллу

(от Лесли Стивена с постскриптумом Вирджинии)

22 февраля 1887 [Пайпортс, деревня] Кобхэм [Суррей]

Мой дорогой Лоуэлл²¹,

на обороте – образец почерка твоей крестницы, которая правильно подмечает, что мы сейчас за городом, точнее, в доме Лашингтона²² в Суррее, любезно предоставленном нам для поправки здоровья. По-моему, я уже достаточно выздоровел, если, конечно, можно использовать это слово, когда не болел. Сговорившись с моим любезным обманщиком врачом и другими, Джулия сумела заставить меня бросить на пару месяцев свой злосчастный [Национальный биографический] словарь. За это время я успел чудесно провести время в Альпах и теперь прекрасно отдыхаю здесь. Даже самый закоренелый скептик не станет отрицать, что сейчас я совершенно здоров и в понедельник смогу вернуться к работе. Между тем я получил твою книгу²³, за которую должен был поблагодарить. Полагаю, Джулия уже выполнила эту обязанность за меня и справилась гораздо лучше. Пускай с опозданием, но я тоже говорю тебе спасибо. Восхищаюсь твоим умением выступать, однако хотел бы услышать пару аргументов по второстепенным вопросам, и по этой причине (но не только!) надеюсь, что мы скоро увидимся. Впервые за долгое время я действительно хорошо себя чувствую и уверен, что смогу наслаждаться нашей встречей, ведь к тому времени буду в еще лучшей форме. Джулия просила сказать что-нибудь трогательное – собственно, это я и делаю.

Всегда преданный Лесли Стивен

Дорогой крестный папа, желаю вам многих счастливых дней рождения. Мы за городом. Мы видели охотников.

Ваша любящая Вирджиния

1: Джеймсу Расселлу Лоуэллу

(от Лесли Стивена с постскриптумом Вирджинии)

20 августа 1888 [Гайд-парк-гейт, 22]

Мой дорогой Лоуэлл,

это спонтанное произведение мисс Стивен навеяно открыткой с изображением Адирондакских гор [США] и мыслью о том, что ты там был. В последней фразе она выражает чувства всей семьи. Как ты понимаешь, по утрам я ленюсь и развлекаю себя тем, что занимаюсь с детьми, вместо того чтобы работать над словарем, а потому набираю вес, и буду искренне рад, если смогу разделить свой праздный досуг с тобой. У нас все хорошо: дети рады, да и погода здесь лучше, чем где-либо еще на Британских островах, так что приезжай и получи свою долю.

Всегда преданный Л. Стивен

Дорогой крестный папа, вы были в Адирондакских горах и видели много диких зверей и птиц в гнездах? Вы нехороший человек, раз не едете к нам. До свидания.

Ваша любящая Вирджиния

1а: Джулии Стивен

---

²¹ Джеймс Расселл Лоуэлл (1819–1891) – американский поэт, педагог, эссеист и дипломат, посол США в Лондоне в 1880–1885 гг.; близкий друг Лесли Стивена. Вирджиния поздравляет его с днем рождения, который был 22 января.

²² Судья Вернон Лашингтон (1832–1912) и его жена были близкими друзьями Лесли и Джулии Стивен в Кенсингтоне, а их дочери Кэтрин (Китти Макс), Маргарет и Сьюзен сыграли немаловажную роль в светской жизни детей Стивен.

²³ «Демократия и другие речи» (1887) – сборник текстов, с которыми Лоуэлл выступал, будучи послом США в Англии.

[Дата неизвестна] [Гайд-парк-гейт, 22]

Моя дорогая мама,

сегодня утром мы со Стеллой вышли прогуляться у пруда [в Кенсингтонских садах], и там было много больших лодок. Еще мы прибирались в маленькой комнате и чистили серебро, потому что оно ужасно грязное. У чучел животных [в Музее естествознания] было очень весело. Мы ходили туда с Эдвином²⁴. Миссис Принцеп²⁵ говорит, что ездит только на обычных поездах, потому что все экспрессы попадают в аварии. Она рассказала нам про одного 70-летнего старика, который угодил ногами под поезд, и тот тащил его за собой, пока не загорелся. Старик кричал, чтобы кто-нибудь отрезал ему ноги, но на помощь никто не пришел, и он сгорел. До свидания.

С любовью, Вирджиния

1b: Джулии Стивен

[1893?] Лимнерлис, Гилфорд [Суррей]

Моя дорогая мама,

мы только что вернулись с прогулки в Гилфорд. Сегодня утром я поймала фритиллярию [бабочку]. Миссис Крэйн²⁶ вчера засиделась допоздна. Мы завтракаем и пьем чай в игровой, а ужинаем с мистером²⁷ и миссис Уоттс²⁸. Папа уже начудил, а цветы какие-нибудь нашел? Кровати здесь такие мягкие, что ложишься на них и просто проваливаешься. Мистер и миссис Уоттс ложатся спать примерно в половине девятого, а встают около пяти. Сегодня утром, в половине восьмого, миссис Уоттс пошла в церковь. Мы подарили Эмме [Воган?] дикие розы, здесь их полно. Сегодня глаз Нессы в полном порядке, только немного прищурен, так что повязку она сняла. Погода стоит прекрасная, но раз я это сказала, то наверняка скоро пойдет дождь. Адриан где-то раздобыл старый кнут и теперь собирается хлестать Шэга²⁹. Кукушка куковала прямо возле нас, но соловья мы так и не услышали, а ты? Думаю, остальные пишут тебе то же самое, что и я. До свидания.

Твоя любящая Вирджиния

2: Тоби Стивену

Пятница, 6 марта [1896] [Гайд-парк-гейт, 22]

Мой дорогой Тоби,

как поживает [семейный] музей? Отец говорит, что ученые обнаружили обезьяну, которая ближе к человеку, чем все известные прежде³⁰. Разумеется, речь идет о роде «Самбо» –

---

²⁴ Эдвин Фишер (1883–1947) – банкир, двоюродный брат ВВ, младший ребенок Мэри и Герберта Уильяма Фишера.

²⁵ Принцессы – это семья Сары Пэттл (1816–1887), тети Джулии Стивен, и Генри Тоби Принцепа (1793–1878). Возможно, ВВ говорит о Флоренс – жене художника Валентина Камерона Прицепа (1838–1904), сына Сары и Генри Тоби.

²⁶ Мэри Фрэнсис Крэйн (1846–1914) – жена художника Уолтера Крэйна (1845–1915). В 1891 году Уоттс написал ее портрет. Крэйны жили по соседству со Стивенами в Кенсингтоне.

²⁷ Джордж Фредерик Уоттс (1817–1904) – художник и скульптор викторианской эпохи.

²⁸ Мэри Сетон Уоттс (1849–1938) – художник, дизайнер, социальный реформатор, жена Уоттса. В 1891 году они завершили строительство своего дома Лимнерлис.

²⁹ Ирландский терьер, купленный в августе 1892 года Джеральдом Даквортом и увековеченный в эссе ВВ «О верном друге», опубликованном в «Guardian» от 18 января 1905 года.

³⁰ В 1891 году голландский антрополог Эжен Дюбуа обнаружил останки питекантропа при раскопках на острове Ява, а в

наверняка ты помнишь, как мы с тобой поймали его лет двадцать назад. Жена дворецкого мистера Гиббса³¹ держит почтенную таксу. Это животное наотрез отказывается носить намордник и, по ее словам, вопит, как только видит его, поэтому они собираются купить клетку и выгуливать собаку в ней!

Сегодня такой сильный ветер, что мисс Джен [сама Вирджиния] боится выходить на улицу. На днях он задрал ей юбку, и на потеху викария, который как раз выходил из церкви, она припустилась по улице в красных фланелевых панталонах. Она клянется, что покраснела в цвет тех самых панталон, но это уже на ее совести. Мне больше нечего сказать, Ваше Высочество; каждые пять минут моя свеча норовит упасть; Несса ворчит из-за шума; нужно еще поискать Вергилия³², да и вам, наверное, пора на занятия, так что прощайте, Ваше Величество. Напишите мне, как соизволите.

Ваша любящая Козлица-эсквайр³³

Кстати, ты знаешь, что там с итальянцами, о чем все это и на чьей я стороне?³⁴

Надиктовано отцом

Хочу посмотреть, как быстро эта неугомонная девица умеет печатать. Полагаю, она справляется даже лучше, чем я ожидал. Моя простуда уже проходит, и я надеюсь увидеть тебя в четверг.

Лесли Стивен

3: Тоби Стивену

[26 января 1897] Гайд-парк-гейт, 22

Мой дорогой Тоби,

размер пленки – $3\frac{1}{2}$ $2\frac{5}{8}$ [дюйма]. Мы только что доели остатки моего [именинного] пирога, это был исключительно вкусный кекс «Мадера», причем без изюма! Джеральд подарил мне £1, Стелла – кресло, в котором я сейчас сижу, Адриан – подставку для пера, отец – «Жизнь Скотта» Локхарта³⁵ (книга еще не приехала), кухня Мия³⁶ – дневник, а миссис Гиббс³⁷ – роскошную книгу мистера Крейтона³⁸ о королеве Елизавете³⁹, с позолоченным обрезом, широкими полями, прекрасной типографикой и гравюрами, – придется попробовать ее одолеть.

Адриан обрадовался, когда я сказала ему о десяти шиллингах, которые Джордж прислал сегодня утром. Мы едим варенье тети Мэри Фишер⁴⁰. Как тебе твоя доля?

1894-м опубликовал результаты своих исследований. Следующее предложение – вероятно, просто шутка.

³¹ Фредерик Уэймут Гиббс (1821–1898) – барристер и давний друг Лесли Стивена; еще ребенком он попал в дом сэра Джеймса Стивена (1789–1859) в качестве компаньона старшего брата Лесли, Герберта (1822–1846).

³² Вергилий (70–21 до н.э.) – древнеримский поэт, автор эпоса «Энеида».

³³ Эсквайр – почетный английский титул, которым в средневековье награждался оруженосец рыцаря (по-видимому, продолжение шутки с обращением к Тоби как к «*Вашему Высочеству*»).

³⁴ 1 марта 1896 года итальянские войска были разгромлены абиссинцами при Адуа (решающее сражение Итало-эфиопской войны 1895–1896 гг.). В итоге был заключен договор, признававший независимость Эфиопии.

³⁵ Джон Гибсон Локхарт (1794–1854) – шотландский писатель и редактор, известный своей фундаментальной и всеми почитаемой 7-томной биографией тестя, сэра Вальтера Скотта.

³⁶ Мария (Мия) Макнамара (около 1845–1917) – двоюродная сестра Джулии Стивен.

³⁷ Жена Ф.У. Гиббса. Биографические сведения не найдены.

³⁸ Манделль Крейтон (1843–1901) – английский историк и священнослужитель. Его книга «Королева Елизавета» вышла в 1896 году.

³⁹ Елизавета I (1533–1603) – королева Англии и Ирландии с 1558 года и до своей смерти.

⁴⁰ Мэри Луиза Фишер (1841–1916) – сестра матери ВВ. Вирджиния отправила часть банок с вареньем, которые ей подавали в честь дня рождения, Тоби в Клифтон-колледж.

Это не считается настоящим письмом, в отличие от того, которое напишешь мне ты, просто сказать толком нечего. Сегодня прямо-таки мороз и самый холодный ветер на моей памяти. Я даже начала носить красные шерстяные манжеты и весь день сижу у камина. До свидания.

Твоя любящая Коза

4: Тоби Стивену

[1 февраля 1897] Гайд-парк-гейт, 22

Мой дорогой Тоби,

твои фотопленки пришли вчера вечером; они ждали меня у тарелки за ужином – два прекрасных рулона превосходной целлулоидной пленки! Тысяча благодарностей (как говорят французы), мой дорогой Герберт, за столь щедрый подарок. Надеюсь, в ближайшее время потратить немало кадров на твое прелестное лицо, а до тех пор, пока не появится достойный повод вытащить их на свет божий, они надежно заперты в самом темном ящике дубового секретера.

Постепенно прибыли все мои подарки. Отцовский Локхарт пришел в тот же вечер, когда я тебе писала, – десять восхитительных томиков в кожаных пурпурных переплетках с позолоченными завитками, спиральями и чертополохами на одной стороне и дизайнерским, голубым и коричневым мраморным узором на другой. Так что мои глаза, пораженные этим великолепием, с еще большим презрением смотрят на обычные жалкие книги, и даже ты, мой дорогой брат, не смог бы подобрать лучших эпитетов к этому прелестному изданию. Джек подарил мне пару коньков «Monier-Williams», лучших на рынке, сэр, ценой в 17ш/6п⁴¹ (их я выбрала сама!). Лезвия прикручиваются к ботинкам восемью винтами. Для них будет выделена особая пара обуви, специальная для зимнего сезона, прочная, но элегантная, на шнуровке, с новой крепкой подошвой. По чистой случайности такую как раз изготовили для меня, когда морозы уже покинули эту землю, и теперь коньки вместе с пленкой и прочими сокровищами заперты в том самом дубовом секретере. Пару дней назад я получила письмо от Джорджи «с вложением», но никакого вложения там не было. Однако сегодня утром пришло второе письмо с чеком на £1, так что наше финансовое положение улучшается и, похоже, выдержит грядущие расходы на свадебные подарки для Стеллы⁴². А как там поживает твой кошелек, мой Герберт [Тоби]? Надеюсь, шесть банок варенья хоть немного помогли тебе сэкономить, хотя, полагаю, ты с ними быстро справишься, а вот наше оказалось жидковатым и посредственным.

Что ж, милорд! Я как раз написала длинное письмо Джорджу и вдруг – о ужас! – увидела царапину на коже одного из моих «Скоттов», внутри она кроваво-красная. Я подозреваю Полин⁴³.

Прощайте, милорд, и не забудьте ответить на это письмо⁴⁴, первая половина которого – лишь слова благодарности.

Ваша любящая Козлица-эсквайр

То была клевета – я невероятно грациозно катаюсь и за всю зиму ни разу не упала. Мария [Ванесса] больше не будет наспех украшать мои письма ...

---

⁴¹ Здесь и далее суммы указаны в фунтах (£), шиллингах (ш) и пенсах (п).

⁴² Стелла Дакворт вышла замуж за Джека Хиллза 10 апреля 1897 года.

⁴³ Швейцарка-горничная, работавшая у Стивенов.

⁴⁴ Многие вещи, упомянутые в этом письме (издание Локхарта, дарение коньков, дубовый секретер, письмо Джорджи, катание на льду, свадебные подарки для Стеллы), подробно описаны в ранних дневниках Вирджинии (см. ВВ-Д-0).

[далее следует рисунок Ванессы]

5: Тоби Стивену

[24 февраля 1897] [Гайд-парк-гейт, 22]

Мой дорогой Тоби,

сейчас уже почти середина семестра, а от моего любимого брата до сих пор ни строчки. «Срывайте розы – малый срок им дан», – как говорит твой любимый поэт⁴⁵ (хотя эта цитата, увы, не к месту, если вдуматься в смысл). Но если отбросить поэзию и перейти к сути, ты обязан немедленно взяться за перо и написать *Virginée* (как называют ее друзья) длинное послание.

Красота моего слога хромает, и я вынуждена озвучить причину: мистер Пэйн⁴⁶ прислал отцу книгу, которая, по его словам, сильно помогает ему (Пэйну) в писательстве – «Тезаурус английских слов»⁴⁷. Возможно, ты мне объяснишь, что такое «тезаурус», но цель книги – снабдить авторов со скудным словарным запасом тремя-четырьмя синонимами к одному и тому же понятию, дабы разнообразить их речь. Отец воспринял это как оскорбление и отдал книгу мне. С тех пор я пытаюсь ее освоить.

Сегодня после обеда мы со Стеллой пошли гулять в парк в надежде увидеть Ее Величество королеву⁴⁸, которая сейчас в Лондоне по случаю приема во дворце. Увы, нам не удалось ее увидеть, и мы уже потеряли всякую надежду поклониться королеве или хотя бы помахать своими *пакливанками*⁴⁹, когда, возвращаясь к Гайд-парк-корнер, чтобы сесть на omnibus, вдруг обнаружили огромную толпу. Мисс Бекка (Стелла) повела нас к воротам, через которые должна была проехать королева. Ворота были облеплены людьми. Как только мы подошли, началась суeta и давка; полисмены размахивали руками, расчищая путь, в воздух взлетали шляпы, и вдруг мимо нас пронеслась великолепная четверка лошадей. Пожалуй, это все, что нам удалось увидеть: толпа навалилась, и мы лишь мельком заметили, как над головами подпрыгивает королевская шляпка, а еще увидели двух ее гвардейцев в килтах. После такого волнения пришлось снова перебежать улицу, и бедняжку Джанет [Вирджинию] чуть не раздавили взбудораженные дамы (в основном тучные провинциалки), которые тоже поспешили к тротуару. Ожидавшие карет и omnibusов люди хлынули потоком, и, поверь, мой любезный Герберт, я с величайшим облегчением обнаружила, что меня выбросило на обочину к госпиталю Святого Георгия. Вскоре в парк въехали еще три-четыре роскошные кареты, красные с золотом, с красно-золотыми джентльменами внутри, а за ними последовали дамы в белом и со страусиными перьями, возвращавшиеся с приема. На этом все кончилось.

Наиболее верные подданные остались ждать на проезжей части, чтобы увидеть возвращение Ее Величества, но, к своему стыду, скажу, что даже перспектива вновь лицезреть верхушку королевской шляпки не смогла удержать Бекку и меня от того, чтобы нырнуть в первую же попавшуюся пролетку и поехать пить чай. Весь Грин-парк был полон людей, и Гайд-парк тоже. Бедную старушку везде встречают овациями, а у Букингемского дворца толпятся зеваки в надежде увидеть ее.

Вот и все мои дворцовые новости, а теперь вернемся на Гайд-парк-гейт, 22.

⁴⁵ Роберт Геррик (1591–1674) – английский поэт, ученик и друг Бена Джонсона. ВВ цитирует его стихотворение «Девам: не теряйте времени», впервые опубликованное в сборнике «Геспириды» (в пер. Ю.З. Ерусалимского).

⁴⁶ Джеймс Пэйн (1830–1898) – английский романист и редактор, друг Лесли Стивена, сменил его на посту редактора «Cornhill Magazine» в 1883–1896 гг.

⁴⁷ Возможно, «Тезаурус Роже» – один из первых в истории и наиболее известный на сегодня идеографический словарь, составленный английским лексикографом Питером Марком Руже и опубликованный в 1852 году.

⁴⁸ Виктория (1819–1901) – королева Великобритании и Ирландии с 1837 года.

⁴⁹ Вероятно, вымышленное слово (*packlywanks*) – шутка на тему словаря синонимов.

Джорджи вернулся вчера и привез ящик подарков. Стелле достался роскошный веер из настоящего кружева и черепашьего панциря с инициалами из бриллиантов; Джеку – медаль, которую французские юноши дарят своим девушкам, с изображением Купидона и возлюбленных; Джеральду – машинка для скручивания сигарет; отцу – шоколад и французские романы; Нессе – веер, а нам с Адрианом – канцтовары, которыми пользуются французские школьники. Веер Стеллы стоил почти £20, а Нессы – по фунту за штуку (у нее их два), так что можешь себе представить, сколько твой брат потратил в Париже.

По утрам я немного занимаюсь со Стеллой, но ничего особенного. Прощай.

Твоя любящая

Козлица-эсквайр

6: Тоби Стивену

[14 мая 1897] Гайд-парк-гейт, 22

Мой дорогой Тоби,

ты так и не ответил, согласился ли написать заметку для Музея, хотя, конечно, ты не обязан, и все же это принесет тебе известность в научных кругах. Кстати, об энтомологии: наша почтенная тетушка⁵⁰ из Кембриджа поймала целую корзинку проволочников, закопав в землю сладкий пирог. Она с энтузиазмом предложила передать этот трофей Обществу⁵¹, однако я написала ей гневное письмо (стенографией), умоляя немедленно прикончить этих тварей или, по крайней мере, оставить их себе. В ответ пришло не менее гневное (и тоже стенографическое) письмо с известием, что с червями давно покончено, но как именно, она не уточняет.

Других энтомологических новостей у меня для тебя нет, разве что одна: куколки до сих пор пребывают в девственном (?) состоянии, по-видимому, в нем и останутся.

Кстати, вчера мы с отцом (о цели я расскажу позже) начали раскопки на заднем дворе и нашли отвратительную блестящую коричневую куколку, которая изо всех сил дрыгала хвостом. После обсуждения мы (президент и я) пришли к выводу, что это всего лишь жук, а раз так, положили его на садовую стену – пускай сам разбирается со своей судьбой: то ли погибнет от воровьев, то ли навлечет на себя исследовательский интерес черного садового кота.

Эти самые раскопки были организованы моим почтенным отцом: он подарил мне комплект садовых инструментов и поручил преобразить задний сад. Мы уже разбили клумбу (правда, пока без цветов) и собираемся обновить газон, посадить по контуру лилии и другие цветы и все тщательно прорыхлить – в общем, не удивляйся, если в следующий приезд обнаружишь у нас миниатюрный Кью⁵². И чтобы все это не казалось пустым украшательством и расточительством, зимой цветники будут засажены капустой, а в перспективе мы мечтаем завести корову, ну или хотя бы овцу, чтобы паслась на нашем роскошном «пастбище».

Таков, милорд, мой честный деловой отчет о моих занятиях.

Сегодня Стелла впервые вышла на улицу в кресле-каталке. Кажется, ей уже значительно лучше: выглядит она вполне здоровой и даже немного округлилась. Доктор Сетон⁵³ приходит

⁵⁰ Кэролайн Эмилия Стивен (1834–1909) – филантроп и квакерша; сестра Лесли Стивена.

⁵¹ Поощряемые своими родителями, а также Джеком Хиллзом, дети семьи Стивен в течение многих лет увлекались лепидоптерологией (изучением бабочек) и называли себя «охотниками за жуками». Согласно дневниковой записи от 25 декабря 1897 года, президентом их Энтомологического общества был Лесли Стивен; Джордж – библиотекарем; Тоби – заведующим личинками; Вирджиния – секретарем, председателем, казначеем; Адриан – «не вошел в состав комитета». Возможно, музеем они называли свою коллекцию. Проволочники – личинки всех жуков-щелкунов.

⁵² Королевские ботанические сады Кью – комплекс ботанических садов и оранжерей в юго-западной части Лондона между Ричмондом и районом Кью.

⁵³ Дэвид Элфинстон Сетон (1827–1917) – семейный врач Стивенов (и Вулфов примерно в те же годы) до смерти сэра Лесли. Сетон лечил Вирджинию после психического расстройства летом 1895 года, из-за чего ее занятия были прекращены

теперь через день и вполне доволен ее состоянием. Одна из сиделок уже уехала, а вторая, полагаю, уедет завтра или послезавтра. Я почти все время провожу у Стеллы, пока Несса занята рисованием.

Дорогой доктор Сетон говорит, что в этом семестре мне заниматься нельзя, так что я свободна на все четыре стороны, или как там говорят? Тем не менее мой обожаемый Маколей⁵⁴ (слеповатый и т.д., как выразился Д.Т.С. [Джулиан Тоби Стивен]) меня очень утешает, а Несса и Адриан ужасно усердны. Только что заглянул А. и сказал, что будет петь на школьном концерте!!! Куда катится этот мир? Что ж, милорд: вот и все мое образцово-показательное письмо, четыре плотно исписанных листа, так что ступай и сделай ответный жест! Прощай.

Твоя любящая Коза

7: Тоби Стивену

Понедельник [24 мая 1897] [Гайд-парк-гейт, 22]

Мой дорогой Тоби,

я выяснила, какие именно краски хочет Несса [на 18-летие], и нашла цены в каталоге магазина – они оказались гораздо выше, чем я думала. Адриан не говорит, сколько у него денег: Стелла хранит их у себя, – поэтому он не знает, какую сумму готов вложить, но, думаю, меньше половины. Всего нужно 9ш/4½п. Если ты посмотришь список и сразу отправишь его вместе с почтовым переводом в магазин, то краски успеют прийти до воскресенья. Я еще напишу тебе, сколько сможет внести Адриан.

Мистер Гиббс достал нам с Нессой три билета на праздничную процессию – места на крыше госпиталя Святого Фомы⁵⁵. Говорит, что вид отличный. Не знает, сможет ли пойти с нами, поэтому велел подыскать какого-нибудь молодого человека, которому нужно место и который мог бы за нами приглядеть. Так что мы собираемся к нему в гости, а заодно спросим, подходишь ли ты под это описание!

Напиши мне сразу, если сочтешь, что 9ш/4½п – это перебор, и тогда я подскажу тебе другую идею для подарка.

Твоя любящая Коза

Заполни дату сверху бланка. Я его сейчас подпишу.

После смерти матери и сестры⁵⁶ Ванессе пришлось взять на себя управление домом на Гайд-парк-гейт и заботу о все более угрюмом отце, тогда как Вирджиния продолжила обучение самостоятельно, читая книги по собственному выбору, и под руководством доктора Уорра⁵⁷ из Кингс-колледжа и Клары Патер⁵⁸, преподававших ей, соответственно, греческий и латынь. Она все больше увлекалась литературой и музыкой, а Ванесса – живописью. Жизнь

вплоть до 15 февраля 1897 года. Семья опасалась рецидива, поэтому Вирджинию ограничивали в учебе. С конца апреля Стелла болела перитонитом в своем новом доме 24 по Гайд-парк-гейт, напротив 22-го.

⁵⁴ Томас Бабингтон Маколей (1800–1859) – английский государственный деятель, историк, поэт и прозаик викторианской эпохи. Вирджиния читала его «Историю Англии» в пяти томах.

⁵⁵ 22 июня у королевы Виктории был Бриллиантовый юбилей (со дня восшествия на престол), и Стивены хотели посмотреть процессию. Госпиталь назван в честь Томаса (Фомы) Бекета, архиепископа Кентерберийского.

⁵⁶ Стелла Дакворт, будучи беременной, умерла от перитонита в Лондоне 19 июля 1897 года.

⁵⁷ Джордж Чарльз Уинтер Уорр (1845–1901) – профессор классической литературы. В 1877 году он помог основать женский факультет Кингс-колледжа. В ноябре Вирджиния начала посещать там уроки греческого языка и истории.

⁵⁸ Клара Энн Патер (1841–1910) – младшая из двух сестер известного эссеиста Уолтера Патера, ставшая первым преподавателем классики и впоследствии вице-президентом Сомервиль-колледжа Оксфорда. После смерти брата в 1894 году сестры переехали в Кенсингтон, где Клара давала Вирджинии уроки греческого языка.

их нельзя было назвать скучной: четверо младших детей Лесли Стивена утешали друг друга, вынужденные развлекать старых друзей семьи и родственников отца, не говоря уже об общении с полчищем кузенов: Фишерами и Стивенами.

Джордж и Джеральд Дакворты все еще жили с ними, а некоторое время у Стивенов гостил и Джек Хиллз – вдовец Стеллы, в которого Ванесса была слегка влюблена. Они развлекали себя охотой на насекомых и переплетом книг, часто отправлялись в поездки: в Нью-Форест, Брайтон, Хантингдоншир, Лайм-Реджис, Кембридж и на Фенские болота, – а Вирджиния постепенно начала заводить новых друзей. Среди кузин были трое, кто ей особенно нравился: сестры Воган, Марни⁵⁹ и Эмма⁶⁰, а также их невестка Мадж⁶¹. В 1900–1901 гг. Вирджиния познакомилась с друзьями Тоби по Кембриджу: Клайвом Беллом⁶² и Литтоном Стрэйчи⁶³, с которыми у нее оказалось гораздо больше общего, чем с лондонским высшим светом, куда Джордж Дакворт усердно пытался ввести своих единоутробных сестер. Вирджиния начала вести новый дневник, периодически упражняясь в описаниях людей и мест. В 1902 году ей исполнилось двадцать.

---

⁵⁹ Маргарет (Марни) Воган (1862–1929) – двоюродная сестра ВВ по материнской линии, дочь Аделины и Генри Хелфорда Вогана. Она занималась благотворительностью в пользу лондонских бедняков и жила на Янг-стрит.

⁶⁰ Эмма («Жаба») Воган (1874–1960) – двоюродная сестра ВВ по материнской линии, дочь Аделины и Генри Хелфорда Вогана; сестра Марни.

⁶¹ Маргарет (Мадж) Воган (1869–1925) – третья дочь писателя Джона Эддингтона Саймондса. В 1898 году она вышла замуж за брата Марни, Уильяма Вайамара Вогана.

⁶² Артур Клайв Хьюард Белл (1881–1964) – английский писатель, философ искусства, арт-критик, связанный с формализмом и группой «Блумсбери». В 1907 году он женился на Ванессе Стивен и, как зять, играл заметную роль в жизни Вирджинии, будучи в разное время то ухажером, то ее литературным доверенным лицом.

⁶³ Джайлс Литтон Стрэйчи (1880–1932) – писатель, биограф и литературный критик. После смерти брата ВВ (Тоби) в 1906 году он стал ее близким другом, а в 1909 году недолго раздумывал над тем, чтобы жениться на ней.

8: Тоби Стивену

Понедельник [27 сентября 1897] [Замок Корби⁶⁴]

---

⁶⁴ Замок Корби в Камберленде – родовое гнездо родителей Джека Хиллза.

Мой дорогой старина Гриббс,

сегодня днем мы остались одни, и я пишу Вашему Высочеству, дабы излить хоть часть своих чувств.

Во-первых, ну что вы за енот – мечтательный енот, который забыл жуков! Теперь, наверное, вам не удастся побороться за приз, если только мы не пришлем их посылкой. Как вам такая идея?

Мы приехали сюда в субботу: выехали в 11:30, а добрались к шести вечера. Дом – большой красный загородный особняк, немного напоминающий замок в Пейнсвике. Входишь в огромный холл, а оттуда двери ведут в гостиную. Никогда в жизни не видела такой роскоши. У Нессы большая спальня, у меня соседняя маленькая. Здесь бесчисленное количество комнат и слуг (за обедом нам прислуживают четверо лакеев!), есть парадные залы, галерея и курительная. Обеды длиннющие, семь блюд; сплошное величие и неудобство. Тут гостит Сьюзен Лашингтон⁶⁵ – слава богу, она постоянно болтает, но завтра, увы, уезжает. Совсем рядом течет река, не такая, как наша любимая Темза, а безудержная и бурная. Джек все утро рыбачил, но ничего не поймал. После обеда хочет попытать удачу еще раз, а мы пойдем посмотреть. Вчера мы бездельничали: миссис Хиллз⁶⁶ очень религиозна и не одобряет ни рыбалку, ни ловлю жуков в воскресенье. Зато вечером займемся шугарингом⁶⁷. Сегодня ездили в старую церковь [приорат Ланеркост], где похоронены Говарды⁶⁸, и только что пообедали.

Здесь мрачно и странно, и мне ужасно хочется уметь в мгновение ока очутиться в любимом кресле у прекрасного родного камина. Возможно, в пятницу мы уедем, по крайней мере очень на это надеюсь. Здесь во всем как будто бы перебор.

А вы-то как, милорд? Чем занимаетесь? Как жаль, что вас нет рядом – уж вы бы их расшевелили. У миссис Хиллз ужасная собачонка, которая вечно болеет. В субботу, когда мы приехали, ее вырвало прямо на ковер, и теперь Джек вынужден ее караулить.

О боже, боже! Как же хочется сейчас оказаться на родной мостовой (Хай-стрит)... Но это невозможно.

Несса считает, что вы не осилите это письмо, да и я *чой-то* сомневаюсь⁶⁹.

Прощайте, милорд,

Ваша любящая Козлица-эсквайр

9: Тоби Стивену

Воскресенье, 24 октября [1897] Гайд-парк-гейт, 22

Мой дорогой старина Тоби,

я не писала тебе с той ужасной недели в Корби, но, полагаю, пришло время снова обратиться к Вашему Высочеству.

Не поискать ли мне жуков? У меня куча свободного времени, и я довольно часто бываю в [*неразборчиво*] местах. Если это как-то поможет, могу с легкостью этим заняться.

---

⁶⁵ Сьюзен Лашингтон (1870–1953) – музыкант и популяризатор музыки, дочь судьи Вернона Лашингтона, сестра Китти Макс и Маргарет Массингберд.

⁶⁶ Анна Хиллз – мать Джека. Биографические сведения не найдены.

⁶⁷ Имеется в виду намазывание деревьев сахарным сиропом или специальной патокой на основе рома для привлечения насекомых. С помощью шугаринга дети Стивен ловили мотыльков.

⁶⁸ Достопочтенный Кристофер Эдвард Говард (1873–1896) – третий из шести сыновей Джорджа, 9-го графа Карлайла и его жены Розалинды; лейтенант 8-го гусарского полка, умерший от пневмонии после несчастного случая на скачках.

⁶⁹ В оригинале Вирджиния использует шотландский говор: «I hae my doots» («I have my doubts»).

Я начала изучать греческий в Кингс-колледже и посещаю две лекции [в неделю?] по истории. Пока мы добрались только до первого греческого глагола, и к рождественским каникулам тебе придется взять меня в оборот. Несса через день ездит в художественную студию, а я почти всегда забираю ее домой. Вот так и проходят наши будни. По учебе приходится писать эссе об исторических событиях, и во вторник преподаватель вернет мне первую работу со своими правками.

Сегодня в восемь утра Джек вернулся из Корби. Он будет жить у нас, пока не отремонтируют его дом на Виктория-гроув. Привез огромного лосося, которого поймал накануне. Вчера после обеда Джордж повел нас с Нессой на «Moore & Benson»⁷⁰ – почти то же самое показывают в Брайтоне, и ты можешь себе представить, с каким высокомерием Доротей⁷¹ и Розамунда⁷² восприняли это развлечение. Впрочем, разнообразия ради было довольно забавно. Последние две недели я печатала на машинке стихи Доротей и теперь ужасно опасаясь, как бы не подхватить ее стиль.

Джек привез нам серьги (то есть сережки ивы); он вычитал, что сажать их – бесполезное дело.

Вот несколько наших фотографий из Корби. Пса зовут Рэп, и живет он в огромной телеге. Не знаю, что за порода, но, по словам Джека, он породистый и очень красивый.

Мужчина с черной собакой – это егерь Тадденхем. Надеюсь, Джека с дочкой у реки ты узнаешь и сам.

Прощайте, милорд, мне пора заниматься греческим к завтрашнему дню. Почерк у меня сегодня ужасный – надеюсь, вы хотя бы уловили суть.

Ваша любящая Козлиця-эсквайр

10: Тоби Стивену

Воскресенье, 5 декабря [1897] Гайд-парк-гейт, 22

Мой дорогой Тоби,

этой осенью наша переписка не задалась. Как думаешь, по чьей вине? Кажется, по твоей. Слава богу, скоро каникулы. В пятницу приехала дорогая Доббитинка [Доротей Стивен]. Она пробудет у нас неделю, и мы уже чувствуем себя как в болоте. Она ни на секунду не замолкает – думаю, ты помнишь ее особенный голос – и болтает без всякого повода, а остановить ее можно, только если выйти из комнаты. Вчера вечером в качестве передышки Джордж предложил ей сыграть нам. Тогда она принялась брэнчать на мандолине и петь своим невероятно странным, пронзительно высоким голосом, не попадая ни в одну ноту. Ну что за диковинное существо! Уже второй раз за день (сейчас 18:30) Доротей ушла в церковь. Она отказывается ездить в кэбе по воскресеньям и утащила мои часы, чтобы не опоздать к ужину.

Вчера днем к нам заходила Капитанша [Мадж]. Я видела ее только миг, но думаю, что мы еще не раз увидимся: они переехали на Принцес-гарденс.

Мои занятия кончаются экзаменом, но сдавать его я не собираюсь. Несса пробудет дома до самого Сочельника.

О, милорд, у меня так замерзли пальцы, что почерк вконец испортился и теперь едва неразборчив. На улице мороз, и пруд покрылся тонким льдом – думаю, к твоему приезду уже

⁷⁰ Вероятно, имеется в виду «Moore & Burgess» – известное минстрел-шоу в жанре мюзик-холл.

⁷¹ Доротей Джейн Стивен (1871–1965) – младшая дочь сэра Джеймса Фицджермса Стивена, кузина Вирджинии, преподавательница религии.

⁷² Розамунда Эмили Стивен (1868–1951) – одна из младших дочерей Мэри и Джеймса Фицджермса Стивена, двоюродная сестра ВВ; миссионерка.

можно будет кататься на коньках. И тогда я смогу похвастаться тебе своей комнатой: она просто чудо, самая уютная и живописная во всем доме.

Пес Маккензи⁷³, мелкая бурая задиристая дворняга (возможно, ты его помнишь), недавно угодил под кэб. Мы это видели: колеса медленно проехали по нему, а он встал и побежал как ни в чем не бывало. Однако ночью он потерял сознание и умер. Честно говоря, я думаю, все дело в проклятии Нессы. Она терпеть его не могла: он постоянно дрался с бродячими псами, а для нее это «мерзость». «Хоть бы этот чертенок сдох, – сказала она, – но вряд ли повезет». Я умоляла ее послать венки на похороны в знак милосердия и прощения. Возможно, она бы и согласилась, если бы не встретила миссис Маккензи, когда та шла в приют для бездомных собак за новым питомцем.

Джеральд уехал в Итон на весь день; полагаю, ты уже слышал о его Фирме⁷⁴?

Что ж, прощайте, милорд. Судя по всему, вы были блистательны в этом семестре! Оценки так впечатлили отца, что он всю неделю ходил в прекрасном настроении.

Скоро увидимся, но если вдруг почувствуешь порыв нежности, то напиши мне.

Я так заразилась манерой Дотти [Доротеи], что уже не могу писать иначе.

Твоя любящая Коза

О жуках ничего не слышно?

10а: Корделии Фишер

Среда, 12 [января 1898] Гайд-парк-гейт, 22

*Моя дорогая Бу*⁷⁵,

не понимаю, почему мы совсем не переписываемся. Хотелось бы инициативы с твоей стороны: ты ведь старшая, так что обязана брать ее на себя!

У нас все по-прежнему, разве что Тоби и Адриан сейчас здесь. Впрочем, на следующей неделе они уедут, а в понедельник мы с Нессой вернемся к занятиям. Пару раз в неделю она рисует с Лизой Стиллман⁷⁶, а мне приходится тащиться на холм, чтобы забрать ее домой. По-моему, преподает она неважно: они постоянно что-то перерисовывают; Лиза поправляет рисунки Нессы, а та все тут же стирает. Надеюсь, в этом семестре они не будут заниматься вместе. Я настою на своем и запрещу им. Сегодня Тоби, Адриан и Джо⁷⁷ ездили в Сербитон охотиться на зайца. Прodelали миль восемь и случайно убили одного, но они в таком восторге, что в субботу собираются снова.

Мы с Нессой и отцом ходили к кузену Генри⁷⁸ по поводу фотографий, а на обратном пути прогулялись через парк. На пороге дома нас ждали леди Берн-Джонс⁷⁹ и какой-то смешной Ричи [?] с красным носом, болтали там всюю. Леди Б-Д приглашает нас к себе во вторник.

Всю неделю я корпела над греческими упражнениями. Внезапно выяснилось, что на каникулы нам задали кучу заданий. Я уже все сделала и собираюсь учить степени сравнения

---

⁷³ Мюир-Маккензи были соседями Стивенсов по Гайд-парк-гейт. Ниже в тексте имеется в виду миссис Сара Мюир-Маккензи, у которой была дочь Энид.

⁷⁴ Джеральд Дакворт готовился открыть издательскую фирму «Duckworth & Co» в январе 1898 года.

⁷⁵ Корделия («Бу») Фишер (1879–1970) – двоюродная сестра ВВ, предпоследний ребенок Мэри и Герберта Фишера.

⁷⁶ Лиза – портретистка, средняя дочь Марии Стиллман (1844–1927), знаменитой художницы, и Уильяма Джеймса Стиллмана (1828–1901), американского художника и специального корреспондента «Times». Стиллманы были давними друзьями Стивенсов. Лиза давала уроки Ванессе в студии по адресу Камден-Хилл-гарденс, 28, а жили Стиллманы в доме напротив.

⁷⁷ Эдмунд («Джо») Монтегю Принцеп Фишер (1872–1918) – архитектор, двоюродный брат ВВ по материнской линии, сын Мэри и Герберта Уильяма Фишера.

⁷⁸ Генри Гершель Камерон (1852–1911) – младший сын двоюродной бабушки ВВ, Джулии Маргарет Камерон.

⁷⁹ Джорджиана Берн-Джонс (1840–1920) – художница, жена художника Эдварда Коли Берн-Джонса.

прилагательных. Ума не приложу, зачем я учу греческий, да и знать его мне не хочется. Герберт⁸⁰ подарил мне Гомера⁸¹, чтобы подстегнуть интерес, но я до него все равно не доберусь. Расскажи что-нибудь, а то в нашей группе, помимо Марни и меня, есть еще две юные зубрилы. В следующем семестре я останусь с ними одна, и это пугает меня до чертиков. Они еще те всезнайки, а я теряюсь и начинаю хихикать.

Ну а сама чем занималась? Наверняка у тебя гораздо больше новостей, чем у меня: ты и по горам лазаешь, и живешь почти у самой Италии! Что там у Аделины⁸² с Ральфом⁸³? Они еще у вас? Опиши их.

А что там с Герви⁸⁴ и твоим персидским, со стенографией, с пианино? Сядь же, как скажет Мия, и немедленно ответь на все вопросы, включая те, что придут в голову.

Наверное, ты теперь опора всей семьи. Чарльз⁸⁵ помогает? Ты стала дружелюбнее с Эмми⁸⁶? Часто видишься и общаешься с тетей Мэри?

Мы видели Джека⁸⁷ вечером перед отъездом. Он хорошо выглядел после инфлюэнцы. Наверное, он уже и от вас уехал.

Мы все абсолютно здоровы и живем в полном покое. Тоби водит отца на прогулки, шутит с ним и засыпает вопросами. Скоро они вместе пойдут на «Varnum»⁸⁸.

Несса передала бы тебе привет, но сейчас она внизу поит Тоби и Адриана чаем после их охоты.

Прощай. Пиши скорее и побольше.

Твоя любящая Джиния

11: Эмме Воган

[Январь 1898] Гайд-парк-гейт, 22

Моя дорогая Жабба,

твое письмо стало чудесным сюрпризом: я не думала, что ты вообще напишешь, учитывая, сколько у тебя соблазнов и хлопот!

У нас тут ужасно мерзко, страшный холод и ветер, так что я завидую тебе. По утрам стоит густой желтоватый туман, а уже в половине четвертого приходится зажигать свечи.

Сегодня днем я впервые ходила на занятия по греческому языку. Передай Марни, что была только мисс Холланд [?], которая заявила, что занимается по два часа в день, и этого, мол, совершенно недостаточно. Доктор Уорр очень деликатно расспрашивал о Марни и сказал, что будет рад, если она сможет выполнять задания и присылать их ему на проверку, после чего он

---

⁸⁰ Герберт Альберт Лоуренс Фишер (1865–1940) – двоюродный брат ВВ, историк, педагог и либеральный политик; старший сын Мэри и Герберта Уильяма Фишера.

⁸¹ Гомер (VIII век до н.э.) – древнегреческий поэт, автор поэм «Илиада» и «Одиссея».

⁸² Аделина Фишер (1870–1951) – двоюродная сестра ВВ, третья дочь Мэри и Герберта Уильяма Фишера. Позже она вышла замуж за Ральфа Воган-Уильямса, а после смерти матери в 1916 году посвятила себя заботе о брате Герви.

⁸³ Ральф Воган-Уильямс (1872–1958) – английский композитор, органист, дирижер.

⁸⁴ Герви Фишер (1873–1921) – двоюродный брат ВВ; седьмой ребенок Мэри и Герберта Уильяма Фишера. С детства Герви страдал от туберкулеза позвоночника и последующего психического расстройства, но благодаря огромному героизму, как своему, так и своей семье, он преодолел инвалидность настолько, что смог вести активную интеллектуальную жизнь. После смерти матери в 1916 году за ним ухаживала Аделина Фишер.

⁸⁵ Чарльз Дэннис Фишер (1877–1916) – двоюродный брат ВВ, шестой сын Мэри и Герберта Уильяма Фишера, погибший в Первую мировую войну.

⁸⁶ Эммелин Мэри Фишер (1868–1941) – двоюродная сестра ВВ; четвертый ребенок Мэри и Герберта Уильяма Фишера; жена Реджинальда Оуэна Морриса с 1915 года.

⁸⁷ Артур (Джек) Фишер (1868–1902) – кузен ВВ; второй сын Мэри и Герберта Уильяма Фишера.

⁸⁸ Цирковое шоу «Varnum & Bailey», гастролировавшее в Великобритании в конце XIX века.

будет отдавать их мне – все это, конечно, только в том случае, если она вернется к учебе в этом семестре. Я сказала, что она вроде бы собирается. В общем, передай Марни, что к следующему разу нужно выполнить упражнения № 56 и № 58. Заставь ее.

Только что здесь был Уилл⁸⁹. Кажется, Герви чувствует себя неважно, но остальные Фишеры, судя по всему, процветают. Ты их еще увидишь?

Тетя Минна⁹⁰ внезапно уехала в Монте-Карло и на обратном пути собирается заехать в Валескюр⁹¹. Джеральд тоже туда поедет через несколько дней. Вернется 27-го.

Мистер Гиббс еще жив, но ему, говорят, недолго осталось, и Монахиня (сестра отца [Кэролайн Стивен]) приезжала с ним попрощаться. Она простудилась и проболела десять дней (вышло глупо), но теперь, слава богу, вернулась в Кембридж.

Мия была у нас в воскресенье. Пэт чуть не погиб под колесами повозки, когда ехал на велосипеде. Мэйв⁹² вывихнула большой палец, Дороти сходит с ума от ушной боли, Берти отправили воевать с «бонервалами»⁹³, и к свадьбе он, вероятно, не успеет. Шаферу пришлось уйти в море, так что церемонию придется отложить. Вот тебе и все новости о Макнамарах.

А ты там как? Почему, черт возьми, не занимаешься? Если не разучишь что-нибудь новенькое, чтобы сыграть мне при встрече, сама знаешь, что тебя ждет!

Передавай привет Марни и напомни ей про священный долг изучения греческого.

А пока прощай.

Твоя любящая Джиния

12: Джорджу Дакворту

[Апрель 1898] Миллс-террас, 5 [Хоув, Сассекс]

Мой дорогой старина Бар,

я пытаюсь написать тебе еще с воскресенья, но почта уходит в шесть, и я постоянно не успеваю. Сегодня утром пришло твое письмо с фотографией. Ты не указал свой адрес в Портофино, так что придется слать это письмо в Рим. Когда получишь его, мы, скорее всего, уже будем в Лондоне – и слава богу! Больше заниматься тут нечем, и мы с Нессой коротаем время, шатаясь по магазинам на Вестерн-роуд. Фишеры как-то приуныли: дядя Герберт⁹⁴ выглядит очень слабым, Эмми настаивает на том, чтобы срочно ехать в Лайм-Реджис на какую-то свадьбу, а Бу лежит с горячкой. Зато вчера вечером пришла новость, что Чарльз [Фишер] получил высшую оценку на экзамене «Mods»⁹⁵, и все очень обрадовались. А еще вчера вечером доставили апельсины, и их тут же выставили в гостиную. Погода стоит прекрасная, но уж очень ветреная, поэтому ездить на велосипеде трудно. Вчера мы с Чарльзом, Нессой и Тоби совершили речную прогулку. Никто из нас толком не умеет грести, и Тоби чуть не опрокинул лодку, но

⁸⁹ Адмирал сэр Уильям Вордсворт Фишер (1875–1937) – офицер Королевского флота, капитан линкора в Ютландском сражении и главнокомандующий Средиземноморского флота; восьмой ребенок Мэри и Герберта Уильяма Фишера.

⁹⁰ Сара Эмили Дакворт (1828–1918), «тетя Минна», была богатой сестрой Герберта Дакворта, первого мужа Джулии Стивен, и поэтому не являлась настоящей тетей детей Стивен. Она занималась акварелью и жила в доме по адресу Гайд-парк-гейт, 9.

⁹¹ Курортный район на юге Франции, в окрестностях города Сен-Рафаэль на Лазурном берегу.

⁹² Мэйв Макнамара – одна из шести дочерей Мии и Чарльза Макнамары. В феврале 1898 года она вышла замуж за Фредерика Гуденафа. Сведения о Пэт (Патрик/Патриция?), Дороти и Берте не найдены.

⁹³ Вероятно, речь о бунтах и Второй англо-бурской войне (1899–1902) – войне Бурских республик (Трансвааль и Оранжевой) против Британской империи, закончившаяся победой последней.

⁹⁴ Герберт Уильям Фишер (1826–1903) – историк, муж Мэри. Он работал гувернером, а в 1860–1870 гг. был личным секретарем принца Уэльского.

⁹⁵ Важный промежуточный экзамен на степень бакалавра в Оксфорде.

мы все же успешно добрались до берега, а вечером прокатились в Шорхэм⁹⁶ и обратно – вот, собственно, и все, чем мы занимались.

Только что пришли Аделина и Уилл [Фишер]. Аделина прекрасно выглядит, а Ральф – просто слон.

Тоби великолепно управляется с отцом, который почти каждый вечер ужинает у Фише-ров, а в остальное время лежит пластом на диване. Он чувствует себя хорошо и говорит, что по возвращении сразу примется за работу. Адриан, разумеется, целыми днями пропадает на Второй авеню [у Фишеров]. Они с Томом [Эдвином] постоянно ловят креветок, рыбачат или охотятся. По-моему, Адриан даже чуть-чуть поправился. По вечерам, когда спадает жара, мы с Нессой гуляем по пляжу и обсуждаем устройство Вселенной. Мы обе улетаем за троих, и я, кстати, ужинаю внизу, когда отца нет.

Реция⁹⁷ не так уж хороша собой, хотя и лучше, чем я ожидала.

Сейчас мы с Нессой пойдем в библиотеку сдавать книги, а отец и Тоби собираются в орнитологический музей.

В воскресенье приезжал Джеральд; выглядит он отлично и всем доволен.

Надеюсь, ты тоже хорошо проводишь время, прежде чем вернуться в свои трущобы⁹⁸. А я только и радуюсь, что мы не за границей: Лондон, без сомнения, лучшее место на свете.

Твоя любящая старая Коза

13: Джорджу Дакворту

Воскресенье, 23 апреля [1898] [Гайд-парк-гейт, 22]

Мой дорогой старина Бар,

Несса только что отправилась в Новую галерею на частный показ, где встретится с Джеральдом. Она очень красива в своем платье от миссис Янг⁹⁹ и большой шляпке. К нам только что заходили Аделина и Ральф, чтобы узнать насчет сиделки для Роланда Вогана-Уильямса¹⁰⁰, у которого перитонит. Впрочем, ему, говорят, уже лучше. Ральф, разумеется, ждал снаружи.

Полагаю, Несса рассказала тебе о нашем путешествии: в целом оно прошло удачно, а мой забытый велосипед доставили вчера. Отец снова принялся за работу и с утра до обеда гоняет бедного старину Тоби. У Адриана утром был Макфертер [*неизвестный*], а мы с Нессой ходили на Хай-стрит. Встретили Китти¹⁰¹, что было приятно; она как раз спешила к Маргарет¹⁰² в Ганби [-холл, Линкольншир].

По-моему, Несса выглядит просто прекрасно. Книги и прочее – все дается [ей?] легко, а Тоби держит отца в узде. Накануне Джеральд был на вечеринке старых дев, которую устроила мисс Мэй Бальфур [?]. Вчера он выпустил первые две книги. Почки уже распустились, в садах полно цветов. Уверена, что небо у нас такое же голубое, как у тебя, да и вообще – заме-

⁹⁶ Прибрежный город и порт в Западном Сассексе.

⁹⁷ Лукреция (Реция) Распони (1879–1971) – дочь графини Анжелики (1854–1919) и графа Джузеппе (Джозефа) Распони (1852–1941); в 1901 году она вышла замуж за князя Филиппо Корсини, и во время медового месяца они останавливались у Стивенов во Фритэм-хаусе. Реция и Нерино Распони, а также их двоюродный брат Гвидо Пазолини были друзьями Джорджа Дакворта. Распони жили на вилле «Fontellerta».

⁹⁸ В 1892–1902 гг. Джордж Дакворт помогал Чарльзу Буту в подготовке книги «Жизнь и труд лондонцев, 1901–1903».

⁹⁹ Некая Салли Янг – портниха.

¹⁰⁰ Роланд Воган-Уильямс – двоюродный брат Ральфа Вогана-Уильямса.

¹⁰¹ Кэтрин (Китти) Лашингтон (1867–1922). Ее родители были близкими друзьями Лесли Стивена. В 1890 году она вышла замуж за Леопольда Макса (1864–1932) – политического писателя, владельца и редактора консервативной газеты «National Review». Позднее ВВ писала, что Китти отчасти послужила прообразом миссис Дэллоуэй.

¹⁰² Маргарет Массингберд, урожденная Лашингтон (1869–1906), – сестра Китти Макс и Сьюзен Лашингтон; жена Стивена Лэнгтона Массингберда.

чательно снова быть дома. Слуги в порядке и, кажется, неплохо отдохнули без нас. Ковер в столовой никуда не годится: слишком маленький, а по словам Джеральда, «*невероятно уродливый и паршивый по качеству*», – но его собираются убрать. В субботу к нам на обед придет миссис Роуз¹⁰³, но ты ее как раз не застанешь!

Похоже, тебе и так хватает общения. Надеюсь, графиня окажется приятной женщиной – я про Карнарвон¹⁰⁴. Тетя Мэри была в восторге, услышав, что Нессу тоже пригласили [в Италию, к Распони], и сказала, что она просто обязана поехать в следующем году.

А я сейчас буду проявлять наши снимки из «Frena» [марка фотоаппарата]: я одна, и заняться мне нечем. Передавай Реции привет. Надо бы как-нибудь познакомиться с ней. По описанию и на фотографиях она прелестна.

Береги себя и возвращайся потолстевшим.

Твоя любящая старая Коза

14: Тоби Стивену

Среда, 25 мая [1898] [Гайд-парк-гейт, 22]

Мой дорогой Тоби,

твои письма обрушились на нас лавиной, и как же приятно получить письмо, адресованное лично мне. Я нашла его в воскресенье вечером, когда мы вернулись из Годманчестера. Возможно, Несса уже рассказала тебе о нашем героическом решении съездить туда одним днем. Одним камнем мы убили двух болтливых ворон¹⁰⁵: Монахиню и леди Стивен¹⁰⁶. С первой мы обедали в субботу, а потом провели день в ее саду, наблюдая за Лией [служанкой], сажавшей цветы. В 16:30 мы с Нессой поехали в Годманчестер. Это гораздо более приятное место, чем можно было ожидать, старинное, тихое и респектабельное. [*письмо порвано*]... вполне уютный дом, и вечер субботы мы провели, сплавляясь по реке с Розамундой. Представь себе наши чувства! Едва мы подплыли к лужайке, где было полно народу, Розамунда во всю глотку запела: «*Прощай, Манчестер*». Просто жуть. Но теперь уже все позади, и мы можем спокойно спать в своих постелях. В ближайшее время я уж точно не собираюсь снова покидать Лондон.

Ты, должно быть, уже знаешь о том, что нас ограбили? Все это ужасно волнительно. По ночам мы лежим без сна и представляем себе, как по первому этажу крадутся незваные гости. Несса храбрится, только и мечтая услышать, как они забираются в маленькую комнату, тогда она выскочит и схлестнется с ними один на один. А я на своем верхнем этаже чувствую себя довольно [*письмо порвано*], ведь прежде чем добраться до меня, им придется миновать Софи¹⁰⁷. Бедняжка Софи запирает дверь на все замки и клянется, что умрет, защищая свой ларец с серебром (он у нее под кроватью). Кстати, Изабель [служанка?] подарила ей коробку с южноафриканскими бабочками, а Софи отдала ее нам. Хочешь, мы перешлем их тебе? Вряд ли эти бабочки представляют ценность. Они не расправлены, у многих поломаны крылья, хотя некоторые вполне целы и неплохо выглядят. Вот только мы не представляем, что с ними делать.

---

¹⁰³ Миссис Э. Уикхэм Флауэр – малоизвестная художница, которая давала Ванессе уроки истории искусств и водила ее по галереям. Ее муж Уикхэм Флауэр (около 1835–1904) был членом Общества антикваров. Она упоминается в выпуске семейной газеты «Hyde Park Gate News» от 14 января 1894 года: «*Миссис Уикхэм Флауэр любезно предоставила Адриану 5 билетов на "Сапта-Клауса" в театр "Лусеит"*».

¹⁰⁴ Элизабет (Элси) Говард (1856–1929) – вторая жена 4-го герцога Карнарвона (1831–1890), мачеха леди Маргарет Герберт, жены Джорджа Дакворта.

¹⁰⁵ Пародия на поговорку «за двумя зайцами погонишься, ни одного не поймаешь», которая на английском звучит как «to kill two birds with one stone» (букв. «убить двух птиц одним камнем»).

¹⁰⁶ Мэри Стивен (1829–1912) – вдова сэра Джеймса Фицджерейса Стивена, брата Лесли Стивена.

¹⁰⁷ София Фаррелл (1861–1942) – семейная кухарка Стивенов на Гайд-парк-гейт, работавшая то на них, то на Даквортов до конца своей жизни.

Несса уже побывала на трех или четырех баллах, но эта старая ворчунья по-прежнему воротит нос. Я же с нетерпением жду момента, когда «*мистер Стивен, старший ранглер*¹⁰⁸ и все такое прочее» сопроводит ее. Не представляю, откуда у Нессы такая смелость – вытерпеть двухчасовой ужин, к тому же сидя между двумя незнакомцами! Такие развлечения явно не по мне. Что ты подарить ей на день рождения? Он ведь уже в понедельник. Думаю, тебе лучше купить что-нибудь самому в Клифтоне и отправить ей [*письмо порвано*]<...> не знаю, чего она хочет <...>, но все, что связано с живописью, точно подойдет. Придется положиться на твою мудрость.

Джорджи завтра уезжает в Олдершот на недельные военные сборы. Звучит довольно мерзко. Неужели тебе тоже однажды придется? Наши планы на лето по-прежнему туманны. Отец говорит, что ему все равно, а потом выдвигает такие идеи, из которых явно ничего не выйдет. С Нью-Форестом покончено: похоже, там вообще нет домов, сдающихся в аренду. Джек слышал о доме Роджеров [?] в Уилтшире, а миссис Дарвин [?] рассказала Джорджи о поместье в четырех милях от Страуда [Глостершир], но меня туда что-то совсем не тянет.

Прощайте, милорд. Не забудьте о дне рождения Нессы.

Ваша любящая Коза-эсквайр

15: Тоби Стивену

Среда [15 июня 1898] Гайд-парк-гейт, 22

Мой дорогой Тоби,

сильно сомневаюсь, что ты вообще ответил на то мое длинное письмо, хотя подарок ко дню рождения Нессы все же прислал. Кстати, сегодняшний вечер я провожу в счастливом одиночестве. Отец и Несса ушли на ужин к Джеку, а Джорджи и Джеральд, разумеется, на каком-то приеме. Только что отправила Адриана спать, после того как он, бедняга, сломал всю голову над алгеброй.

Вчера ходили на первую из четырех запланированных опер – она была довольно длинной, но мы высидели до конца, ни разу не зевнув. Аделина и Ральф пошли с нами, держались за руки и были в полном восторге. Мы собираемся ходить в течение двух недель, по вторникам и пятницам. Подумайте, милорд: быть может, вы соблаговолите принять обеих своих милых сестер в вашем загородном поместье [в Клифтон-колледже] 25-го. Мы обе уже согласились, и если у меня хватит духу высидеть обед с Буги¹⁰⁹, а потом еще пережить одну садовую вечеринку, то я приеду. Я ведь ни разу толком и не видела вашу резиденцию, а через год ты уже упорхнешь. Постараюсь прилично одеться и вести себя соответственно, как и положено послушной Козе. Но если честно, перспектива немного пугает.

Сегодня утром ко мне заходила Мадж. Не знаю, когда она собирается в Клифтон, но, кажется, скоро. Новостей нет, а я просто засыпаю на ходу после дня, проведенного над греческими упражнениями и в прогулке с отцом по берегу реки от Хаммерсмита до Патни.

Аренда дома на лето по-прежнему остается мечтой. Тетя Минна хочет, чтобы мы сняли небольшой отель гиней за двадцать в неделю. Ты станешь главным дворецким, а Адриан будет чистить обувь. У отца возникла безумная идея поехать в Конистон (семь часов на поезде и потом еще сколько-то), но мы ни в какую.

Что ж, милорд, совсем скоро увидимся – не в субботу ли на следующей неделе?

С любовью, Козлица

¹⁰⁸ Ежегодно присваиваемое звание лучшего студента-математика Кембриджского университета.

¹⁰⁹ Майкл Джордж Глэйзбрук (1853–1926) – директор Клифтон-колледжа в 1891–1905 гг., снискавший репутацию жестокого и не очень популярного руководителя, за что ученики в шутку называли его «Буги» (англ. bogy – пугало).

16: Тоби Стивену

[Июнь/июль 1898] Гайд-парк-гейт, 22

Мой дорогой Тоби,

мне пришло в голову, что Мадж и Уилл¹¹⁰, возможно, были бы рады получить в подарок снимок Нессы, сделанный нашим кузеном Генри [Камероном]. Не соблаговолит ли твой великий ум обдумать эту мысль? Не знаю, сколько это будет стоить, но, наверное, не слишком дорого, а лучшей идеи для подарка у меня просто нет.

Мадж и Уилл действительно восхищаются Нессой, а Мадж как раз недавно спрашивала меня, получится ли уговорить Нессу сфотографироваться. Не соизволит ли Ваше Высочество сообщить, согласны ли вы, и если да, то надо бы этим заняться. Снимков можно сделать два – и для Уилла, и для Мадж.

Ваша любящая Козлица-эсквайр

17: Эмме Воган

18 августа 1898 [Мэнор-хаус, Рингвуд, Хэмпшир]

Эту марку нам оставили Моранты [владельцы дома],

но я наклеила ее криво.

Моя дорогая Жабба,

понятия не имею, где ты сейчас находишься. Ты не подаешь ни единого знака, молчишь, как и все представители твоей породы. Полагаю, вы не в Лондоне. Сегодня утром мы все разволновались: отцу пришло письмо от Герберта Фишера, который сообщил о своей помолвке с мисс Леттис Илберт¹¹¹, дочерью сэра Кортни Илберта из Оксфорда. Интересно, новость ли это для тебя – может, тетя Мэри уже успела рассказать? В любом случае ужасно волнительно. Джорджи говорит, что она очень красива, а отец вообразил, что у нее много денег, – в общем, звучит весьма обнадеживающе.

Дом здесь очень милый: сад большой, да и внутри довольно удобно, хотя уродство еще то. Стояла такая жара, что мы почти ничего не делали. Нессе дали лошадь, и они с Джорджи разъезжают по округе, а я чинно езжу в повозке, запряженной пони. С тех пор как мы уехали из Лондона, у нас не было ни дня без гостей. Сначала на две недели приехали трое итальянцев [Реция и Нерино Распони, Гвидо Пазолини], потом Сьюзен Лашигтон, а теперь вот у нас тетя Минна. Но она последняя. Интересно, чем вы там с Марни занимаетесь? Ну что, есть новости о Уилле и Мадж (как спросила бы кузина Мия)? Мы о них ни слухом ни духом. Я потеряла адрес, который ты дала, и все меня уверяют, что места под название Аролла [деревня в Швейцарии] не существует. Но ты вроде бы говорила, что они именно там?! У них все хорошо? Они счастливы? Ведут себя как подобает? Все вдруг стали жениться, хотя еще в прошлом году были одиночками. Какая печальная мысль. Я считаю дни до 22 сентября, когда мы вернемся в наш любимый город. Знаю, ты меня понимаешь. Прямо сейчас за окном бушует гроза. Я пишу при вспышках молний, а над головой протекает крыша. Надеюсь, завтра станет прохладнее. Мы

---

¹¹⁰ Уильям Вайамар Воган (1865–1938) – двоюродный брат ВВ по материнской линии, сын Аделины (1837–1881) и Генри Хелфорда Вогана (1811–1885). Мадж Саймондс и Уилл Воган поженились 28 июля 1898 года.

¹¹¹ Леттис Фишер (1875–1956) – старшая дочь сэра Кортни Илберта (1814–1924), клерка Палаты общин; жена Герберта Альберта Лоуренса Фишера. Леттис была экономистом, историком, а также она основала Национальный совет по делам одиноких матерей и их детей.

с Нессой расстегиваем платья, подбираем юбки, снимаем чулки и все равно обливаемся потом. Прости за столь неприличные подробности, но больше рассказывать не о чем. Если я задержусь здесь, боюсь, мне придется наведаться в Ханвелл¹¹² – ты ведь тоже так считаешь? Передай Марни, что я читаю Гомера! Ничегошеньки не понимаю. Приходится искать в словаре каждое слово, но сегодня днем я сама разобрала три строчки и почувствовала себя очень умной. А вот Ксенофонт¹¹³ слишком скучен – долго читать невозможно. Боюсь, Марни куда прилежнее меня, но выискивать что-то в словаре в такую жару – это перебор.

Несса шлет горячий привет, и ей жутко хочется узнать хоть что-нибудь о своих молодых людях, как она их теперь называет. Ну а ты, моя дорогая Жаба, ответь поскорее, ведь ты обещала писать первой. Надеюсь, вы хорошо проводите время, насколько это вообще возможно, конечно, ведь лето в деревне – это же сущий кошмар.

С любовью, Джиния

18: Эмме Воган

11 сентября [1898] Мэнор-хаус, Рингвуд [Хэмпшир]

Это моя фотография – по-моему, поразительно на меня похожа!

Моя дорогая Жаба,

я все собиралась написать тебе, с тех пор как получила твое последнее письмо, но писать в деревне в такую жару очень трудно. Чарли и Корделия [Фишер] гостили у нас целую неделю, а Корделия, как ты сама знаешь, еще та заноза. Впрочем, они уже уехали. С момента нашего приезда здесь нескончаемый поток гостей, но никого интересного, разве что тебе интересен Дермод О'Брайен¹¹⁴? Толстый самодовольный молодой человек, каких еще поискать. Прямо здесь у него случился желудочный приступ, и по возвращении в Лондон он слег. Стоит ужасная жара, и мы просто не в состоянии что-либо делать. Единственное спасение – забраться по колено в реку с задранной юбкой, в самом что ни на есть непристойном виде. До возвращения в Лондон осталось всего десять дней, мы уезжаем 21-го. Кажется, уже совсем скоро, хотя мы, казалось, приехали только вчера, и все же я радуюсь мыслям о возвращении. Подумываю в следующем семестре изучать в Кингс-колледже латынь. Может, и ты заодно? Ты ведь немного знаешь латынь, да и я тоже, а вместе будет очень весело. К тому же ты бы познакомилась с милым стариком Уорром. Занятия начнутся только 17-го, так что ты точно успеешь. Подумай об этом.

Полагаю, молодые люди уже едут домой. Пришли снимки Нессы, но они, по-моему, неудачные. Передавай привет Марни и скажи, что греческим я почти не занималась. Ксенофонт слишком скучен, чтобы ломать над ним голову.

Пиши скорее.

Твоя любящая Вирджиния

У тети Энни¹¹⁵ все по-прежнему, но боюсь, ей предстоит еще одна операция.

---

¹¹² Ханвелл – деревня в графстве Оксфордшир, но скорее всего Вирджиния имеет в виду одноименное лондонское заведение для душевнобольных.

¹¹³ Ксенофонт (около 430–356 до н.э.) – древнегреческий писатель и историк афинского происхождения.

¹¹⁴ Уильям Дермод О'Брайен (1865–1945) – ирландский художник; выпускник Кембриджа.

¹¹⁵ Энн Изабелла Теккерей Ричи (1837–1919) – старшая из двух дочерей Уильяма Теккерей (младшая была первой женой Лесли Стивена). В 1877 году Энн вышла замуж за своего троюродного брата, сэра Ричмонда Ричи (1854–1912), который был на 17 лет моложе ее; у них родилось двое детей, Хестер и Уильям. Леди Ричи была писательницей и послужила прообразом миссис Хилбери в романе ВВ «День и ночь».

19: Эмме Воган

17 сентября [1898] Гайд-парк-гейт, 22

Моя дорогая Жаба,

оказалось, мой любимый Уорр ведет занятия по латыни в день, который мне совсем не подходит, так что я собираюсь пойти на курс мисс Патер для продолжающих – он будет по вторникам в два. Она просто читает со всеми Вергилия. Пойдешь со мной? Думаю, будет довольно весело.

Несса спрашивает, нет ли у тебя на примете горничной, которая могла бы нам подойти? Лиззи выходит замуж 1 октября, а у нас никого нет. Не утруждай себя поиском, но дай знать, если кого-то знаешь. Я ужасно расстроилась из-за твоего жакета.

Твоя любящая Вирджиния

20: Эмме Воган

Понедельник, 13 марта [1899] Гайд-парк-гейт, 22

Моя любимая Жаба,

на случай, если ты не читала сегодняшней номер «Times», посылаю тебе эту вырезку: «11-го числа текущего месяца у жены [Мэйв Макнамара] Фредерика Гуденафа, эсквайра с Гладстон-роуд, родился сын».

Тебя это с ума не сводит? Ну и скорость! Подумать только – Мия!

Несса пишет, что вернется не раньше 16:30, так что новостей о поездке у меня нет.

Сейчас помчусь к нашему дорогому Уорру. Передам ему привет от Марни. Осталось последнее занятие. Могла бы и написать, как там дела у нашей страдальницы.

С любовью, Коза

21: Джорджу Дакворту

[13 апреля 1899] Сент-Обин, 9, Хоув [Сассекс]

Мой дорогой Джорджи,

наш приезд не задался. Как ты уже знаешь от Нессы, Тоби перенес простуду и жар, но вчера вечером приехал к нам и выглядел почти здоровым. Сегодня утром температура немного поднялась (38,3С), и мы вызвали доктора Бранфута [*неизвестный*]. Он сказал, что у Тоби воспаление правого легкого, но незначительное. По его словам, общее состояние отличное, а сам он достаточно крепок. Цитирую: «*Это всего лишь небольшой инцидент. В остальном он абсолютно здоров и поправится за два-три дня*». Каждые два часа ему нужно давать еду и менять компресс. Мы нашли сиделку на ночь, чтобы она его кормила. Вернее, еще не нашли, но доктор Б. уверен, что к вечеру кого-нибудь подыщет. Говорит, волноваться совершенно не о чем. Сейчас с ним Несса, но я поведу ее на прогулку и заставлю сегодня лечь пораньше. Кажется, я рассказала тебе все, что хотела. Какая-то нелепая ситуация: он болтает без умолку, чувствует себя вполне хорошо и, по словам Нессы, вообще образцовый пациент. Короче говоря, у нас все хорошо. Отец настоял, чтобы доктор Б. заглянул еще раз вечером, хотя тот уверял, что в этом нет необходимости. Врач из Клифтона, должно быть, идиот. Тоби весь вторник пролежал

с температурой и жаловался на боль в груди, но его все равно отпустили в дальний путь да еще с пересадкой¹¹⁶.

Сегодня утром Джеральд написал, что получил телеграмму от миссис Грейвс¹¹⁷ из Давоса: она тяжело больна и просит приехать немедленно, поэтому он уезжает на десять дней. Только что приехала сиделка – отлично. Отец ужинает у Фишеров. Сейчас он вполне бодр и, по правде говоря, все складывается очень удачно. Сегодня вечером мы навестили Монахиню. Она в хорошем настроении и самочувствии. Сегодня Розамунда едет к сэру Генри Каннингему¹¹⁸.

У нас все прекрасно. Тетя Мэри сказала, что Несса выглядит просто великолепно, и мне это было приятно услышать. Мы до нелепости спокойны и даже веселы. Доктор Бранфут – очень милый, приятный человек, и Тоби он нравится. Сегодня вечером Несса еще не измеряла ему температуру, но, по ее мнению, она ниже 38,3С, да и боль прошла. Доктор Б. считает, что худшее уже позади.

Так что не волнуйся. Я рассказала тебе все, что знаю.

С любовью, Коза

20:30. Только что приходил врач. Говорит, что боли нет и все идет как надо, а еще, что у нас лучшая сиделка во всем Брайтоне. Отец велел передать тебе привет. Адриану очень нужны деньги, чтобы отдать долги за подарки на дни рождения и дополнительные занятия. Не мог бы ты выписать ему три чека и выслать поскорее?

Несса велела передать, чтобы ты *ни в коем случае* не приезжал.

22: Эмме Воган

[Апрель 1899] Сент-Обин, 9, Хоув [Сассекс]

Моя дорогая Жаба,

я не забыла твое позорное поведение на перроне, весьма позабавившее наших попутчиков. Однако я не смогу вернуть тебе «Madame» [журнал?], потому что овчарка сожрала его вместе с куском чеддера, моей туфлей, пудингом и булочкой с кремом. У нас и без того хватает бед, и я даже не знаю, с чего начать, моя дорогая Жаба. Только представь себе всю ситуацию. Тоби приехал в среду вечером и вроде как был здоров, разве что слегка простужен. Лег спать пораньше, проснулся с небольшой температурой – мы вызвали доктора Бранфута, который, к нашему ужасу, заключил, что у него воспаление правого легкого! Мы тут же наняли сиделку на ночь, а на следующий день тетя Мэри настояла на том, что нанять еще одну на дневную смену. Жалкий Бранфут был крайне уныл – по словам Фишеров, он всегда такой. Напугав нас до чертиков, он вдруг заявил, что случай пустяковый и все пройдет за два-три дня. Впрочем, Тоби у нас просто чудо: он уже почти поправился, и осталась только слабость. Температура нормальная, ему разрешили есть твердую пищу, да и легкие в порядке. В любом случае, как ты понимаешь, это было не самое веселое начало наших каникул. Впрочем, мы мастерски все уладили, а Тоби, по словам окружающих, и впрямь вел себя как нельзя лучше. Но, дорогая Жаба, больше всего раздражает и, скажем прямо, чертовски злит, что всего этого можно было

---

¹¹⁶ См. «Мавзолейную книгу» Лесли Стивена: «*В среду, 12 апреля, поехал с детьми в Брайтон. Тоби присоединился к нам, вернувшись из Клифтон-колледжа. В четверг у него случился острый приступ пневмонии. На самом деле болезнь началась еще в понедельник, 10-го; врач оставил его до вторника, а затем по глупости разрешил поехать (говорит, что не знал о дальности пути). Пришлось нанять двух сиделок – целый день хлопот. Однако со среды его состояние начало улучшаться, и теперь (28-го) Тоби полностью поправился...*». В оригинале дата письма указана как «[Апрель 1899]», но из фраз Лесли Стивена и самой Вирджинии следует, что Тоби приехал к ним 12 апреля, а письмо написано на следующий день.

¹¹⁷ Неизвестно, о ком идет речь, но у Джорджа Дакворта был сокурсник с такой фамилией – возможно, это его мать.

¹¹⁸ Генри Стюарт Каннингем (1832–1920) – дядя Розамунды Стивен по материнской линии; юрист и писатель.

избежать, если бы не «*вопиющая беспечность*» (слова доктора Бранфута) вашего любимого клифтонского врача. Тоби страдал жаром и легкой формой пневмонии еще до отъезда, и все равно этот тип позволил ему отправиться в дальний путь да еще с пересадкой! Даже удивительно, что ему не стало хуже, и, если бы Тоби не был здоров как бык, он бы провел в постели несколько недель. Так что вот! Мы все в бешенстве. Отец написал тому врачу хлесткое письмо, а тетя Мэри теперь опасается отправлять Эдвина обратно в эту дыру. Словом, все и правда вышли из себя. С тех пор у нас тут все очень странно. Приехала мисс [Кэролайн] Стивен, а также божественная Розамунда. Последняя пришла к нам на чай в один день с Чарли [Фишером] и в присутствии этого незнакомого ей человека раскритиковала нашу нерелигиозность! Это было забавно, а на следующий день она пришла в 10:30, вытащила нас на пляж и долго рассуждала о загробной жизни. Думаю, они с тетушкой Хестер¹¹⁹ – два сапога пара. Господи, какое же длинное письмо – ты его никогда не осилишь. Я специально пишу тебе, а не Марни, чтобы у нее остались силы на греческий с мисс Патер.

Сегодня отвратительно сыро и ветрено – дом чуть не сдуло. Сейчас как раз тот час, когда вы с Марни могли бы сидеть с нами в гостиной и пить чай. В это же время через неделю мы будем ближе к раю. Брайтон – почти точная копия ада. А ты что думаешь? На самом деле мы почти все время бездельничаем. Тоби помешал всем планам. Мы с Нессой заставляем себя выйти из дома и вместе с овчаркой по кличке Гурт (в честь пастуха из «Айвенго»¹²⁰) бредем по Черч-роуд за лекарствами и ватой. Была тут еще одна сцена: в воскресенье к нам приехал Джек, и мы сидели после обеда в гостиной. Я подняла взгляд и увидела, что Несса за письменным столом *в одних панталонах!!!* Представь мои чувства. Она забыла приколоть юбку, и та сползла на пол. Я так хохотала, что не могла объяснить, в чем дело. Джек деликатно отвернулся, а Несса спряталась за ширмой. Вот о чем приходится писать тебе. Больше не о чем.

О, моя дорогая Жаба, как же я люблю Лондон! Это прекраснейшее место на свете.

Фишеры все живы-здоровы, хотя я их почти не вижу. Как там Анданты [Воганы]? Мы жаждем новостей. Новостей о божественном Румяном Носике¹²¹, о тетушке Хестер, об Эллен и Таулер [слуги?], о Марни и, разумеется, о самой [тебе] кроткой рептилии! У меня смутное ощущение, что ты становишься болтливой, когда берешься за перо. Уверена, это твое слабое место. Забудь о своих принципах и скорее напиши мне. Ты общаешься с каким-нибудь викарием?

Прощай же. Надо заканчивать.

С любовью, Коза

ABC

23: Эмме Воган

Четверг [20 апреля 1899] Сент-Обин, 9, Хоув [Сассекс]

Моя дорогая Жаба,

пишу тебе лишь для того, чтобы сообщить: мой обожаемый брат уже идет на поправку; сегодня ему даже разрешили посидеть, а еще он может есть бараньи отбивные и пить пиво сколько влезет.

В среду мы все вернемся [в Лондон] – о, благословенный день, вдвойне приятный, – хотя, увы, мы забыли о годовщине [смерти матери?].

¹¹⁹ Согласно примечанию к оригинальному изданию, речь идет о Хестер Воган – младшей сестре Генри Хелфорда Вогана, отца Эммы. Достоверные биографические сведения не найдены.

¹²⁰ Роман (1819) Вальтера Скотта.

¹²¹ Шарлотта Мэри Лиф (1867–1937) – вторая дочь Джона Эддингтона Саймондса и сестра Мадж Воган.

Я купила себе коробку перьев, широких и вульгарных, но вполне подходящих для писем к обитателям болот [вроде тебя]. То, в чем Несса сидела [когда сползла юбка], были ее панталоны. ПАНТАЛОНЫ! Панталоны, панталоны – теперь поняла, глупое ты животное?

О, моя дорогая Жаба, я, конечно, люблю писать тебе, но эти перья чудовищны. Теперь в моем почерке нет ни легкости, ни характера. Кстати, ты ведь так и не написала про ту омнибусную лошадь¹²²?

Вчера мы пили чай с Эмми, и она поведала нам одну сплетню, которую ты, моя дорогая Жаба, уверена, не расскажешь, несмотря на свою природную болтливость.

Скоро будет объявлено о помолвке Оливии Фрешфилд¹²³ и Дермода О'Брайена!!!

Хотя, возможно, это лишь выдумка Эмми. Передавай от нас пламенный привет дорогой Марни. Несса и Адриан сейчас катаются на лошадях в Школе [верховой езды] Дюпон, а мне надо за ними сходить. Ах, вот бы у моих ног сейчас лежало это кроткое, но нежное существо – Жабушка Сент-Олбанская.

Адью, твоя любящая Коза

Пес вчера сожрал шоколадный торт (два куска?) и сливочный сыр. Утром его стошнило под кроватью Нессы.

Думаю, ты вполне могла бы поделиться какой-нибудь сплетней об Андантах [Воганах] в ответ на мою – о помолвке.

23а: Джорджу Дакворту

Пятница, 21-е [апреля 1899] Сент-Обин, 9, Хоув [Сассекс]

Дорогой Джорджи,

пишу лишь пару строк, чтобы сказать: местечко для тебя найдется. Сегодня утром уехала дневная сиделка, а ночная станет дневной; она будет спать в столовой, чтобы слышать, если Тоби что-то потребует. Ночь у него прошла хорошо, он в прекрасном настроении. Сегодня собирается встать, и сиделка говорит, что ему можно есть все, что захочется, но доктор Бранфут еще не приходил, так что она не уверена.

Льет как из ведра. Несса и Адриан катаются на лошадях все утро, а я иду за ними.

Как тебе этот почерк? Мне ужасно жаль терять оригинальность и былую легкость.

Твоя любящая Коза

24: Эмме Воган

[Апрель 1899] Сент-Обин, 9, Хоув [Сассекс]

Моя дорогая Жаба,

обещаю, это последнее письмо, которое я тебе пишу, и оно будет коротким.

Решено, что мы остаемся здесь до пятницы, и это довольно прискорбно. Впрочем, льет дождь, дует холодный ветер, и, хотя Бранфут говорит, что Тоби сможет поехать в среду, я уверена, что нам придется остаться до пятницы. Таким образом, в Лондоне я окажусь не раньше субботы и сама уже не успею в Кингс-колледж. Поэтому, дорогая Жаба, хочу попросить тебя

---

¹²² Речь об омнибусе – виде городского общественного транспорта, характерном для второй половины XIX века и представляющем собой многоместную повозку на конной тяге. Омнибус являлся предшественником автобуса, поскольку со временем лошадей заменили мотором.

¹²³ Вероятно, Оливия Бланш Фрешфилд – дочь Августы и Дугласа Фрешфилда. Вероятно, сплетня действительно была выдумкой, потому что в марте 1902 года Дермод О'Брайен женился на некоей Мэйбл Эммелин Смайли.

заглянуть туда, если вдруг окажешься поблизости, и купить мне программу курса, самую полную, какая у них есть. Стоит три пенса. Будешь моим ангелом-спасителем.

Погода отвратительна, и настроение у меня под стать.

Передавай от нас привет Марни. Несса собирается ей написать.

С любовью, Козлица

25: Эмме Воган

Вторник, 13 июня 1899 Гайд-парк-гейт, 22

Моя дорогая и древняя Жаба,

сегодня утром мы выполнили твое поручение – надеюсь, этого будет достаточно. Мы навестили твоего друга, мистера Свендена [*неизвестный*] (ты через него заполучила дом на Сент-Олбанс-роуд?), и расспросили о Сассекс-виллас. По его словам, тот уже практически сдан, но есть другой – очень милый старый дом 6, который освободится через пару месяцев. Его сдают всего за £75 в год, да и задаток небольшой. Свенден говорит, что хозяева готовы рассмотреть любое разумное предложение. По его словам, даже хорошо, что он не понадобится тебе до весны: нынешние жильцы могут задержаться еще на пару месяцев. В любом случае Свенден собирается написать Марни и договориться, чтобы она посмотрела дом, а это непруста, пока там живут. К слову, он упомянул, что недавно к нему обращались – спрашивали, не сдастся ли дом на Сент-Олбанс (сейчас или в ближайшем будущем), а Сведен ответил, что им владеет мисс Воган. Сказал, что дом на Сассекс-виллас подошел бы идеально, и если захочешь, то его даже можно будет приобрести в собственность. Ну вот, вышло многословно, а для невооруженного жабьего глаза, вероятно, и вовсе нечитаемо.

Дорогая Жаба, я не в силах изложить все те бесконечные вопросы, которые приходят на ум, когда я сажусь писать тебе, особенно учитывая, в какой ты сейчас компании. Остается лишь надеяться, что ты внимательнейшим образом фиксируешь и хранишь в памяти каждое слово, взгляд и жест. Сегодня ровно неделя, как ты уехала, но когда же ты вернешься? Возможно, прямо сейчас ты сидишь в доме моей старой доброй подруги – тетушки Хестер. Ах, Жаба, ты и впрямь привилегированное животное – иметь такую родню! Несса уже рассказала про Доротею? Как-то утром мы получили от нее две открытки. В одной она пишет: «*Я намерена провести неделю в Лондоне, с 24 июня. Если мои кухни пожелают, я окажу им честь своим обществом*»!!!!!! А в другой, помимо прочего, говорит: «*Мы будем рады, если вы проведете лето рядом с нами в Уорбойс*¹²⁴ – *вот только мы подумываем сменить название на Писгёрлс*»!!!! Она – это что-то с чем-то.

У самих нас новостей почти нет. Свадьба¹²⁵ была довольно унылой: Эмми истерила, повсюду сновали Фрешфилды¹²⁶, Ричи и прочие. Флоренс¹²⁷ пришла с детьми. Тетя Мэри чуть с ума не сошла от радости. Наш нож для писем произвел успех, хотя им подарили еще четыре штуки! Сегодня днем у нас была латынь, а вчера – греческий. Передай Марни, что занятия восхитительны. Мы читали отрывок из «Апологии»¹²⁸, а мисс Патер совершенно очаровательна,

¹²⁴ Деревушка в Хантингдоншире (Кембриджшир). Далее в цитате следует игра слов: в дословном переводе «Warboys» означает «воинственные мальчики», а «Peacegirls» – мирные девочки.

¹²⁵ Эдмунд Фишер женился на Джини Фрешфилд.

¹²⁶ Августа Шарлотта (1847–1911), тетя Молли Маккарти, и Дуглас Фрешфилд (1845–1934), писатель и путешественник, друг Лесли Стивена.

¹²⁷ Флоренс Мейтланд, урожденная Фишер (1864–1920), – старшая из кузин ВВ по линии Фишеров, вышедшая замуж сначала за Фредерика Мейтланда, а затем, после семи лет вдовства, за сэра Фрэнсиса Дарвина, уже дважды вдовца.

¹²⁸ Скорее всего, «Апология Сократа» – одно из наиболее ранних произведений Платона, содержащее три речи Сократа во время суда, хотя существует одноименное произведение авторства Ксенофонта.

так что Марни просто обязана вернуться. Мы практически арендовали дом в Хантингдоне [Кембриджшир]. Пастор согласился на 9 гиней, осталось уладить детали.

*Пусть так же и мысли мои
Найдут выражение в словах.*
(как гласит поэт¹²⁹)

Мне надо как-то дождаться нашей встречи. Я постоянно думаю о тебе. Почему вы всегда едите в саду? Для нас это странно, и мы уже чуть ли не камин топим – настолько здесь холодно. Какие у Мадж порядки в доме? Она что-нибудь говорила о комнате на лестнице – той, что спальня кухарки? Боюсь, мой почерк становится неразборчивым: пальцы липнут друг к другу, я пользовалась клеем и теперь едва могу писать. Передай пламенный привет тетушке Хестер и дорогой Марни.

*Всегда покорная, твоя Сапра*¹³⁰

26: Эмме Воган

12 августа 1899 Приходской дом, Уорбойс, Хантингдоншир

(этого адреса достаточно)

Дорогая любимая Жаба,

сегодня утром мы получили письмо от Сьюзен Лашингтон. Она приедет в Хантингдон в понедельник около 12:30. Полагаю, кому-то из нас придется встретить ее на станции, а значит, мы вернемся домой к 13:30. Не знаю, когда приедешь ты (если вообще приедешь), но мы ждем тебя к обеду. Короче говоря, если нас вдруг не окажется дома, а вероятность этого особенно велика, если приедешь раньше 13:30, то не стесняйся и чувствуй себя как дома. Поплавай на плоскодонке, покорми морских чаек, загляни в конюшни, посмотри фотографии и займи любую из наших спален вместе со всем, что к ним прилагается. Боюсь, Сьюзен Лашингтон может немного нарушить наш распорядок, но, скорее всего, она будет распаковывать вещи, отдыхать и писать письма. К тому же она прелестное создание и мастерски играет на клавишине. Некоторые другие люди, то есть жабы, скользкие и противные ползучие существа, считают, что они тоже умеют играть – ну-ну!

Видишь, моя дорогая Жаба, этот ужасный климат еще не сломил мой дух. Подозреваю, что у вас с Марни есть свои тайные помыслы, раз вы так опорочили это место в наших глазах, или, быть может, вы просто слишком бездушны и лишены воображения, чтобы оценить его красоту. Поверь мне, Жабушка, я никогда не видела дома, сада или пейзажа, который нравился бы мне хоть вполовину так, как этот. Сент-Айвс не в счет. Вчера мы поехали на велосипедах в Хантингдон и навестили родственников [леди Стивен]. На обратном пути мы позабыли обо всех тяготах (а их было немало: мы с Нессой везли большие авоськи, доверху набитые дынями, и на каждом повороте они били нас по коленям), потому что любовались небом, окунаясь в него и впитывая. Настоящее небо видно только здесь. Мы больше не обитатели земли. Мы сотканы из облаков. Мы мечтатели и мистики, мы подобны фугам фисгармонии¹³¹. Ты читала «Ферму дожа»¹³² своей невестки? Она описывает очень похожие места и, как человек с подлинной

---

¹²⁹ Альфред Теннисон (1809–1892) – писатель, любимый поэт королевы Виктории. Вирджиния цитирует его стихотворение (1842) «Пой, пой, разбиваясь, прибор» (в пер. Вячеслава Чистякова).

¹³⁰ В пер. с ит.: «коза».

¹³¹ Клавишно-пневматический музыкальный инструмент семейства гармоник, отличающийся наличием фортепианной клавиатуры и напольным или настольным расположением.

¹³² В 1893 году Мадж Воган выпустила книгу «Дни на ферме дожа» – мемуары о времени, проведенном в Италии. Дож – итальянский вождь, глава государства.

художественной душой, восхищается ими. Теперь я буду судить о настоящей дружбе по тому, способен ли человек оценить Фенские болота¹³³. Хочу читать о нем книги и писать сонеты весь день напролет. Это единственное место для покоя души и тела, для счастья, картофеля в сливках и прочих радостей жизни. Я превращаюсь в задумчивую олдернскую корову¹³⁴. И ведь находятся же люди, которые считают это место скучным и неинтересным!!!!

Все это вырвалось из меня само собой. Я намеревалась писать коротко и по делу. Бедная Жаба, когда ты приедешь, я спрошу: «*Ну что, ты прочла мое письмо?*» – а ты признаешься, что начала в дороге и обязательно закончишь на обратном пути. Скажешь, что просто ждешь подходящего дождливого дня. Августа¹³⁵ говорит, что это плохо сказывается на твоём зрении, а Марни телеграфировала: «*Запрещаю тебе читать письма от Вирджинии*». Сегодня я немного не в себе, ведь это самый жаркий день в моей жизни. Я прочла длинный роман: начала за завтраком, а закончила в четыре часа.

Пора пить чай (хвала небесам, как сказала бы Жабушка).

Мне очень жаль, что получилось такое длинное письмо, но я компенсирую это кратким содержанием и напишу его чернейшими чернилами.

Обнимаю дорогую Марни и всех своих племянниц и племянников.

Всегда твоя, Козлица

Ну расскажи же нам хоть что-то:

Мы жаждем новостей.

О, октябрь, октябрь,

Скорее бы ты прошел.

Цель этого письма – сказать, что в понедельник утром мы едем встречать Сьюзен Лашингтон и поэтому, возможно, опоздаем к твоему приезду, но в любом случае вернемся к обеду в 13:30. Не стесняйся и чувствуй себя как дома.

Все остальное – потом. Ждем новостей о некоем человеке и еще кое о ком.

Видишь, насколько эта бумага лучше твоей?

27: Эмме Воган

Понедельник, 11 сентября 1899 Приходской дом, Уорбойс [Хантингдоншир]

1 Вторник 12-е

2 Среда 13-е

3 Четверг 14-е

4 Пятница 15-е

5 Суббота 16-е

6 Воскресенье 17-е

7 Понедельник 18-е

8 Вторник 19-е

9 Среда 20-е

ЧЕТВЕРГ 21

---

¹³³ Географическая и историческая область в восточной части Англии, занимающая южную часть графства Линкольншир, северную часть Кембриджшира и западную часть Норфолка.

¹³⁴ Олдерни – вымершая порода молочного скота, названная в честь одного из островов Нормандии.

¹³⁵ Августа Крофт (1860–1953) – старшая сестра Марни Воган, жена Роберта Крофта.

Моя дорогая Жабушка,

видишь, насколько я преданное создание! Ценой многих часов и больших усилий я сдержала свое обещание. Я написала подробный рассказ о нашем великом происшествии¹³⁶ и теперь жду от тебя очень милого письма с благодарностью. Понимаешь? Ты должна внимательно прочитать мой труд, не пропуская ни одного моего особенного словечка, а потом прислать свои замечания и смиренную благодарность. Я и впрямь ангел – никакое другое слово не описывает мой характер лучше. Возможно, почерк и покажется тебе корявым, но это от моего желания поделиться своей работой. Вчера было ужасно холодно, и я физически не могла писать аккуратно, но я сказала себе: «*Нет, Жаба не должна больше ждать. Я закончу это к завтрашнему дню*». Ну а ты, дорогая Жабушка, чем занималась? Были еще приступы, или ты уже здоровая жаба? Напиши мне письмо, полное *мыслей*: мне нравятся твои *мысли*, а не голые *факты*. Кстати, Несса рассказала тебе о длинном письме от Мадж? Она написала, что... – нет, я помню, что ты считаешь неправильным пересказывать чужие письма, поэтому не скажу больше ни слова, хотя, конечно, там были весьма интересные *факты*.

Завтра приедет дорогая Марни. У нас была безумная идея поехать в Или [в Кембриджшир] и на обратном пути подобрать Марни в Уилбертоне, но это сложно, так что мы, наверное, останемся дома. Рассказывать особо нечего, а рука уже очень устала после бесчисленных страниц, переписанных для тебя, поэтому прощаюсь.

И будь благодарна. Моя работа строго конфиденциальна.

Всю прошлую неделю лило как из ведра – плоскодонка наполнилась дождевой водой, Адриан отпихнул ее к центру пруда, и теперь она болтается там, едва выступая над поверхностью, а если снова пойдет дождь, она точно утонет. И всем нам слишком лень ее спасать. Четверг на следующей неделе, моя дорогая Жаба! Ах, как я буду счастлива снова вернуться в Лондон. Хотя, признаться, время здесь пролетело удивительно быстро, и было не так плохо, как обычно. Честно говоря, я думаю, что это место невероятно очаровательно. Сегодня днем Несса и я отправились на долгую прогулку вдвоем по той самой дороге, где мы ехали в тот вечер, когда ты испугалась телеги с сеном. Мы шли и шли много миль, но не встретили ни единой живой души. Потом сели у обочины и болтали, это было просто божественно. Здесь уже осень, все листья пожелтели и т.д. Вот фотография, которую ты еще не видела. По-моему, изображение на ней напоминает одного древнего зверя [Джорджа?], которого я знаю.

Да, почерк ужасный, но я спешу, вот-вот придется зажигать свечу, а руки просто отваливаются; я вся закуталась и сижу в кресле, а вместо доски для письма использую старый кусок картона. Однако это великое произведение написано с такой образной утонченностью, какой могут похвастаться лишь очень немногие авторы. Ну ладно, не стану окончательно портить твое зрение. В нашу следующую встречу я в сопровождении собаки-поводыря и с зеленой повязкой на глазах буду стучать тростью по Глостер-роуд. А ты дашь мне пенни и скажешь: «*Бедная старушка. Марни, посмотри, она ведь и правда похожа на ту старую Козу, которую мы знали*». Передавай привет Вирджинии, Джону и Миллисент¹³⁷, Мэриан [*неизвестная*] и всем моим дорогим друзьям. Пришли мне хоть немного сплетен. Они как вода для рыбы.

Твоя любящая Коза

Только ты, крошка – только ты, крошка (именно так сейчас во всех углах воркуют вечерние голубки)¹³⁸.

¹³⁶ Вирджиния переписала для Эммы Воган шуточный газетный репортаж, опубликованный под названием «Ужасная трагедия в утином пруду» (см. ВВ-Д-0, 1899 г.). Эмма Воган присутствовала при этом событии (когда утонула их лодка).

¹³⁷ Миллисент Воган (1866–1961) – одна из старших сестер Эммы. В 1895 году она вышла замуж за Вера Ишема (1862–1941), 11-го баронета. Их старший сын Джон Вер Ишем (1895–1916), лейтенант драгунской гвардии, погиб при исполнении. Их единственная дочь Вирджиния (1898–1983) позже работала в поместье Терлинг-плейс в графстве Эссекс.

¹³⁸ Удивительно, но именно эту фразу – «*только ты, крошка*» – ВВ неоднократно использовала в романе «Годы» (в

28: Эмме Воган

19 апреля [1900] (День Примул¹³⁹) Сент-Обин, 9, Хоув, Брайтон

Любимая Жабушка,

я была ужасно благодарна за твое письмо, но, ради всего святого, расскажи наконец историю о Мадж и телеграмме – мне не терпится ее услышать, а мое уныние необходимо развеять. Вчера утром в 8:15 древний зверь [Джордж Дакворт] уехал в Париж и, насколько я понимаю, пробудет там целую неделю. Я все глубже втягиваюсь в панцирь, как старая, почтенная, почти нелюдимая черепаха. Тоби сегодня здесь, но завтра утром уедет, и тогда я останусь наедине со своим Родителем [отцом]. Впрочем, у меня бесконечно много книг и еще греческий (передай Марни, что это мое великое утешение) – в общем, время летит, хотя мне, клянусь, кажется, будто прошла всего неделя с тех пор, как я видела свою бедную старую добрую Овчарку [Ванессу]. Вчера от нее пришла телеграмма (она благополучно добралась), но письма пока нет. Ее радует лишь мысль о Лувре, а в остальном она подавлена. Ты ведь знаешь Париж, моя дорогая Жаба? Что думаешь о нем? Если вдруг захочешь написать ей, вот адрес: *отель «Сен-Ромен», ул. де Рош, Париж*. О, моя милая Жаба, как же здесь отвратительно! Жарища, ни ветерка и ни малейшего признака весны – впрочем, это, наверное, лучше урагана. Вся округа кишит актрисами и другими женщинами всех мастей и сортов; мы гуляем по набережной, философствуем и глазеем на негров. Развлечения все те же, какие я помню с младенчества; ужасно хочется прокатиться на осле.

Фишеры повсюду, но они постепенно разъезжаются: Аделина и Уилли уже уехали, а теперь вот и Леттис с Гербертом тоже. Большинство Фишеров теперь испытывает к Леттис неприязнь. Говорят, она слишком болтлива, навязчива и лишена чувства юмора. Зато все обожают Джини и Джо, а младенец и вовсе повод для восторга. Бедняжка тетя Мэри выглядит как привидение. Она все для всех делает, бегает по разным делам, но никто, кроме Аделины, и не думает ей помогать. Что ж, полагаю, вы с сестрой уже вакцинированы и скоро унесетесь в далекие края. По словам Джека, в Италии сейчас просто великолепно: жара, все цветет, а небо синее, как... у меня кончились эпитеты – пускай метафорой будут чернила, которые в данный момент чудесного синего цвета, но, боюсь, когда ты получишь письмо, они станут тускло-серыми.

По-моему, новостей больше нет. Надеюсь, ты будешь ангелом и вскоре снова напишешь. Я в тоске, словно Гамлет, и мне остается только сидеть в одиночестве, читать или писать своей рептилии. По-моему, сестры – чересчур дорогое удовольствие (я собираюсь сказать это своей), но хуже всего то, что избавиться от них невозможно.

Милая, ты хоть представляешь, сколько пройдет *месяцев*, прежде чем мы снова увидимся. Как думаешь, у тебя к тому времени отрастет борода, а у меня – рога? Передавай привет Марни, о которой я постоянно думаю – один раз даже всплакнула. Надеюсь, Вер [Ишем] читает Теккерей¹⁴⁰. Нет в моей голове более приятного образа, чем он, читающий и перечитывающий Теккерей, а между делом играющий на виолончели. Это возвращает меня в детство. Ему бы следовало писать письма, как Эдвард Фицджеральд¹⁴¹, тот самый, который перевел Омара Хайяма. У него ведь были похожие вкусы и еще гениальность.

пер. Артема Осокина) для описания воркования голубков. В оригинале используется фраза «*take two coos Taffy*», которая, по-видимому, не имеет особого смысла, а является звукоподражанием (ономатопеей).

¹³⁹ Годовщина смерти (день памяти) премьер-министра Бенджамина Дизраэли (1804–1881). В этот день люди традиционно приносили примулы (его любимый цветок) на могилу и к памятнику великого деятеля.

¹⁴⁰ Уильям Мейкпис Теккерей (1811–1863) – английский писатель-сатирик.

¹⁴¹ Эдвард Фицджеральд (1809–1883) – английский поэт, известный своими переводами четверостиший Омара Хайяма

Тоби требует чаю, так что прощай, моя милая болотная рептилия.
Всегда твоя, АВС

29: Джорджу Дакворту

Воскресенье [22 апреля 1900] Сент-Обин, 9, [Хоув, Сассекс]

Мой дорогой старый Чурбан.

Пора отправлять почту, поэтому черкну лишь пару строк, чтобы поблагодарить тебя за длинное и очень интересное письмо, а заодно сказать: нет ни малейшей причины возвращаться [из Парижа] во вторник, если хочешь остаться. Я уверена, что Несса действительно получает огромное удовольствие, да и возможность эту упускать нельзя. Конечно, я по ней скучаю, но один день ничего не решает, в конце концов, мы видимся каждый божий день. Так что не переживай – у меня все просто прекрасно, и отец тоже в полном порядке. Мы отлично ладим. Тетя Мэри велела ему не таскать меня на долгие прогулки, и вообще у нас тут покой да благодать.

Письма Нессы полны иступленного восторга. Боюсь только, как бы она не увлеклась настолько, чтобы не захотеть возвращаться. Не дай ей обручиться с каким-нибудь очаровательным французским маркизом: уверена, из него не выйдет толкового мужа. И не пускай ее в чересчур фривольные студии: темперамент у тамошних художников будь здоров, а у внешне сдержанной Нессы внутри бурлят настоящие вулканы.

Отец растянулся на диване и храпит, и это так раздражает, что я не могу связно писать. Слава богу, очухался (это вообще грамотно?) и собирается раскладывать пасьянс. Отцу явно нужно к дантисту. Может, напишешь ему и уговоришь?

По словам Джеральда, багаж Тоби так и не нашли. Джеральд и Джек провели здесь целый день. Джеральд все еще мучается с печенью – ему бы надо отдохнуть.

Дай знать, когда вы вернетесь. Вы сразу сюда поедете из Дувра или как? Здесь страшная жара и ни одного ветерка – совсем не похоже на Брайтон.

С любовью, Коза

30: Джорджу Дакворту

Четверг [26 апреля 1900] Сент-Обин, 9, Хоув [Сассекс]

Мой дорогой старый Чурбан,

я была очень удивлена, когда во вторник утром узнала, что уже вечером приедет Несса. Я-то была уверена, что увижу ее не раньше среды или четверга. Как ты можешь догадаться, я ужасно обрадовалась. Она, наверное, уже рассказала тебе обо всех своих приключениях. Какая же это удача – повстречать Гиббсов! Но отец пришел в ужас от того, что ты проводил ее аж до Кале. Сказал: «*Да что же за безумства он вечно вытворяет!*»

В общем, поездка выдалась чрезвычайно удачной. Выглядит Несса просто прекрасно; она до сих пор опьянена всем тем, что повидала и пережила. С самого ее приезда мы болтаем без умолку и все еще не наговорились. По ее словам, она чувствовала себя ребенком и на все смотрела по-детски. Похоже, картины засели у нее в голове – сплошь восторженные речи то о картинах, то о [неразборчиво], то о каком-то художнике, который ее невероятно заинтересовал. Все было очень интересно, особенно рассказы о еде! Попытки описать, на что это похоже, упираются в нехватку слов. Говорит, она больше никогда не сможет есть в обычном лондон-

ском заведении. И я теперь только рада, что она поехала. Похоже, все было просто идеально, даже погода.

Твои зонтики от солнца произвели фурор. Тетя Мэри была искренне довольна, а для Бу твой подарок пришелся как нельзя кстати. Тетя Мэри уже пыталась заставить ее воспользоваться старым черным зонтом, но Бу назвала его безобразным и наотрез отказалась. Она в восторге от мысли, что у нее теперь настоящий парижский зонт, не такой, как у всех. Мой зелено-белый просто прелесть, обожаю его. Я тут встретила на набережной старичка с точно таким же – чувствую, этот зонт как раз под стать моему характеру. Второй тоже очень элегантный, даже слишком.

Уверена, мы еще долго будем вспоминать и обсуждать Париж. Я и представить себе не могла, что ей так понравится. Видимо, ты все организовал с величайшей тщательностью, как умеешь, и я тебе невероятно благодарна.

Интересно, успеет ли это письмо дойти до тебя вовремя. Со вчерашнего дня у нас холодно, ветрено и мерзко.

С любовью, Коза

31: Эмме Воган

[17? июня 1900] Гайд-парк-гейт, 22

Моя любимая Жабшца,

Марни намекает, будто я взрастила в твоей душе одержимость, что меня чрезвычайно радует. Хотелось бы, чтобы эта одержимость, или что бы там ни было, подтолкнула тебя наконец написать мне. В нашей дружбе все первые шаги делала я, а это отнюдь не в моих принципах. Марни питает туманные надежды на письмо, но почта «возвращается, все возвращается и падает»¹⁴², а мне ничего не приходит. Хм. Угадай, кого я видела на прошлой неделе! Саму Маргарет [Мадж] Воган и старушку Сайм¹⁴³. Я как раз сидела после завтрака и ждала возвращения Нессы с верховой прогулки, когда к дому подъехал экипаж (самый что ни на есть!), из которого и вышли эти две поразительные особы. Мне пришлось развлекать их в одиночку целых десять минут, в горле стоял ком – уж лучше погибнуть в бою с лордом Метьюэном¹⁴⁴, чем снова пережить это! У меня едва хватило духу посмотреть в глаза Архи-Воганше, хотя она казалась очень счастливой и щебетала как сойка. У меня к тебе огромная претензия. Первое, что спросила Мадж, – слышала ли я о Уилле и Седберге (как это вообще пишется?)¹⁴⁵. Я ответила, что нет, и тогда она начала рассказывать о том, что ты и, видимо, твоя соучастница [Марни?] полгода скрывали эту тайну, как две наседки – кладку. Конечно, я тебя не виню – о нет, – но раз ты считаешь скрытность столь ценной добродетелью, попробую и я ее проявить. Так интересно, что... – тут я себя останавливаю.

Что ж, моя дорогая Жабушка, встречи с этим пресловутым семейством у меня участились. Вчера мы с Тоби и отцом (с субботы по понедельник Несса уехала к Норманам, которых вы с Марни знаете, по крайней мере ты видела младшего У. Нормана¹⁴⁶) пошли на садовую вечеринку к Эмме Уинкворт¹⁴⁷. Там мы встретили сестер Патер, очень странно одетых, прямо

¹⁴² Источник цитаты не найден.

¹⁴³ Джанет Кэтрин Саймондс (1837–1913) – жена писателя Джона Эддингтона Саймондса; мать Шарлотты Лиф, Мадж Воган и Кэтрин (позже Фурс).

¹⁴⁴ Пол Сэнфорд Метьюэн, 3-й барон (1845–1932) – английский военачальник, который в то время командовал Первой дивизией во Второй англо-бурской войне и был объектом едкой критики в Лондоне.

¹⁴⁵ Возможно, Уиллу Вогану предложили место в Седбергской школе в Йоркшире.

¹⁴⁶ Скорее всего, Рональд Коллет Норман (1873–1963) – банкир и политик.

¹⁴⁷ Некая миссис Эмма Уинкворт – дочь ланкаширского хлопкопрядильщика, владевшая большим домом на Камп-

как ангелы Боттичелли¹⁴⁸. Я разговаривала с Кларой, как вдруг ко мне направилась высокая дама средних лет, одетая в голубое, в компании какого-то мужчинки¹⁴⁹, похожего на бакалейщика. «*Господи, кто это?*» – подумала я, ведь эта дама явно собиралась пожать мне руку. Ну правда, я не сразу узнала в ней твою обожаемую Лотту! Она стала просто огромной. Такое телосложение я видела только у тех, кто нянчит младенцев – неужели все зашло так далеко?! Талия у нее чуть ли не под мышками, а ниже – сплошная масса. Честное слово. И лицо тоже изменилось, стало очень полное, с багровым оттенком. Это явно не к лучшему, и я бросаю вам с Марни вызов, как прихожанкам англиканской церкви: продолжайте твердить, что она красива. Даже ее глаза, прежде такие большие, печальные, загадочные, стали обычными, и за щеками их просто не видно. Печальное зрелище. К тому же она была молчалива, неподвижна, степенна, как дама среднего возраста, а от ее родства с великой и славной Мадж остался лишь голос. Кстати, Мадж сказала, что недавно разбирала гардероб Лотты, и все наряды там скучные, слишком чинные, а Лотта нынче считает, что раз она уже в возрасте, то надо носить только черное. Большая ошибка – я ей так и сказала. Представляешь эту фразу, сказанную голосом Мадж? С тех пор как я писала Марни, мы съездили в Кембридж на майскую неделю, и я впервые в жизни побывала на балу. Бал в Тринити, самый крупный. Мы приехали поздно, и веселье было уже в разгаре, а Тоби почти никого не знал, так что мы мало танцевали¹⁵⁰. Там были Флоренс и Бу, Алиса Поллок¹⁵¹, Хью Беллы¹⁵² (если знаешь их, которых в «М.А.Р.»¹⁵³ окрестили «самыми блестящими собеседницами Лондона»; Тоби они очень понравились, и он им тоже) и прочие миловидные юные особы такого же толка – никакой милой старомодной тихой чудесной Жабы, одни кокетки и шумные, как скворцы, болтушки. Внешне Бу меня слегка разочаровала. Флоренс сделала ей укладку якобы в римском стиле – гладко, низко на затылке и с толстой сеткой, натянутой спереди и сзади. Лицо у нее тусклое, а так быть не должно; к тому же она отказывалась танцевать с «ужасными студентами» в манере, напомнившей мне твою. В итоге мы с Флоренс и Бу почти все время сидели на трибуне, откуда было видно танцующих, и нас никто не беспокоил. Флоренс мне очень нравится. Она истинная наследница наших любимых французских бабушек и прабабушек¹⁵⁴. Монахиня (мисс Стивен) сказала, что своей манерой говорить Флоренс всегда напоминала ей тетю Джулию¹⁵⁵, а еще ее красота может вскружить голову.

Боже, какое длинное письмо! Но сейчас утро воскресенья, я одна в комнате, рядом нет дорогой Овчарки [Ванессы], с которой можно поговорить, и я не могу удержаться, так что ты моя конфиденстка. К слову об этом: как там твои швейцарские дела, приносят удовольствие? Почему, скажи на милость, вы оставили Италию (по словам Марни, навсегда) ради каких-то Альп? Ума не приложу. Подумать только, Жабушка, – оставить Италию! Тетя Мэри пишет, что после ссоры с Фанни Ноэль¹⁵⁶ Эмми переболела во Флоренции дизентерией. «*Моя дорогая Фанни*, – как сказала тетя М., – *отказалась ухаживать за Эммелин и вообще повела себя ужасно*». Впрочем, Эмми уже идет на поправку и живет у тетушки под Флоренцией. По правде

ден-Хилл в Лондоне, где развлекала своих друзей, среди которых были Лесли Стивен и его семья.

¹⁴⁸ Сандро Боттичелли (1445–1510) – выдающийся итальянский живописец.

¹⁴⁹ Уолтер Лиф (1852–1927) – английский банкир; выпускник Кембриджа, член общества «Апостолов». В 1894 году он женился на Шарлотте (Лотте) Мэри – второй дочери Джона Эддингтона Саймондса и сестре Мадж Воган.

¹⁵⁰ Тоби переехал из Клифтон-колледжа в Тринити-колледж Кембриджа только в октябре 1899 года.

¹⁵¹ Алиса Изабелла Поллок (1876–1953) – единственная дочь выдающегося юриста сэра Фредерика Поллока, первая жена Сидни Уотерлоу. Они развелись в 1912 году, и Алиса вышла замуж за Орландо Уильямса, клерка Палаты общин.

¹⁵² Имеются в виду дочери Томаса Хью Белла (1844–1931): Флоренс Эльза (1880–1971) и Мэри Кэтрин (1881–1976).

¹⁵³ Возможно, светская колонка «Mainly About People» какого-либо издания (например, «Morning Post»).

¹⁵⁴ Прапрабабка Вирджинии действительно была француженкой.

¹⁵⁵ Джулия Маргарет Камерон (1815–1879) – двоюродная бабушка ВВ, первопроходец-фотограф викторианской эпохи.

¹⁵⁶ Фрэнсис Гертруда Элис Ноэль (1864–1941) – дочь миссис МакАнелли от ее первого брака с Роденом Ноэлем.

говоря, я сочувствую Фанни. Возиться с Эмми – еще то испытание. Я уже сто лет не видела Аделину, да и с практикой у меня застой. Зато латынь постепенно сдается, как будто я перехитрила эту грубую тварь, а вот греческий – мой хлеб и воздух, источник наслаждения. Ради всего святого, подстегни Марни – пусть снова берется за греческий. Как-то глупо получается – вскарабкаться на вершину и тут же скатиться вниз, словно глупый булыжник. Мои метафоры страдают из-за колоколов Сент-Мэри-Эбботс, все утро зазывающих прихожан.

Сейчас уже утро понедельника (я переняла у Марни привычку писать письма, когда находит вдохновение – правда, у меня нет ее божественного дара бросать одну мысль на полуслове и хвататься за совершенно другую – ее последнее письмо точно лоскутное одеяло). Вчера у нас ужинали Салли Нортон¹⁵⁷ и профессор Нортон, ее отец. Мистер Нортон говорил со мной о греческом (по словам отца, он самый образованный и мудрый человек, а еще он приехал сюда как душеприказчик Рёскина¹⁵⁸; настоятельно советовал мне читать переводы Софокла¹⁵⁹ Эдварда Фицджеральда). Передай это Марни: по его словам, ничто так не передает дух Софокла, как эти переводы. Только что пришло письмо от Реции: она заглядывала к вам, но никого не застала. Тетя Мэри, кстати, пишет, что Эммелин и Реция подружились, и теперь надеется, что Реция приедет с Эмми в Англию и поживет [у Фишеров] на Второй авеню. Реция обещает приехать дней на десять.

Кошмарное письмо, но когда же ты, моя дорогая Жаба, вернешься и чем планируешь заниматься? Сент-Олбанс украшают, и теперь он весь в каких-то деревянных досках, взерошенный.

Напиши мне и заставь Марни тоже написать. Передавай ей привет.

Твоя любящая Коза

Сегодня утром пришло письмо от Марни. Огромное ей спасибо. Среда.

32: Эмме и Маргарет Воган

Понедельник, 6 августа [1900] Фритэм-хаус, Линдхерст [Хэмпшир]
осталась всего неделя!!!!!!!!!!!!

Дорогие зверушки и кузины,

я просто обязана послать вам слова приветствия и добрых пожеланий, раз уж вы наконец-то вернулись домой, во всяком случае я надеюсь на это; полагаю, вы отплыли сегодня (в понедельник), но, боже мой, какой тяжелый путь вам предстоит проделать завтра, если, конечно, здешний ветер имеет отношение к тому, который в Ла-Манше! Я всей душой сочувствую вам. Впрочем, когда вы прочтете это письмо, все беды уже останутся позади, вы переоденетесь, распакуете чемоданы и утонете в креслах предков. Завидую вам, имеющим возможность вернуться в Англию, посмотреть на все свежим взглядом и впитать это с удвоенной силой. Я теперь просто обожаю деревню, по крайней мере эту, и вы тоже скоро полюбите ее, мои дорогие кузины.

Дорогая Марни молчит о своем визите, который должен состояться вскоре после визита Жаб. Мы с замиранием сердца ждем ответа от... Клары [Патер]! Мы и правда пригласили ее погостить – вероятно, этот визит (если она приедет) частично совпадет с Жабьим!

---

¹⁵⁷ Сара (Салли) Нортон (1864–?) – дочь Сьюзен Ридли Сиджвик (1838–1872) и Чарльза Элиота Нортон (1827–1908), американского ученого и литератора, профессора истории искусств в Гарварде и друга Лесли Стивена с 1863 года.

¹⁵⁸ Джон Рёскин (1819–1900) – английский писатель, теоретик искусства, литературный критик и поэт.

¹⁵⁹ Софокл (около 496–406 до н.э.) – афинский драматург, трагик.

О господи, какие же разговоры ждут нас в спальнях и на садовых дорожках по вечерам, когда над лесом поднимается луна, а вдалеке сверкают огни Саутгемптона. Это место сделает поэтом даже кузнечика, и да, у всех нас порой случаются внезапные приступы сентиментальности.

У меня в полном распоряжении есть пони и приличная повозка. Остальные целыми днями ездят верхом или на велосипедах, а я одна катаюсь по лесам, вересковым пустошам и вообще куда угодно, но скоро буду не одна, а вместе с моей драгоценной рептилией. «*Ой, Коза-Коза, возьми бразды, телега с сеном едет!*» – помнишь это? О, дети мои, сколько же всего мы вспомним и какие истории расскажете мне вы! Почти шесть месяцев прошло, да? Я приеду на станцию встречать тебя, Рептилия, в любое время дня и ночи, когда бы ты ни прибыла, и нас ждет роскошный обратный путь длиной в десять миль [≈ 16 км]

А теперь ступайте, умойтесь, попейте чаю или что у вас там есть, а мне, увы, пора переодеваться к ужину. До встречи 13-го.

С нетерпением ждущая вас кузина, Иль Джотто

Окажите мне хоть какой-нибудь знак внимания – напишите милое письмо. Вот и Несса вернулась с долгой прогулки верхом. Она пила чай у наших соседей – мистера и миссис Уэстон [*неизвестные*]. Как ни странно, но миссис Уэстон, судя по всему, ваша родственница и хорошо знает вас обеих. Она урожденная Сент-Джон (правда ли это?) и внучатая племянница миссис Пэлл [*неизвестная*]. Она с интересом расспрашивала о вас. Как странно, правда? По словам Нессы, это еще и самая уродливая женщина, которую она когда-либо видела, что лишь подтверждает историю про Сент-Джонов. Это самый безобразный род на свете, и уродство их достигает апогея в некой святой Джоанне, чье имя останется безвестным (конечно, это все клевета – вы обе – ох... я изнываю от желания увидеть профиль Марни, как у чувственной Мадонны или на офортах Уистлера¹⁶⁰, и Жабу – наполовину нашу дорогую французскую прабабку, наполовину маленького бесенка).

33: Эмме Воган

27 сентября [1900] Гайд-парк-гейт, 22

Моя дорогая Жаба,

взгляни на этот драгоценный клочок бумаги – сегодня утром он упал мне под ноги, когда я перебирала ящик со всяким старьем. Бог его знает, где вторая половина, но уверена, ты по достоинству оценишь эту реликвию.

Господи, как же давно был Фритэм-хаус! Сейчас у меня нет времени на длинное письмо. Несса уехала к Китти в Данли [Вустершир] и пробудет там до субботы или до понедельника, так что я осталась одна, а ты могла бы и написать мне о своих рептильных делах. Мне так много всего хочется узнать, вот только новости доходят до меня по капле. Ну и что решила Марни? Джорджи считает, что Веймар [Германия] – лучший выбор во всех отношениях, но, боюсь, идея припозднилась, чтобы ее приняли в такой короткий срок. Но уж ты-то способна на такой шаг, ведь ты смелейшая из всех рептилий! Не передать словами, как я тобой восхищаюсь.

На днях мы виделись с Мадж и Уиллом: они проезжали мимо, зашли, и дом наполнился воплями и волнением, как от солнечного света по утрам (ну и сравнение!). Старушка Лотта тоже была с ними, степенная и как всегда рассеянная. Мы ведь и правда встретимся на Сассекс-плейс, б? Уверена, будем хохотать и шокируем Уолтера [Лифа] – боже, даже думать об этом весело!

---

¹⁶⁰ Джеймс Эббот Мак-Нейл Уистлер (1834–1903) – американский художник, мастер портретной живописи.

Не знаю, где ты сейчас, но раз Миллисент в Брайтоне (кажется), полагаю, ты у Августы, или, по крайней мере, она пересылает тебе почту. Кстати, ты в курсе, что Уорбойс сгорел почти дотла? Шестнадцать коттеджей, пивоварня и велосипедная мастерская (помнишь Ингла Пигготта?). Боюсь, бедная старушка мисс Нобл¹⁶¹ тоже сгорела, а ведь она только что открыла молочную ферму и завела коров со свиньями. Я написала ей, чтобы узнать новости, но пока тишина. Бедная старушенция!

А теперь мне действительно пора умыться и переодеться к ужину. Боже, придется сидеть во главе стола!

Обними за меня дорогую Марни. Надо бы почаще встречаться в Лондоне. Надолго вы здесь?

Спроси у Джона [Ишема], помнит ли он меня, и передай, что я жажду битвы подушками. Передавай привет Августе.

С любовью, Коза

Я сперва указала посредника, но из-за твоих причуд придется взять другой конверт. Ох уж этот твой аристократический Сент-Джон¹⁶² – еще один испорчен, придется взять третий!

34: Эмме Воган

Вторник, 23 октября [1900] Гайд-парк-гейт, 22

Моя дорогая Рептилия,

к этому времени ты, наверное, уже устроилась, хотя мы не получали от тебя никаких вестей с тех пор, как Марни написала о вашем авантюрном путешествии [в Германию]. Мне бы ужасно хотелось, чтобы в этой истории обнаружился какой-нибудь иностранный граф, и я до сих пор уверена, что он есть, просто благоразумная Марни опустила эту деталь. Как ты знаешь, дорогая Марни перебралась в Брайтон, так что новости от Воганов практически иссякли. Однако я надеюсь, что она скоро найдет себе жилье, и тогда мы станем соседями. На Канинг-плейс сдается дом – ты все еще считаешь, что это не вариант?

Наши единственные новости касаются свадьбы Саймондсов – это была самая комичная свадьба, на которой мне доводилось бывать, мне все еще с трудом верится, что они поженились взаправду. Все происходило в 11 утра, самый холодный и унылый из всех часов, да и сам день был серый, тоскливый. Гостей пришло мало, если не считать мрачных родственников Саймондсов. Впрочем, Кэтрин¹⁶³ сияла как солнце, смеялась, болтала с подружками невесты перед церемонией, а на пути к алтарю умудрялась кивать присутствующим. Я еще не видела такой спокойной и довольной невесты. Увы, на ней был огромный белый воротник, торчащий пиками до самых ушей, да и в целом выглядела она не очень. Боюсь, это влияние Фурсов. Церемонию провели наспех, без всяких речей, и все закончилось в мгновение ока. Оба ответили [священнику] громко и сухо. Когда Кэтрин шла под руку с Чарльзом¹⁶⁴, у нее соскользнула фата, и тогда он, к восторгу собравшихся, остановился, взял булавку и приколот фату обратно. Орган играл танцевальную музыку, что, кстати, прекрасно подошло этой необычной свадьбе.

¹⁶¹ Согласно дневнику, миссис Нобл – «пекариша с характером» (см. ВВ-Д-0, 9 августа 1899 г.). Ингл Пигготт – неизвестный.

¹⁶² По-видимому, Вирджиния написала «Эмме Сент-Джон Воган», что могло внести путаницу. Что касается первого конверта, то она использовала сокращение «с/о» (сокр. от «safe of») – его указывали, когда отправляли письма не по постоянному адресу, а через посредника (например, «Эмме Воган с/о Августа Крофт» означало, что письмо нужно доставить Эмме Воган, через Августу Крофт, которая будет ответственно за пересылку).

¹⁶³ Кэтрин Фурс (1875–1952) – младшая дочь Джона Эддингтона Саймондса и сестра Мадж Воган, которую в свое время боготворила ВВ. 16 октября Кэтрин вышла замуж за Чарльза Фурса.

¹⁶⁴ Чарльз Веллингтон Фурс (1868–1904) – художник, муж Кэтрин Фурс. В 1904 году он умер от туберкулеза.

Затем мы отправились в отель, где ели мороженое (представь только – в полдень октябрьского утра!) и сэндвичи с огурцом. Старушка Сайм оказалась на редкость оживленной и любезной: думаю, мысль о «последней выданной замуж дочери» грела ей душу. Кэтрин напоминала великолепную обнаженную статую с венком а-ля Данте¹⁶⁵ и монументальным видом. Чарльз был как рыба в воде и все время болтал, но, боже мой, какие жуткие эти женщины Фурс! Представь себе женское воплощение Чарльза, с его повадками и внешностью. Мадж и Лотта плыли по залу, Лотта была в темно-бордовом бархате, который очень идет ее величавой фигуре. Ее нос, кстати, утратил нежную розовую дымку (как на закате над Монбланом), которая так нравилась вам с Марни. Подружки невесты, бедняжки, замерзли, и лишь одна из них [Несса] была красавицей – ее красоты, как ты понимаешь, хватило бы на всех, и еще осталось бы. Мадж подарила мне фиалки из своего букета, а Кэтрин – веточку не пойми чего. Думаю, ты захочешь пополнить ими свой гербарий, хотя, боюсь, мое последнее подношение было встречено презрением.

Пожалуй, хватит пока о Саймондсах. Уилл и Мадж выглядели великолепно; Уилл показывал всем фотографии младенца¹⁶⁶. Будет неплохо, если у Фурсов все сложится так же, как у этой пары. Я ничего не знаю о твоих делах, и на ум не приходит ни одного вопроса, но ты должна ответить так, будто я их все задала. Надеюсь, ты уже справились с первыми муками одиночества, моя бедная странная валлийская Жабушка! Знаю, со временем ты полюбишь Дрезден, начнешь им восторгаться и непременно встретишь какого-нибудь идеального дрезденца.

Овчарка [Ванесса] и Джорджи уехали на воскресенье к Крейг Селларам¹⁶⁷, если ты знаешь таких. Я нет, но миссис Крейг Селлар – прелестная пожилая дама, которая потеряла мужа и ни о чем другом думать не может, что добавляет ей шарма. У них есть две мисс Селлар и некий У. Селлар¹⁶⁸ – все чудесные и музыкально одаренные, по словам Джека. Сегодня днем я иду на концерт в Квинс-холл с мисс Сноуден¹⁶⁹, она учится в Академии и довольно забавная особа. Но все же я скучаю по другой особе, чье имя останется неназванным.

На днях у нас засиделась Аделина: она обсуждала твой характер и говорила такие вещи, которые ты, уверена, постесняешься услышать. А сама ты что думаешь о пополнении семейства? Мы заметили некоторые призраки [беременности], но не уверены. Жаль, если все напрасно: она бесцельно носится с этим здоровяком Ральфом, который продолжает писать неизданные шедевры и еще больше отращивать волосы.

Тотти Патер¹⁷⁰ до сих пор болеет, но идет на поправку. Завтра у меня первое занятие с мисс Патер – бедняжка выглядит истощенной и бледной. Разве это не трогательно: две женщины стареют вместе, и одна из них вот-вот уйдет, оставив другую. Они кажутся ужасно одинокими – ни друзей, ни родных. У Анжелы Джеймс¹⁷¹ вот-вот родится малыш, как и у Маргарет Филлимор¹⁷², а Хелен [?], слава богу, уже родила.

¹⁶⁵ Данте Алигьери (1265–1321) – итальянский поэт, мыслитель, богослов, один из основоположников литературного итальянского языка, автор «Божественной комедии». Имеется в виду лавровый венок на его самом известном портрете.

¹⁶⁶ Джанет Мария Воган (1899–1993) – дочь Мадж и Уилла.

¹⁶⁷ Вероятно, Александр Крейг Селлар (1835–1890) – шотландский юрист и политик Либеральной партии. В 1870 году он женился на некой Гертруде Смит (биографические сведения не найдены).

¹⁶⁸ Вероятно, Уильям Янг Селлар (1825–1890) – шотландский антиковед, профессор гуманитарных наук в Эдинбургском университете; брат Александра. «Две мисс Селлар» не идентифицированы.

¹⁶⁹ Маргарет (Марджери) Кемплей Сноуден (1878–1965) – дочь йоркширского викария. Она училась в Королевской Академии художеств вместе с Ванессой и осталась ее подругой.

¹⁷⁰ Сестра Уолтера Патера, биографические сведения не найдены.

¹⁷¹ Анжела Мэри Кей-Шаттлворт (1872–1967) – дочь сэра 1-го барона Шаттлворта; жена капитана Бернарда Джеймса.

¹⁷² Маргарет Бланш Хиллз, урожденная Филлимор (?–1904), – вторая дочь сэра Уолтера Филлимора (1845–1924), судьи, и Агнес, дочери Чарльза М. Лашингтона, члена парламента; первая жена Юстаса Хиллза. Филлиморы жили в Кенсингтоне по адресу Итон-плейс, 85. Маргарет погибла в 1904 году, когда ее велосипед столкнулся с автобусом.

Стоит чудесный холодный октябрь: листья облетают, туманы и закаты дивные. Разве ты не скучаешь по Лондону, по собору Святого Павла? И разве иностранный город не кажется тебе теперь слишком чистым и отнюдь не романтическим местом?

А теперь, моя дорогая Жаба... Только что вошла швейцарка-горничная [Полин], чтобы разложить одежду; она сводит меня с ума своими скрипучими башмаками – наверное, их слышно даже в Дрездене.

В общем, я прощаюсь. Ты должна ответить мне, а Овчарка напишет тебе на следующей неделе – так мы и будем соблюдать наш уговор.

С любовью, Коза

Надеюсь, ты еще не слышала сенсационной новости: милая старушка Милдред Массингберд¹⁷³ обручилась с майором Леонардом Дарвином¹⁷⁴ – 50-летним вдовцом, чья жена умерла два года назад!!! Они безумно счастливы и собираются пожениться в Ганби [Линкольншир] в конце этого или в начале следующего месяца.

Это письмо пролежало под стопкой бумаг на письменном столе Нессы до сегодняшнего дня, 11 ноября, когда любимая Марни пришла к нам на ужин и забрала его с собой – не так уж ты и бесчестна, как я думала. Ответь поскорее.

35: Эмме Воган

23 апреля [1901] Гайд-парк-гейт, 22

Это не следы от грязных пальцев!

Моя дорогая Жаба,

неужели мы поссорились? Впрочем, для ссоры нужны двое, а я никогда в жизни не испытывала такой дружелюбности ко всему семейству рептилий. Почему же мы совсем не пишем друг другу? Я хочу написать, Овчарка [Ванесса] тоже хочет, но письма все не пишутся, а дрезденского штемпеля я не видела уже шесть долгих месяцев. Это напоминает мне игру, в которую мы играли во Фритэме: «*Тишина на свином рынке. Кто первым заговорит – тот старая свинья*». Да, я старая свинья и всегда ею была, если помнишь, поэтому напиши мне и обзови так, если хочешь.

Ах, моя дорогая Жаба, один из минусов редких писем в том, что очень трудно начать, когда наконец садишься писать. Знаешь ли ты, что мы провели две недели в Лайм-Реджисе [Дорсет]? А что Овчарка собирается поступать в [Королевскую] Академию в июле? Ты вообще что-нибудь знаешь о наших подвижках или решила, что все мы погибли и покоимся на дне морском? Иногда Марни забегают на чашку чая, когда бывает в Лондоне, вернее, в Хокстоне, и тогда мы получаем порцию сплетен о тебе.

Уилл сказал, что ты начала уставать от Дрездена, но говорил неуверенно. Мадж сказала: «*Эмма мне не пишет. О ней ничего не слышно, разве что от Марни*». У них все хорошо и даже лучше; Мадж никогда не приходит без Уилла, а он – без нее. Старушка Сайм всегда маячит на заднем плане, внушительная, даже слишком внушительная для своего орлиного носа и трагического вида. Она стала мягче, напоминает бабулю и теперь, кажется, смотрит на жизнь чело-

---

¹⁷³ Шарлотта Милдред Массингберд (1868–1940) – подруга семьи Стивен. Она жила в доме 42 на Кенсингтон-сквер и, таким образом, была соседкой Лашингтонов. После преждевременной смерти матери сестры Лашингтон ухаживали за отцом в доме 36 на той же улице. Между ними и сестрами Массингберд (Милдред, Мэри и Дианой) завязалась тесная дружба, во многом основанная на любви к музыке.

¹⁷⁴ Леонард Дарвин (1850–1943) – четвертый сын Чарльза Дарвина; политик, экономист. В 1898 году его первая жена умерла, и 29 ноября 1900 года он женился на своей двоюродной сестре Милдред Массингберд.

веческим взглядом, а не хищническим. Она обожает Уилла; Уолтер ее утомляет, а дети Лотты якобы так скучны, что она не собирается их навещать. Подозреваю также, что божественная Лотта, «самая красивая женщина в Лондоне», уже не вполне соответствует стандартам Саймондсов: уж слишком она стала похожа на представительницу местного самоуправления. Уолтер, скорее всего, станет Уолтером Лифом, членом парламента. Славный человек! Кэтрин и Чарльз [Фурс] только что вернулись в Лондон. Несса встретила Чарльза в Новой галерее – он пригласил ее погостить у них в новом доме, и она согласилась.

Ох, рептилия, мне интересно, чем живешь ты, что собираешься делать, о чем думаешь целыми днями?! Мой старый рояль, должно быть, совсем расстроен, но ты ведь помнишь, что он и раньше был склонен к этому, а теперь на нем и вовсе не играют.

Два дня назад сюда внезапно нагрянула тетя Мэри. Новости трагичны. Казалось, несколько недель подряд Герви шел на поправку, а потом ему внезапно стало плохо, как никогда, – настолько, что доктор Бранфут настоял на том, чтобы отправить его в приют. Герви перевезли в Лондон, и теперь он в Бедламе. Но только это было улажено, как пришло известие, что Артур прибывает в Саутгемптон инвалидом; Фишеры поехали забирать его, но встретили врача, и тот сказал им, что к пациенту нельзя: мол, он в каюте с солнечным ударом. Артура отвезли в госпиталь Нетли, где он пробудет месяц или даже шесть недель, и еще сколько-то времени уйдет на полное выздоровление; у него три солнечных удара подряд. Боже, я звучу совсем как кузина Мия! Воистину Фишеры – герои древнегреческой трагедии! Бедняжка тетя Мэри выглядела изможденной; все это время она отказывалась отправлять Герви в лечебницу – полагаю, именно ей будет не хватать его больше всего, но если честно, то так, наверное, даже лучше, что он подальше от них всех. Думаю, содержание в Бедламе стоит недорого.

Единственная стоящая вещь в этом мире – музыка. Музыка, книги и пара картин. Я собираюсь основать колонию, где не будет браков, разве что кто-нибудь влюбится в симфонию Бетховена¹⁷⁵, а в остальном – ничего человеческого, если только оно не связано с искусством; идеальный покой и бесконечное созерцание. Мир людей стал слишком запутанным; удивительно даже, что все мы еще не в сумасшедшем доме. В безумии есть своя логика – может, оно и есть настоящее здравомыслие? А мы, грустные трезвомыслящие граждане, лишь непрерывно бредим и заслуживаем пожизненного заточения. В эту жару моя весенняя меланхолия перерастает в летнее безумие.

С тех пор как умерла королева [22 января], мы почти никуда не выходим, разве что на очень спокойные приемы. Тем не менее мы купили платья у миссис Янг, и они требуют выхода в свет. Помнишь о званом ужине в твою честь, дорогая Жаба? Ты увидишь их там. Обязательно напиши, и пусть твое письмо будет длинным. У меня к тебе безмерная привязанность и восхищение.

Прощай, дорогая Жаба – чудесная, прелестная одаренная Жаба!

36: Тоби Стивену

Среда [июль 1901] Гайд-парк-гейт, 22

Мой дорогой Тоби,

в твоей комнате счета не оказалось, но посредством блистательной догадки – наполовину воображения, наполовину трезвой логики – я решила, что найду его на письменном столе в гостиной, где, собственно, счет и лежал. И вот он здесь. Передай мой пламенный привет вязовым хвостаткам. Таким образом, мы (то есть ты) выполнили годовой план. Я очень рада, что тебе попались именно эти особи, потому что наши обычные хвостатки довольно жалкие, а меня

¹⁷⁵ Людвиг ван Бетховен (1770–1827) – немецкий композитор, пианист и дирижер.

этот вид всегда привлекал. Где и как ты его поймал? Впрочем, я все равно узнаю, когда мы встретимся во Фритэме. Если сегодня вечером приедет Джек, я ему расскажу.

Я и сама хотела тебе написать. Отец все время повторяет: «*Надо обсудить, что он будет читать во Фритэме*». Я сказала ему, что ты обещал помочь мне с парочкой греческих трагедий, кажется, Софокла. Отец хочет взять в библиотеке Софокла в редакции Джебба¹⁷⁶, но это семь томов. Так что он просит тебя прислать пару строк с бесценным советом: какие лучше взять? Я уже прочла «Антигону» и «Эдипа в Колоне», а сейчас читаю «Трахинянок». Мне бы хотелось перечитать «Антигону», а все остальное – на твой выбор. С гордостью замечая, что мне и правда нравится Софокл, не просто нравится – я им восхищаюсь. Поэтому, быть может, и для Шекспира¹⁷⁷ не все потеряно.

В Лондоне все жарче и суше – я мечтаю о Фритэме, своем своенравном пони и тщательно отобранной стопке книг. Чувствую, в голове завелся книжный червь – так и тянет зачитаться до посинения. В Лондоне я не прочла ни строчки, то есть ни одной, которая бы мне понравилась. Читала только греческие истории и немецкие романы, и я даже не знаю, что хуже.

Сейчас идут вступительные экзамены [в Королевскую Академию художеств]. Насколько мы знаем, все идет хорошо: остальные абитуриенты довольно слабые, а у нее [Ванессы] и натурщик хороший, и место отличное, так что, если в комиссии будет художник или хотя бы порядочный джентльмен, поступление гарантировано. Если честно, мне кажется, все и так очевидно. Желающих мало, и они примут почти любого. Наверное, мы узнаем результаты в день отъезда в Нью-Форест.

С любовью, Коза

Только что получила трагическое письмо от мисс Нобл [из Уорбойс]. Ее лошадь сильно покалечилась, и ее пришлось пристрелить, а корова умерла. Пишет, что хотела бы увидеться с тобой, «*когда немного оправится от своего великого горя*».

37: Эмме Воган

8 августа [1901] Фритэм-хаус [Линдхерст, Хэмпшир]

Дорогая Жабца,

как долго ты еще собираешься жить в Швейцарии? И глазом моргнуть не успеешь, как станешь швейцарской подданной, если не будешь внимательна. Ты, кстати, говоришь по-французски или по-немецки? А траур по императрице Фридриха¹⁷⁸ носишь? Просвети меня по всем этим вопросам завтра, когда достанешь самый большой лист серой бумаги и самое прочное перо (хотя ты ведь пером не пишешь), чтобы ответить мне. Что ты вообще нашла в Швейцарии? Ради всего святого, только не лезь в горы. В каждой газете сейчас какая-нибудь трагедия на Маттерхорне. Ты, случаем, не рядом? Для меня географическая карта – чистый лист. Ты спрашивала про наш лондонский сезон – так вот, он выдался на редкость скучным. Я была всего на трех балах и больше, кажется, нигде. Если честно, каждый из нас частенько повторяет друг другу, что мы – неудачницы. Ну правда, блистать в обществе мы явно не умеем. Я даже не знаю, как это делается. Мы не пользуемся популярностью, а просто сидим в углу, безмолвные и мрачные, словно ждем похорон. Впрочем, в этой жизни есть вещи и поважнее. Судя по всему, меня и звать-то на танцы больше не будут, и это как раз одна из причин, почему я туда так

¹⁷⁶ Сэр Ричард Клэйверхауз Джебб (1841–1905) – английский филолог-антиковед, переводчик и политик, чьей главной работой было издание трудов Софокла.

¹⁷⁷ Уильям Шекспир (1564–1616) – величайший поэт Англии и один из лучших драматургов мира.

¹⁷⁸ Виктория Аделаида Мария Луиза Великобританская (1840–1901) – принцесса, старшая дочь королевы Виктории; супруга Фридриха III, короля Пруссии и императора Германии; мать кайзера Вильгельма II.

стремлюсь. Именно так я и говорю Доротее, а она вспыхивает, словно закат над Монбланом (ты, кстати, видишь Монблан из окна? Если да, можешь опровергнуть мое сравнение) и отвечает: «Замолчи!» Перед нашим отъездом произошло кое-что совершенно неожиданное: мы ходили на чай к тете Вирджинии¹⁷⁹. Но до этого было нечто еще более неожиданное: как-то вечером мы устроили небольшой званый ужин, на который пришла Би Камерон¹⁸⁰, а, когда мы спустились в столовую, на диване у открытого окна живописно восседала большая фигура в белом. Это была тетя Вирджиния! Тогда-то она и пригласила нас на чай. Она много говорила о тебе, дорогая Жаба, восхищалась твоей решимостью поехать в Дрезден и хотела знать все, но ты так давно не писала, что рассказать толком было нечего. Впрочем, как видишь, ты удостоилась комплимента, в который, конечно, вряд ли поверишь. Я так и не смогла разглядеть в тетушке В. пресловутой красоты или обаяния. Обаяние, между прочим, могло бы и сохраниться, а вот красота, конечно, почти вся исчезла. Кроме прекрасных глаз – они действительно красивы – и восторженных восклицаний, громкого шепота и французских манер, все остальное в ней меня, пожалуй, разочаровало. Хотя, возможно, это просто был не ее день. Джорджи встретил Кей-Шаттлвортов¹⁸¹ вскоре после их возвращения из Мюррена [Швейцария]. Они были в полном восторге от вас обеих. «*Такие милые и хорошенькие – они скрасили наше пребывание, а без них оно бы не было и вполнину столь же приятным*». Подумать только, дорогая Жаба! Какая, должно быть, это привилегия для тебя!

Сейчас мы по уши в лондонском обществе, правда, к счастью, отделены от него несколькими милями леса. Люльф Стэнли¹⁸², Ричард Стрэйчи¹⁸³, Фрешфилды – все обитают поблизости и время от времени зовут на чаепития. Про сам лес и вид из окна (вид из твоей комнаты) ничего не скажу. Помню, как мы везли тебя по самой красивой на свете лесной дороге, а ты сказала: «*Фу, Коза, воняет как в рыбной лавке!*» Интересно, что сейчас чует этот больной нос в Швейцарии – полагаю, нектар и божественную амброзию? Хотя для меня, если честно, запах жареной рыбы весьма приятен. Ужасно длинное письмо, не правда ли? А почерк не то судорожный, не то пьяный, но у меня стальное перо, а оно как ржавый гвоздь. Как там милая Марни и ее нога? А ты сама как? Напиши длинное содержательное письмо.

С любовью, Коза

Интересно, сможет ли кто-нибудь доказать, какое из этих двух писем было написано первым! [*другое письмо не сохранилось*]

38: Тоби Стивену

[Октябрь? 1901] Гайд-парк-гейт, 22

Мой дорогой Тоби,

не знаю, придумала я это или ты действительно упоминал, что не прочь завести котенка в общежитии. В любом случае, если захочешь, я могу прислать тебе в корзинке одного миленького черного котенка с признаками благородного происхождения и с очаровательным характером.

¹⁷⁹ Вирджиния, графиня Сомерс, урожденная Пэтгл (1827–1910), – двоюродная бабушка ВВ, тетя Джулии Стивен.

¹⁸⁰ Кэролайн Беатриса Камерон (?–?) – дочь Юджина, сына Джулии Маргарет Камерон.

¹⁸¹ Сэр Утред (1844–1939) и леди (?–1924) Кей-Шаттлворт жили по адресу Принц-гарденс, 28. У них было шестеро детей: два сына, Лоуренс (1887–1917) и Эдвард (1890–1917) – оба погибли на войне, о чем ВВ позже упоминает (см. ВВ-Д-I, 9 октября 1917 г.), – и четыре дочери, Анжела (1872–1967), Нина (1879–1948), Рэйчел (1886–1967) и Кэтрин (1894–1963). Скорее всего, Вирджиния имеет в виду Анжелу и ее мужа.

¹⁸² Эдвард Люльф Стэнли, 4-й барон Стэнли из Олдерли и 3-й барон Эддисбери (1839–1925) – английский пэр.

¹⁸³ Сэр Ричард Стрэйчи (1817–1908) – английский военный и госслужащий Индии; отец Литтона.

ром (вроде моего!). Мне его предложила мисс Пауэр¹⁸⁴, но моя комната, похоже, не подойдет, потому что ему нужно выходить на улицу, а у тебя он, наверное, сможет гулять. Хотя, боюсь, в Кембридже ты и сам без всей этой мороки с пересылкой легко раздобудешь себе котенка, если захочешь. Только дай, пожалуйста, знать, как получишь это письмо.

Твоя Коза

39: Тоби Стивену

5 ноября [1901] [Гайд-парк-гейт, 22]

*Мой дорогой Грим*¹⁸⁵,

сегодня утром отец получил письмо: вручение степени [почетного доктора литературы Оксфордского университета] перенесено на 26 ноября, и он хотел дать тебе знать, ведь ты говорил, что собираешься приехать. Нам поступило сразу два приглашения переночевать в двух разных местах, но я даже не знаю... Оксфорд, как ты понимаешь, заставил бы меня покинуть свою удобную берлогу, если на это хоть что-то способно, однако мои звериные удобства (сегодня утром игравшие важную роль при чтении Платона¹⁸⁶) одержали верх. На самом деле я пишу, чтобы покаяться в своих *козлизмах*¹⁸⁷, которые я изрыгала во Фритэме и в других местах, разглагольствуя о великом английском писателе, величайшем из всех. Я читала Марло¹⁸⁸ и была настолько поражена – гораздо сильнее, чем ожидала, – что решила перечитать «Цимбелина», просто чтобы понять, нет ли в великом Уильяме [Шекспире] чего-то такого, что я упустила. И была совершенно ошеломлена! По-настоящему и всерьез я теперь сама примкнула к его поклонникам, хотя все еще ощущаю некую тяжесть от его... величия, полагаю. Когда мы увидимся, мне понадобится твоя лекция, чтобы кое-что прояснить в пьесе касательно персонажей. Почему они так не похожи на людей? Имогена, Постум, Цимбелин – я их не понимаю. Это мне, как женщине, сложно понять возвышенное? Но в плане человечности они будто выструганы из дерева. Хотя речь их, конечно, божественна. В этой пьесе я нашла лучшие строки – полагаю, лучшие среди всех пьес.

Имогена говорит: «*Представь, что мы с тобой на холме, и вновь толкни меня*». А Постум отвечает: «*Пока я жив – как плод на дереве, держись на мне*»¹⁸⁹. Если у тебя от этого не побегал мороз по коже – даже если прямо сейчас ты жуешь холодную дичь, запивая кофе, – ты не настоящий шекспировед. Ну вот, только я настроилась обсудить все это, как ты, вон, уехал в Кембридж. Завтра вернусь к Бену Джонсону¹⁹⁰, но он мне не так по вкусу, как Марло. Я читала «Доктора Фауста» и «Эдуарда II» – они, на мой взгляд, очень близки к произведениям величайшего писателя, только человечнее и не такие грандиозно трагичны. Конечно, второстепенные персонажи Шекспира человечны, но остальные сверхчеловечны – да, именно так. Объясни мне это, а еще то, почему у него такие странные и нелепые сюжеты. У Марло они слабее, как и сам текст, зато есть ошеломительные (словечко Стрэйчи¹⁹¹) строки, речи и целые

¹⁸⁴ Мисс Пауэр учила Вирджинию переплетному делу.

¹⁸⁵ В оригинале использовано слово «Grim» (в пер. грозный, мрачный), но неизвестно, отсылка ли это к характеру Тоби.

¹⁸⁶ Платон (около 427–347 до н.э.) – афинский философ Древней Греции, основатель платонической школы мысли и первого высшего учебного заведения в западном мире.

¹⁸⁷ По-видимому, гадости («goatisms»), которые Вирджиния (Коза) говорила о Шекспире раньше.

¹⁸⁸ Кристофер Марло (1564–1593) – английский поэт, переводчик и драматург-трагик елизаветинской эпохи, наиболее выдающийся из предшественников Шекспира.

¹⁸⁹ См. Уильям Шекспир, «Цимбелин», акт V, сцена 5 (в пер. П.В. Мелковой).

¹⁹⁰ Бенджамин Джонсон (1572–1637) – английский поэт, драматург и теоретик драмы.

¹⁹¹ В 1901 году, несмотря на уже состоявшееся личное знакомство, Литтон оставался для Вирджинии всего лишь сокурсником и другом Тоби, поэтому, возможно, речь идет о сэре Эдуарде Стрэйчи (1812–1901), известном своими работами по истории литературы.

сцены. Например, когда умирает Эдуард или когда Кента ведут на казнь и маленький король препятствует этому, а мать пытается отвлечь его и зовет на охоту в парк, а он спрашивает: «И дядя с нами на охоту едет?»¹⁹² Вот это действительно трогает! «Совсем уж выжила из ума!» – подумаешь ты, но я была просто обязана написать об этом тебе.

Пишу еще более бессвязно и неразборчиво, чем обычно, потому что лет триста-четыре-ста назад один несчастный итальянец¹⁹³ попытался взорвать здание парламента! И мы, англичане, сейчас как раз празднуем этот день. Все бы ничего, если бы дети в закоулке (видишь, как я пишу!), в переулке напротив, не сочли необходимым участвовать в празднестве со своими ужасными хлопушками, кострами, воплями и улюлюканьем – наверное, это уже лишнее. Вчера вечером вернулся Джорджи, а его багаж, состоящий из турецких ковров, розового варенья из султанских запасов, восточных вышивок и мешков с неограниченными драгоценными камнями и прочих диковинок, сейчас с грохотом таскают через весь дом.

Ты ездил к мисс Нобл [из Уорбойс]?

Твоя Коза

---

¹⁹² См. Кристофер Марло, «Эдуард II», акт V, сцена 4 (в пер. А.Д. Радловой).

¹⁹³ Гай Фокс (1570–1606) – английский дворянин, знаменитый участник Порохового заговора против короля Якова I в 1605 году. Провал этого заговора ежегодно отмечается в Великобритании как Ночь Гая Фокса (5 ноября), когда соломенное чучело Фокса традиционно сжигается на костре. ВВ называет его итальянцем, потому что он был католиком.

40: Тоби Стивену

29 января [1902] Гайд-парк-гейт, 22

Мой дорогой Тоби,

твоя книга пришла и привела меня в восторг. Думаю, эти небольшие эпиграммы я больше всего и ценю в греческой поэзии, как и положено женскому уму, согласно моей теории. Да и Маккейл¹⁹⁴ оказался не таким уж вычурным, как я думала, а некоторые эпиграммы, вернее большинство мне известных, просто божественны. Я перечитываю их снова и снова [*текст утрачен*] ради звучания, даже когда не понимаю [*текст утрачен*]... Ничто, по-моему, не передает греческий дух и... [*текст утрачен*] телесность лучше, чем они. Я [*текст утрачен*] их в свое удовольствие, особенно приятно читать с комментариями внизу страницы.

Тысяча благодарностей, как говорят старушки. Это настоящее сокровище для моей библиотеки.

Твоя Коза

41: Генри Ньюболту

[Январь 1902?] Гайд-парк-гейт, 22

*Дорогой мистер Ньюболт*¹⁹⁵,

это очень любезно с вашей стороны – прислать мне открытку с коротким стихотворением. Оно доставило мне огромное удовольствие. В воскресенье я провела целый день в доме, где единственной книгой был ваш сборник «Адмиралы все», а по возвращении обнаружила вашу открытку. Отец репетирует «Барабан Дрейка» к среде.

Огромное вам спасибо.

С искренним уважением,

Вирджиния Стивен

В течение следующих двух лет Лесли Стивен умирал, и Вирджиния описывала его медленное угасание главным образом в письмах к своей новой близкой подруге – Вайолет Дикинсон¹⁹⁶. У отца Вирджинии был рак брюшной полости, но лишь со временем он признал, что его болезнь неизлечима, однако до этого перенес операцию и пережил не один кризис, любой из которых мог стать фатальным. Лесли продолжал работать почти до самой смерти, а дети, как обычно, проводили с ним летние каникулы в Линдхерсте (1902) и Солсбери (1903). Дом на Гайд-парк-гейт был полон встревоженных родственников и друзей, чье лицемерное отношение к смерти Лесли Стивена становилось для Вирджинии все более невыносимым. Тем не менее она могла с уверенностью сказать: «На самом деле мы самая веселая семья в Кенсингтоне». Пока Ванесса училась живописи, Вирджиния беспрестанно читала, упражнялась в писательстве, занималась переплетным делом, играла на пианоле и изучала греческий язык с

---

¹⁹⁴ Джон Уильям Маккейл (1859–1945) – английский литературовед и переводчик. На двадцатилетие Тоби подарил Вирджинии «Избранные эпиграммы из греческой антологии» под редакцией Маккейла.

¹⁹⁵ Сэр Генри Джон Ньюболт (1862–1938) – английский барристер, поэт, писатель и историк. Лесли Стивен восхищался упомяннутыми его и декламировал их своим дочерям во время прогулок по Кенсингтонским садам.

¹⁹⁶ Вайолет Дикинсон (1865–1948), родом из Сомерсета, как и Дакворты, была подругой Стеллы, а затем в течение многих лет являлась самой близкой подругой ВВ. Она не одобрила, когда в 1911 году Вирджиния поселилась со своими друзьями из «Блумсбери» в доме на Бранвик-сквер, 38, и с того момента их отношения стали более формальными.

Джанет Кейс¹⁹⁷. По настоянию Джорджа Дакворта обе сестры, Ванесса и Вирджиния, периодически посещали светские приемы для дебютанток, где чувствовали себя не в своей тарелке. Кембриджские друзья Тоби и Адриана еще не играли заметной роли в их жизни, и именно Вайолет Дикинсон, к которой Вирджиния испытывала сильную привязанность, получала от нее рукописи с просьбой дать отзыв, а также почти ежедневные сводки о состоянии отца. Близкими подругами Вирджинии в тот период оставались сестры Воган и Беатриса Тинн¹⁹⁸. Когда Лесли Стивен умер 22 февраля 1904 года, ей было всего двадцать два.

41а: Вайолет Дикинсон

[Начало 1902?] Гайд-парк-гейт, 22

Моя дорогая мисс Дикинсон,
я бы с удовольствием приехала к вам во вторник, если только узнаю ваш адрес.
Искренне ваша, Вирджиния Стивен

42: Вайолет Дикинсон

[Начало 1902?] Гайд-парк-гейт, 22

Моя дорогая мисс Дикинсон,
Несса говорит, что уже сообщила вам: я нашла дневник Скотта¹⁹⁹. Я имею в виду, что в «Жизни Скотта» [Локхарта] есть дневник о путешествии к маякам вдоль шотландского побережья, но не уверена, то ли это, о чем вы спрашивали.

Не думаю, что дневник издавался отдельно: он не очень длинный. Эта книга у меня в нескольких небольших томах. Прислать вам тот, в котором дневник? Если это не то, вы всегда сможете вернуть.

Искренне ваша, Вирджиния Стивен

43: Вайолет Дикинсон

[Апрель 1902] Хиндхед-Копс, Хаслмир [Суррей]

Моя дорогая Вайолет,
я бы с удовольствием навестила тебя в любое время, но можно я отвечу через день-другой? Отец плохо себя чувствует²⁰⁰, и местный врач настаивает, чтобы он показался специалисту, поэтому завтра мы едем в Лондон.

Боюсь, может понадобится операция; в понедельник буду знать больше и тогда напишу.

В любом случае на ужин я, наверное, не приду, а вот на чай – да; все четверо мужчин [Лесли, Джеральд, Тоби и Адриан] сейчас дома, так что мне нелегко отлучиться на вечер. (Видишь, какие у меня к тебе рассудительные письма!)

---

¹⁹⁷ Джанет Элизабет Кейс (1863–1937) – историк античности, преподавательница греческого языка и защитница прав женщин, пацифистка. С 1902 года Джанет в течение нескольких лет преподавала греческий язык Вирджинии и стала ее близкой подругой. В некрологе для «Times» ВВ позже опишет Джанет как «благородную Афицу, разрушившую традицию, согласно которой только мужчины могли играть в греческих пьесах».

¹⁹⁸ Леди Беатриса Тинн (1867–1941) – третья дочь 4-го маркиза Бата; сестра Кэтрин, леди Кромер.

¹⁹⁹ Вальтер Скотт (1771–1832) – шотландский прозаик, поэт, историк, адвокат.

²⁰⁰ Именно во время этого визита в Хиндхед-Копс (дом сэра Фредерика Поллока) у Лесли Стивена обнаружили рак.

Несса пишет мне длинные письма, и ей, похоже, там хорошо, хотя она делает вид, что недостойна Рима²⁰¹. Я велела ей взять красные розы и отправиться на протестантское кладбище. Там она нашла могилу Шелли²⁰² и была в полном восторге. Судя по всему, портрет [?] действительно красив, но я его еще не видела. Сейчас мы живем в псевдодеревенском коттедже: он весь белый, с декором в стиле Морриса²⁰³ и новой мебелью. Терпеть не могу этот вымученный художественный стиль – мне бы чего-нибудь безвкусного, зато честного. Судя по остаткам прежнего убранства в углах, раньше здесь был ранний викторианский стиль, но теперь они [хозяева] продали душу. Я уже две недели не общалась ни с одной образованной женщиной (только с кухаркой) и чувствую себя неготовой к гостиним – прошу принять это во внимание.

Надеюсь, мне удастся выбраться в один из указанных дней, но прямо сейчас я не знаю, как все повернется.

Искренне твоя, ВС

Почему нельзя на денек стать женами пэров и увидеть Кэти²⁰⁴ во всей ее красе²⁰⁵? Что с твоей коленкой? Похоже, ты никогда не бываешь полностью здоровой.

44: Вайолет Дикинсон

[Апрель? 1902] [Гайд-парк-гейт, 22]

Моя дорогая Вайолет,

я предложила твои непристойные книги двум мужчинам: один дал шиллинг, другой предложил девять и заплатил бы больше, будь у них получше переплет. Продавать второму или попробовать показать еще двум знакомым? Вдруг дадут больше, а вдруг нет?! Напиши поскорее: девятишиллинговый долго ждать не будет.

Если один оценил в девять раз выше другого, нет причин, почему кто-нибудь не дал бы еще в девять раз больше. Ты вообще собираешься снова приехать? Или тебе хватило одного раза?

Бумага отвратительная, перо еще хуже, но других, похоже, не осталось.

Если ты в Лондоне, непременно загляни. Если, конечно, ноги тебя донесут (в чем, я, как всегда, сомневаюсь).

Искренне твоя, ВС

45: Вайолет Дикинсон

[Апрель 1902] Гайд-парк-гейт, 22

Моя дорогая Вайолет,

операция все же будет, однако она проще, чем мы думали, и ее можно сделать здесь. Не знаю, когда именно, но точно не на этой неделе²⁰⁶. По-моему, отец сейчас чувствует себя

---

²⁰¹ Ванесса и Джордж Дакворт уехали в Рим и Флоренцию на три недели.

²⁰² Перси Биш Шелли (1792–1822) – английский писатель, поэт и эссеист.

²⁰³ Уильям Моррис (1834–1896) – художник, поэт, прозаик, переводчик, издатель, социалист, теоретик искусства.

²⁰⁴ Кэтрин (Кэти) Тинн, известная как леди Кромер (1865–1933), – вторая жена Ивлина Бэринга, 1-го графа Кромера, до 1907 года работавшего в Египте.

²⁰⁵ Коронация Эдуарда VII была назначена на 26 июня 1902 года, но из-за его болезни перенесена на 9 августа. Леди и лорд Кромер были приглашены.

²⁰⁶ Лесли Стивена прооперировали только в декабре.

отлично, и мысль об операции тревожит его куда меньше, чем я ожидала. Процедура несложная, но боюсь, что ему потом все равно придется быть очень осмотрительным.

Приеду в среду около 16:30, если только Несса вдруг не напишет, что вернется в это же время, но надеюсь, что нет²⁰⁷.

Искренне твоя, ВС

---

²⁰⁷ По причине нездоровья отца Ванесса и Джордж срочно возвращались из Флоренции.

46: Вайолет Дикинсон

[Апрель 1902] Гайд-парк-гейт, 22

Моя дорогая Вайолет,

Аллингем²⁰⁸ не сможет приехать сюда до вторника, так что провести операцию раньше не получится. Это ужасно неудобно, а Несса и Джорджи могли бы провести [в Италии] больше времени, как собирались. Они вернулись в хорошем настроении, хотя Флоренцию так толком и не увидели.

Искренне твоя, АВС

Я напишу, как все пройдет. Знаю, что тебе это небезразлично, но, если честно, волноваться из-за самой операции, думаю, не стоит. Пожалуйста, береги колени.

47: Тоби Стивену

[Май 1902] Гайд-парк-гейт, 22

Мой дорогой Тоби,

любая книга из этой серии, посвященной искусству, [Ванессе] подойдет. У нее уже есть тома о Фра Анжелико²⁰⁹, Рембрандте²¹⁰ и Боттичелли, а отец собирается подарить какую-то биографию сэра Джошуа²¹¹. Но я точно знаю: она хочет собрать как можно больше томов из этой серии, так что ей понравится любой.

Нет, жуков [мотыльков?] нигде нет, но боюсь, они просто проспали или, как сказала та женщина в Рингвуде о пони, «*отправились в дальний путь*».

У меня голова идет кругом от Сидни Ли²¹². Он приходил к нам по поводу Словаря – («*Как бы я хотел, чтоб он лежал на дне морском!*») – и визжал, как пойманная крыса.

Скоро увидимся. Нас уже пригласили и миссис Джордж²¹³, и Бесси Дарвин²¹⁴ – обе куда лучше Монахини, но от этого не легче.

С любовью, Коза

Какие книги ты хочешь переплести? Я вообще-то неплохая переплетчица.

48: Вайолет Дикинсон

[Начало августа 1902] Фритэм-хаус [Линдхерст, Хэмпшир]

Моя дорогая Вайолет,

боюсь, Несса чересчур обнадежила тебя и ты будешь очень разочарована, но тот человек еще не прислал фотографии; вполне возможно, я вышла на них неудачно, и, если честно, у меня надежд нет. Но если ты будешь очень добра, вконец избалуешь меня и во всем про-

---

²⁰⁸ Герберт Уильям Аллингем (1862–1904) – английский хирург, работавший при дворе короля Эдуарда VII и принца Уэльского (позднее короля Георга V).

²⁰⁹ Фра Беато Анжелико (1400–1455) – святой Католической церкви, итальянский художник эпохи Раннего Возрождения, доминиканский монах.

²¹⁰ Рембрандт Харменс ван Рейн (1606–1669) – голландский художник, мастер светотени, представитель золотого века голландской живописи.

²¹¹ Сэр Джошуа Рейнольдс (1723–1792) – художник-портретист, первый президент Королевской Академии художеств.

²¹² Сэр Сидни Ли (1859–1926) – английский биограф, писатель и критик. В 1883 году он стал помощником редактора (Лесли Стивена) Национального биографического словаря, а 1891 году – самостоятельным редактором издания.

²¹³ Марта Хаскинс, леди Дарвин (1861–1947) – американская светская львица и жена английского астронома Кембриджского университета, сэра Джорджа Говарда Дарвина (1845–1912) – второго сына Чарльза Дарвина. Дарвины, как и Монахиня (Кэролайн Стивен), жили в Кембридже.

²¹⁴ Энн Элизабет Дарвин (1847–1926) – шестой ребенок и четвертая дочь Чарльза Дарвина.

явишь нежность, тогда я отдам тебе один снимок, когда ты приедешь. (Фотографии принадлежат Джорджу.) Разве это не повод ждать встречи?

Жаль, что ты сейчас не здесь – впрочем, ты светская дама и, конечно, должна остаться в Лондоне на коронацию. Зато увидишь Адриана: он будет в аббатстве среди учеников Вестминстерской школы. А ты? С женами пэров, с Кэти? Если пойдешь, расскажешь потом, выглядела ли она как настоящая леди. Возможно, но ей нужно очеловечиться, а помочь некому, разве что тебе. Несса пригласила к нам Беатрису. Однажды мы у нее обедали, и Беатриса расхаживала по комнате в грязном белом фланелевом халате и огромных тапках, но об этом Несса тебе уже наверняка рассказала.

Чувствую, Кэти все дальше и дальше от нашего мира, и скоро она будет вне досягаемости для человеческой помощи. Но как богиня она и правда божественна.

Жаль, что ты не здесь (звучит правдоподобнее, когда повторяешь), но это место действительно соответствует моим представлениям о лучшем мире.

Начнем с того, что здесь практически не нужна одежда, а это, по-моему, огромный плюс в пользу рая, и мы делаем только то, что хотим. Несса и я вместе бродим по лесу в поисках лис. В прошлом году мы видели двух. Кстати, пони, который тебя повезет, все-таки понимает речь, но у него проблемы с моторикой: он внезапно останавливается и брыкается, если его стегать. Есть и другая лошадь, на которой ездит Несса, но мне не разрешают ее запрягать, если рядом нет мужчины, а я считаю это не вполне приличным (в таких вещах я очень чуткая). Кстати, эту бумагу достала Несса – отвратительная, правда? Половину слов не разобрать, а жаль.

Вот теперь я и правда жалею, что ты не здесь. Мы совсем одни. Нессу я, конечно, люблю, но ей со мной ужасно скучно (хотя она тоже ко мне привязана).

Искренне твоя, АВС

Отец весел и бодр. Доктор сказал, что он удивительно хорошо держится и состояние не ухудшается.

49: Вайолет Дикинсон

[20 сентября 1902] [Гайд-парк-гейт, 22]

Благословенная старушка —,

не знаю, как начать, потому что *тетя Мария* никуда не годится, так что обойдешься без обращения. Как мне вообще тебе писать?! Мне так неловко, да и все мое существо будто бы втиснуто в фургон с лошадьми. Только что, внезапно поймав вдохновение, я засучила рукава, собираясь покрасить пол, но тут Адриан принес письмо от тебя.

Перескажи мне новости о Кэти: они как вода для умирающего от жажды. У меня всего 10 минут на ответное письмо, потому что внизу сейчас какая-то тетушка и кузина. Мы вернулись вчера вечером. В Нью-Форесте было просто чудесно. Однажды мы отправились на охоту около шести утра, и к концу мои ботинки были похожи на размокший картон. В общем, дай мне контакты своего сапожника. Благодаря тебе, они теперь с Джорджи друзья на всю жизнь! О чем вы вообще могли говорить друг с другом? Он теперь очень деловитый и важный, а Джеральд ужасно унылый.

Вчера ночью он проезжал через Вестминстерский мост, и какой-то человек бросился под копыта коню его кэба, а потом – в реку. «*Я тоже выскочил*, – сказал Джеральд, – *и был готов прыгнуть за ним. Это самое неожиданное, что случилось со мной в жизни. К счастью, неподалеку была лодка*». А начал он с того, что чуть было не получил медаль Королевского общества спасения утопающих!

Я же тебе говорю, что ненавижу писать письма, да и Адриан стоит над душой. Так что давай – напиши письмо страниц на шесть в честь воскресенья. Я тоже напишу еще одно, просто я сегодня очень рассеянная и не могу найти нормального пера. Расскажи нам обо всем, чем ты занимаешься.

Твоя АВС

Я чуть было не отправила тебе телеграмму, но Джеральд счел меня душой.

50: Вайолет Дикинсон

[Сентябрь 1902] Гайд-парк-гейт, 22

Моя тетушка,

прояви благородство и немедленно пришли мне имя и адрес своего сапожника. Честное слово, у меня осталась одна-единственная пара, и мои голые когти уже стучат по мостовой – просто ужас. Почему, черт возьми, ты не можешь приехать в Лондон? Тогда, возможно, я бы снова почувствовала, что меня балуют, а ведь натура у меня весьма любвеобильная, не правда ли?

Не понимаю, как вообще пишут письма близким друзьям? Однажды я отправила Китти телеграмму со словом «дорогая», и с тех пор мы не ладим. Сегодня она прислала длинное письмо, но ужасно холодное. Лео ее погубит.

Сегодня утром в [Королевской] Академии начались занятия. Несса счастлива: у нее живая натурщица и Свон²¹⁵, преподаватель. Не знаю, хорош ли он. Картина и правда отменная, даже вереск, который похож на анчоусы, размазанные по булке с маслом – или что это за розовая паста? Мне всегда подают такое к чаю, а я вынуждена прятать. Вчера ходила на ужин и внешне просто блистала в платье от Салли Янг и все такое, но под ним сплошная гниль: у одного из предметов нижнего белья (не того, о котором обычно думают) порвалась завязка, и мне было больно. Это случилось прямо в гостиной, когда я прощалась. Я обронила перчатки, веер и платок, схватила их в охапку и побежала вниз, придерживая юбки. Вернувшись домой, я показала все это Джорджу, и он был просто в ужасе. Однако ты сделала из него другого человека. Он теперь такой невзыскательный, что даже при всем желании я бы не смогла повести себя неприлично.

Мы оформили подписку и купили пианолу! Отец чуть ли рыдает, а все его дамы деликатно укоряют нас.

Мне больше не достается внимания. Все уходит Нессе. У нее так много близких людей. Будь человеком – напиши, как обстоят дела со всеми твоими Нелли²¹⁶, Кэти и Беатрисами. Кстати, Беатриса прислала письмо, которое начинается так: «Дорогая Ванесса, пишу по приказу Вайолет!»

С любовью, Воробушка

Не забудь про сапожника – фурия ты этакая. Я готовлюсь стать викарием и матерью одиннадцати детей. Сначала викарием, а потом уже матерью, разумеется.

Может, ты выкroiшь из моих платьев комплект зубов²¹⁷, а то мне постоянно что-то сверлят, и это вообще не стоит затраченных нервов. Сколько же надо нервов!

---

²¹⁵ Джон Макаллан Свон (1846–1910) – английский художник и скульптор.

²¹⁶ Нелли Сесил, урожденная леди Элеонора Лэмтон (1868–1956), – третья дочь 2-го графа Дарема, в 1899 году вышедшая замуж за лорда Роберта Сесила. Нелли страдала сильной глухотой. Они с Вирджинией познакомились примерно в 1902 году и обе разделяли страсть и профессиональный интерес к литературному ремеслу.

²¹⁷ По-видимому, шутка.

51: Вайолет Дикинсон

[Сентябрь 1902?] [Гайд-парк-гейт, 22]

Женщина,

есть ли поезд примерно в 13:30 отсюда? Ты говорила, что есть, но в справочнике «Брэд-шоу» его нет. Скажи точно. Мы едем в [деревню] Уэлин?

Тебя там облепят друзья.

Этот туман – сущий кошмар, причем не только для тела, но и для души, даже [Ванесса] не может заниматься живописью.

Воробушка

Я купила пару обуви.

52: Вайолет Дикинсон

[Сентябрь 1902] Гайд-парк-гейт, 22

Моя Женщина,

не могла бы ты как можно скорее – дело чрезвычайной важности – прислать мне номер, указанный на обороте фотографии любимой Воробушки (портрет в три четверти)? Я собираюсь заказать несколько копий для своих близких. С тех пор как я прокатилась на автомобиле, чувствую себя на ступеньку выше.

Твоя Воробушка

Как ты дотащила все эти свертки?

53: Эмме Воган

[Октябрь 1902] Гайд-парк-гейт, 22

Дорогая Жабница,

приходи на обед во вторник в 13:30 или чуть позже. Обязательно приходи к обеду, тогда мы сможем начать сразу после него. Я не совсем понимаю, чему именно ты хочешь научиться, да и есть ли хоть что-то, чему я могу тебя научить сверх того, что ты и сама уже умеешь по наитию, а если принесешь идеи, с которых можно начать, то мы легко разберемся. Я пустилась в бесконечные эксперименты и чуть не задохнулась в комнате, когда сегодня днем пыталась нанести золотое тиснение. Завтра буду пробовать тиснение на ткани. Думаю, переплетное дело предоставляет огромный простор для фантазии. Существует масса материалов для обложки: кожа, лен, шелк, пергамент, велень, японская бумага и так далее, – но обычные переплетчики об этом даже не догадываются. Только не выдавай все Глэйзбрук [неизвестная] или, по крайней мере, заставь ее хорошенько заплатить тебе за советы.

Марни показала мне бухгалтерскую книгу, которую ты для нее сделала, и, если честно, я приняла ее за работу профессионала. Уверена, все твои упражнения для мелкой моторики сделали тебя проворной и аккуратной, к тому же у тебя есть природные задатки, и тебя ждет громкий успех.

Самое трудное в этом деле – тиснение букв, но тут поможет практика. Впрочем, у тебя в неделю больше времени на это занятие, чем у меня за всю «карьеру». Я немного расстроена,

что деревенщины не оценили мое зеленое льняное платье. Возможно, для них оно слишком изысканное. Я купила его где-то в Линдхерсте.

Ну и распутница же ты – пробыть вдали до самой осени. Теперь, когда парламент снова заседает, возможно, Лондон покажется тебе достаточно светским, а иначе ты, наверное, будешь подражать герцогам и стрелять фазанов до самого января. Говорят, ты так очаровала печально известную семью [Уилла Вогана?], что даже нерожденные младенцы запели от радости (это скабрезность Марни, а не моя) и что тебе предложили остаться. Пианола процветает и играет после ужина, пока не одержит верх над соседями напротив (Маккензи играют только руками). Это и правда потрясающий инструмент – больше, чем просто механизм, ведь через него звучит сама душа. Даже придирчивая Аделина была слегка поражена, хотя я ведь сейчас пишу еще более придирчивому существу – Жабе. Умерла миссис Уильям Дарвин²¹⁸. Похоже, все вокруг умирают, но я не отчаиваюсь, пока жива Миллисент. Она как солнечный свет сквозь туман. Аделина и прочие – они и есть туман. Передавай ей привет.

ABC

54: Вайолет Дикинсон

[Октябрь/ноябрь 1902] Гайд-парк-гейт, 22

Моя женищина,

вторник отлично подходит, около пяти.

Завтра отец пойдет к Сетону, и тогда, возможно, что-то прояснится, но Сетон такой рассеянный. Джек, Джордж и Джеральд уже попросили отца повременить или показаться кому-то еще, но он говорит, что операция избавит его от боли, если сделать ее сейчас, пока не стало хуже. Он не верит даже в шанс на улучшение. Впрочем, добавить пока нечего. Мне очень неприятно выливать все это на тебя. Разве так обращаются с близкими?

У Китти все хорошо, вот только она застряла в Хатфилде [Хартфордшир] со своей Вайолет²¹⁹.

Твоя Воробушка

А что ты сажаешь?

55: Вайолет Дикинсон

[Октябрь/ноябрь 1902] Гайд-парк-гейт, 22

Моя женищина,

мне не нужна награда за приезд к тебе, пускай даже в проливной дождь. Я и так тебя очень люблю. Хотя книги, конечно, услаждают мою душу. Ты благословенная фурия и ангел в одном лице. Сколько же в тебе, должно быть, метаний и волнений? Я поставила книгу на видное место. Она такая утонченная и трогательная. Уверена, у нее есть прошлое, как у Джеральда. Где ты ее достала, женщина? Я довольно свободно читаю по-гречески, хотя мисс Кейс считает меня душой. Представь себе бедную Воробушку, которая сегодня утром вернулась к азам греческой грамматики! Читаю снова и снова, но ничего не понимаю.

---

²¹⁸ Сара Прайс Эшбернер Дарвин, урожденная Седжвик (1839–1902), – жена Уильяма Эразма Дарвина (1839–1914), первого ребенка Чарльза Дарвина.

²¹⁹ Вайолет Джорджина Милнер, виконтесса Милнер (1872–1958) – английская светская львица; жена лорда Эдварда Сесила (брата Лео Макса – мужа Китти), а после его смерти – Альфреда Милнера, 1-го виконта Милнера; редактор политического ежемесячника «National Review».

Думаю о тебе и твоей святой жизни в горах²²⁰. По возвращении домой я только об этом и твердила, но тут пришло письмо от мужчины из Бруми²²¹: он снял дом лишь на зиму, а Джорджи в ответ спросил, можно ли арендовать его на несколько лет. Похоже, у него серьезные намерения – впрочем, дом не так уж хорош, как твой, да и не такой уединенный, хотя до ближайшей станции всего восемь миль [≈ 13 км]. Не прорубай больше тропинок и не коси так сильно вокруг дома. Когда я приеду в гости, мне бы хотелось видеть зеленую тень на окнах. Знаю, ты учтешь мое пожелание. Я все мечтаю об этом и не могу представить себе ничего лучше леса, неожиданных растений в саду и того красного дерева. Боюсь только, ты увлечешься вскапыванием и обретешь такой душевный покой, который никакая Воробушка нарушить не сможет. То же касается и греческого. Время, проведенное с мертвыми греками, так же расчеловечивает, как и возня в земле. Не превращайся в святошу.

Живая изгородь [картина Ванессы] удостоилась высокой оценки от Сноу, которую считают знатоком. Она приехала в гости. Китти на горизонте. Дафф Бейкер²²² на пороге. Как видишь, пора уже кому-то взяться и за тебя. Боюсь только, некому, кроме меня. Просто сосчитай слова в этом письме и напиши столько же в ответ. И пусть они будут горячими, полными любви. Сейчас иду спать с твоей греческой книгой под подушкой (звучит неприлично, но это не так). Напиши, как там твой благословенный лес. Пожелтел ли? Закончила ли ты с живой изгородью, или как ты это называешь? Как там мои любимцы: мертвецки-бледный Чарли и Квинт [рабочие]? *Квинт* звучит как персонаж Диккенса²²³. Заточила топор? *Топор* звучит так средневеково. Компания у тебя там чудная. У меня в голове только один твой образ – на вокзале, под дождем; как вспомню, так вздрогну. Иногда я внезапно смеюсь и, если Несса рядом, каждый раз говорю: «*Да это все Вайолет*».

С любовью, Воробушка

56: Тоби Стивену

[Октябрь/ноябрь 1902] Гайд-парк-гейт, 22

Мой дорогой Тоби,

отец очень сердится, потому что на этой неделе вы оба не написали ему, так что черкни хоть строчку, а то нам придется прибегнуть к телеграммам.

Подойдет ли вам с Адрианом следующая среда для визита? Похоже, это единственный свободный день. Несса только что отправила свои картины и получила обратно одну из трех – наспех нарисованную голову, – ибо считается, что судьи оценивают мастерство только по античным сюжетам. Таким образом, у нее теперь три свободных дня в неделю, без занятий, а в другие три ей преподает Сарджент²²⁴. Он замечательный учитель и очень добр к ней.

Что у тебя новенького за это время? А у Адриана? Он пишет ужасно официально, но я, конечно, понимаю, что родне писать трудно. У нас все потихоньку, бесконечный поток ласковых старушек на чай и поклонники отца, которые теперь приходят постоянно. Отец, наконец, уже сообщил, что в четверг идет к Тривзу²²⁵. Сетон сказал, что стоит показаться хотя бы ради успокоения. Сам Сетон по-прежнему уверен, что улучшения есть или что, по край-

²²⁰ Вайолет Дикинсон жила в коттедже Бернэм-Вуд, который сама же и построила для себя в Уэлине.

²²¹ Имеется в виду коттедж Бруми-лодж, расположенный неподалеку от Фритэма в парке Нью-Форест.

²²² Возможно, Флора Бейкер – сестра майора Королевской артиллерии Джорджа Даффа Бейкера (1860–1938); они жили с матерью на Керзон-стриг, 38.

²²³ Чарльз Джон Хаффем Диккенс (1812–1870) – английский писатель, стенограф, репортер; классик мировой литературы, один из крупнейших прозаиков XIX века.

²²⁴ Джон Сингер Сарджент (1856–1925) – американский художник.

²²⁵ Сэр Фредерик Тривз, 1-й баронет (1853–1923) – английский хирург. В июне 1902 года он оперировал Эдуарда VII.

ней мере, хуже не стало. Ну вот, оказывается, Монахиня приедет на два дня, а Несса будет гостить у Карнарвонов; выходит, между молотом и наковальней остаюсь только я (думаю, ты оценишь метафору). Я помогаю Нессе втирать мазь в ухо Гурта и давать ему порошок, пока пишу, так что не жди ничего, кроме сухих и скучных новостей, но скоро я напишу тебе очень хорошее письмо. Закончил наконец с Байроном²²⁶? Боже, избавь меня от растраты светлого ума на чужие останки. И ты не трать! Вы подлинный гений, милорд.

Есть какие-нибудь новости? Джордж провел пять часов в поезде, чтобы сегодня вечером послушать речь Остина²²⁷. Его преданность трогает, но он и так работает в поте лица. Пианола цветет и пахнет. Что касается Бруми – ложная тревога. Вот только Хэйз Тёрнер пересдал кому-то дом на три месяца. Но если подождем четыре года, он будет наш. На мой подоконник недавно села синяя птица с желтой грудкой и щечками. Как думаешь, что за вид? *«Моя дорогая Коза! Право же, дамы не умеют толком описывать!»*

Твоя любящая Коза

Ответь насчет среды.

57: Вайолет Дикинсон

[Октябрь/ноябрь 1902] Гайд-парк-гейт, 22

Моя Женщина,

почему ты не приезжаешь в Лондон? Уж не пустила ли корни в землю, как я предсказывала, и теперь потеряна для цивилизации и всех ее благ? На самом деле наличие кухарки не имеет значения. Когда Софи ушла в отпуск, мы неделю жили на стряпне одной дряхлой набожной старушки. Блюда были странными, но забавными, и они, в общем-то, укрепили наш семейный дух. Но я-то знаю, что дело не в этом, а в неспешном вскапывании и посадках с утра до ночи – ты обнажена, как Ева, и не смеешь показаться в Лондоне, обнажена душой, разумеется, как и все мы, когда предстанем перед Господом Богом. Сегодня вечером я часа два пыталась написать разумные письма старым тетушкам и друзьям семьи, но не закончила ни одно. Я вообще не умею писать разумные письма – впрочем, тебе это и не нужно.

Несса теперь учится у Сарджента в Академии, и завтра ей будет позировать дочь Денти [?]. Занятия Сарджента стоят всей ее прежней учебы. Насколько я могу судить, ему нравятся ее работы, но художники такие невнятные. В любом случае ей нравится и он сам, и его голос, и даже его зеленые глаза. Он просто стоит над ее полотном минут десять, а потом говорит: *«Идея у вас верная»*. Все остальные зачуханные создания зеленеют от зависти. Ох уж эти женщины! Я нынче роюсь в Лондонской библиотеке. Вчера добралась до подземелий, где хранят «Times», и работнику пришлось вытаскивать меня оттуда. Но книг написано так много – нет смысла плодить еще. Говорят, постановка «Элинора»²²⁸ еще зануднее текста – сплошная болтовня. Я собираюсь написать великую пьесу, такую захватывающую, что ты будешь ерзать в кресле. Задумка наша с Джеком, и мы напишем ее вместе. Думаю, это вполне возможно. Там будут мужчина и женщина. Мы покажем, как они взрослеют, ни разу не встречаясь и даже не зная друг о друге, но будет постоянное ощущение их сближения. В этом и есть все напряжение (видишь, к чему я веду). И вот они уже почти встретились – их разделяет лишь дверь, – но

---

²²⁶ Джордж Гордон Байрон (1788–1824) – английский поэт-романтик, покоривший воображение всей Европы своим «мрачным эгоизмом».

²²⁷ Джозеф Остин Чемберлен (1863–1937) – английский политик, сын Джозефа Чемберлена. Джордж Дакворт исполнял обязанности неоплачиваемого секретаря Остина Чемберлена, который как раз был назначен генеральным почтмейстером и получил место в кабинете министров.

²²⁸ Пьеса (1900) миссис Хамфри Уорд.

нет, они разминутись и пошли врозь, ни разу больше не соприкоснувшись. Там будут потоки слов и буря чувств. Уверена, тебе все это очень интересно!

Сегодня я была в зоопарке и теперь мечтаю завести милую зеленую мартышку.

Напиши мне хорошее чувственное письмо. Несса уезжает к леди Карнарвон с пятницы по понедельник, так что если будешь в Лондоне, то обязательно приходи.

58: Вайолет Дикинсон

[Октябрь/ноябрь 1902] Гайд-парк-гейт, 22

Моя женищина,

Несса уезжает рано утром в пятницу и пробудет [в гостях] до понедельника, так что мы не сможем приехать на обед. До следующей пятницы еще долго – может, у тебя получится выбраться раньше? В любом случае держись этой даты. Надеюсь, твои зубы в порядке, а все суставы как следует смазаны. Завтра отец идет к Тривзу, а нас одолели слезливые родственники.

Твоя Воробушка

Отец идет к Тривзу ради успокоения: он никак не может поверить, что Сетон прав и ему действительно лучше. Говорит, что операции точно не будет – Сетон говорит.

59: Вайолет Дикинсон

[Октябрь/ноябрь 1902] Гайд-парк-гейт, 22

Моя женищина,

Тривз внушает беспокойство. Считает, что отец не так уж хорошо себя чувствует и говорит, что, скорее всего, придется делать операцию недель через шесть.

Однако Сетон заявляет прямо противоположное: он утверждает, что Тривз просто забыл, насколько все было плохо летом, и не понимает, что сейчас отцу действительно лучше, чем тогда. Сетон по-прежнему уверен, что состояние улучшилось. Похоже, он просто не может сказать это Тривзу в лицо. В прошлый раз Тривз заходил сам и сказал, что операция не потребует, если не будет сильной боли, а ее вообще нет, ведь процедура просто ужасна, и она, конечно же, не даст полного излечения. В этот раз он ничего подобного не говорил и посоветовал сделать ее, как только отец решит, что оно того стоит. По-моему, отец не до конца понимает, насколько ему будет плохо после операции, по крайней мере, если то, что летом говорили и Сетон, и Тривз, правда. Он хочет как можно скорее избавиться от нынешнего дискомфорта и уверен, что все будет в порядке. Мы надеемся убедить Аллингема обследовать отца еще до того, как что-либо решится, но с этими великими докторами так сложно, а Сетон вообще не говорит ничего определенного.

Одно дело, когда есть боль, тогда операция имеет смысл, но, по их словам, она не даст ни излечения, ни даже облегчения, особенно поначалу. К тому же в старости любая операция, даже несложная (а эту и вовсе называют простой), – дается тяжело. Отец стремится сделать ее и говорит, что в понедельник заставит Сетона назначить дату, но я думаю, что Сетон не согласится. Было бы глупо оперировать до того, как проявятся все признаки, о которых говорил Тривз, особенно если есть хоть малейший шанс, что отцу и правда становится лучше. Тривз вполне мог забыть, что было летом.

Черт знает что. Он [отец?] очень обаятелен, и нам хорошо вдвоем, хотя мы, бывает, злимся и все такое прочее.

Проклинаю все на свете, Несса уехала к Карнарвонам. Надеюсь, ей там понравится. В среду мы едем в Кембридж – приезжай в другой день, *Любимая*.

Твоя ж-на [женщина?], Воробушка

59а: Вайолет Дикинсон

[Конец 1902?] Гайд-парк-гейт, 22

Моя Женщина,

Воробушка прискачет завтра (D.V.²²⁹ – тетя Минна как-то сказала мне, что это значит «если благоволит погода»), хотя и не чувствует себя незаменимой. Поскольку рядом с моим именем, увы, не значилось слова *любимая*, вместо меня сгодилась бы и Несса, но она идет к творцу Мартину [*неизвестный художник*].

Будь ласкова, моя бедная разнузданная грубиянка В.

Воробушка питает к ней глубокие чувства.

Воробушка

60: Вайолет Дикинсон

[12 декабря 1902] Гайд-парк-гейт, 22

Дитя мое,

кажется, все идет просто превосходно²³⁰. Сегодня вечером Тривз снова обследовал отца и сказал, что лучше не бывает: температура в норме, нет ни боли, ни тошноты. Завтра он сможет с кем-нибудь увидеться, если захочет. Похоже, саму операцию Тривз считает сущим пустяком. В общем, поводов для беспокойства, думаю, нет. Отец вполне бодр, ему нравится и палата, и медсестры.

Мы все в приподнятом настроении и чуть ли не играем свадебные марши, хотя еще утром не были так веселы. Все началось с того, как перед выходом из дома пришла телеграмма от горничной-ирландки: вчера умер ее брат, и вместе с сестрой (той, что помогает на кухне) она отправилась в Ирландию на похороны, что, по всей видимости, стало утешением. И вся прислуга на кухне залилась слезами от сочувствия.

Вечер выдался ужасно мрачным, да и сегодняшнее утро обернулось ожиданием, как в приемной дантиста, и над всем этим под стать приезду Тривза висел ледяной туман. И тем не менее сегодня вечером Воробушка распевает хвалебные гимны.

Как же непредсказуема жизнь! Но вообще-то мне пока не хочется заползть в свою узкую постель, то есть в могилу.

Ты правда испытываешь привязанность к Воробушке? Она заключает тебя в свои пернатые объятия, чтобы ты могла ощутить биение ее сердца за ребрами. Немного пресновато, но подобные эмоции сильно расшатывают.

С глубокой привязанностью,

твоя Воробушка

61: Вайолет Дикинсон

---

²²⁹ *Deo volente* (в пер. с лат. «если на то будет воля Божья»).

²³⁰ 12 декабря Фредерик Тривз прооперировал Лесли Стивена (по поводу рака брюшной полости) в частной лондонской клинике на Дачесс-стрит.

[13 декабря 1902] Гайд-парк-гейт, 22

Моя жена,

мы только что вернулись от отца!

Он хорошо спал, никакой боли, температура в норме, а медсестра сказала, что он чувствует себя исключительно хорошо.

Мы пробыли у него всего минуту, однако он был вполне бодр и как обычно весел.

Пока я пишу это письмо, мне приходится одновременно вести разговор с огромной дамой в черной, жаждущей мерзких подробностей, но их она не дожидается!

Назначь время для визита. Дама в черном [Кэролайн Стивен] торжествует.

Воробушка

62: Вайолет Дикинсон

[27? декабря 1902] Гайд-парк-гейт, 22

Моя жена,

отец чувствует себя отлично. На этой неделе у него было два тяжелых дня, когда мы немного тревожились, но сегодня утром доктор был в восторге и сказал, что отец удивительно хорошо идет на поправку и, возможно, встанет в четверг или пятницу. Жаль, что все твои близкие в таком унынии, я имею в виду Литтелтонов²³¹, да еще тянут за собой бедную фурию [Вайолет].

Рождество – это дьявольский праздник, а вовсе не наоборот, как принято считать. Однажды наша учительница пения спросила, зачем я вешаю чулок перед Рождеством, а я ответила, что так мы отмечаем распятие (или как там оно пишется – уверена, что не «распятье», но «и» смотрится странно). Рождественское утро выдалось очень спокойным. Мы с Нессой даже забыли, что уже Рождество; стареем, теряем иллюзии, и последняя из них – Вайолет. Не верю, что ты можешь быть счастлива в этом огромном чужом доме [Лонглит?], среди ослепительных дам в бриллиантах и без милой Воробушки, которой нужно внимание.

В отсутствие одного искреннего сердца все это великолепие должно казаться абсолютно пустым.

Джорджи уехал. Мы весь вечер играли в бридж вчетвером! Не самая подходящая игра для тех, кто слабоват умом. Несса – признанный авторитет. Они с Адрианом спорили из-за книги о бридже, пока оба не выдохлись и не притихли. На прошлой неделе я побывала на *двух* балах, но думаю, что Провидение уготовило мне иную судьбу. Мы с Адрианом вальсировали (под польку!), и он сказал, что не понимает, как можно быть таким идиотом, чтобы находить в этом удовольствие, а я вот понимаю, в чем оно заключается, но чувствую, что все эти милые юные дамы будто живут в другом мире, и это так печально – я бы отдала всех своих любимых [древних] греков, лишь бы по-настоящему хорошо танцевать, и Адриан бы тоже отдал все, что имеет. Несса беспрестанно говорит мне под руку, поэтому мое письмо написано не с той рассудительностью и чуткостью, к которым ты привыкла.

Отец считает тебя «*необыкновенно милой женщиной*» и не прочь увидеться, когда ты в следующий раз приедешь в Лондон.

Ты в порядке? Особенно в том, что касается обители чувств, то есть сердца. Не позволяй Беатрисе вести себя как книжная дама с сигаретой и бриллиантами.

В мире очень много милых людей, но далеко не все из них действительно заслуживают слов «*у нее такая удивительно обаятельная натура*».

---

²³¹ Мэри Кэтрин Литтелтон (1856–1907) – активистка, писательница и редактор Женского приложения к «Guardian».

Воробушка к тебе очень привязана. Она тебя благословляет.
Воробушка

63: Эмме Воган

[Конец декабря 1902] Гайд-парк-гейт, 22

Дорогая Жабница,

ты негодница, раз помнишь мои причуды с фруктами, но две груши стали ярким пятном моего дня и заставили почувствовать себя заново родившейся Козой. Кроме того, после долгих раздумий и личного опыта я почти уверена, что Баттс²³² – лучший кенсингтонский поставщик фруктов.

Надеюсь, ты снова обретаешь былую энергию, а не подражаешь Церкви, которая, по видимому, окончательно пала.

Мадж прислала Нессе фотографию Галфорда²³³, и у меня от нее недоброе предчувствие. Вот увидишь, однажды какая-нибудь женщина пострадает от этого рта и подбородка. Очевидно, в этом смешении преобладает вогановская кровь, а не жалкая примесь саймондсовской – тебе, наверное, приятно это слышать, но выглядит оно, повторюсь, не слишком обнадеживающе. Меня уговаривают снять комнату за 2ш/6п (это моя доля, а вся аренда – 10ш) на другом конце Квинс-роуд. Если бы во мне текло хоть немного черной вогановской крови, если бы я могла сидеть, хмуриться и сжимать зубы, как твой племянник, я бы не влипала в такие истории. В данный момент, вместо того чтобы писать тебе, мне бы надо сообщить Стеббину [агент?] о своем согласии. Однако я не решаюсь ответить ни отказом, ни согласием, и это просто ужасно. На днях к нам на ужин приходили Сомервеллы [*неизвестные*] – что-то в ней явно не то, но я не знаю что... Впрочем, не буду отравлять твои мысли. Мы послали Кларе [Патер] цветок на Рождество, но старая карга так и не ответила. Полагаю, они с Тотти [сестра] празднуют в постели; наверное, для них постельный режим и визиты врача – такой же праздник, как для нас – сходить в театр или перебраться лишнего.

Я тут видела Хестер Ричи²³⁴, и она показала мне книгу в кожаном переплете, который сшила сама, хотя надпись на корешке сделали в магазине. Слишком искусно. Ты уже получаешь заказы? Если бы я не была самой добродушной старой козой на свете, мне стало бы завидно от мысли о твоих золотых буквах и многообещающих успехах. Я в этом деле всего-навсего жалкая неудачница, которой остается только стареть и смотреть, как молодежь преуспевает. Как там твои родственники? Вернее, семья, которая столь сплочена и уживчива, что заслуживает единственного числа. Пишу ерунду, потому что в соседней комнате поразительно виртуозно и точно играет пианола.

С любовью, Коза

64: Вайолет Дикинсон

[Январь 1903] [Гайд-парк-гейт, 22]

Моя женщина,

---

²³² Возможно, речь о фирме под названием «Butts»; сведения не найдены.

²³³ Галфорд Воган (1901–1984) – старший ребенок Уилла и Мадж Воган.

²³⁴ Хестер Хелена Мейкпис Теккерей Ричи (1878–1960) – внучка У.М. Теккерей, дочь Энн Теккерей Ричи и, таким образом, племянница Лесли Стивена по первому браку.

если придешь в 16:30, сможешь сперва поговорить с отцом. Только оставь силы на «племянниц» [Вирджиния и Ванесса]. Вторая вот-вот лопнет от нетерпения обсудить с тобой свою [художественную] студию – завтра ее наконец-то откроют.

Воробушка говорит, что завтра придет на чай, только если D.V. [на то будет воля Божья]. У нее на пороге страдание. Дядя умирает, вернее уже умер²³⁵, и траур неизбежен, портниха никуда не годится, а Воробушка не то чтобы строгая деловая женщина. И лишь Фурия снова раздувает угли моего выжженного сердца. Зачем ты любезничаешь со старушкой Минной? Она уже рассказала, как ей когда-то сделали предложение? В итоге тот кавалер сошел с ума, и если бы она согласилась, то ее дети могли бы унаследовать это безумие. *«Вот же повезло, что я отказала!»* Какая странная, деловитая даквортская предусмотрительность.

Воробушка

65: Вайолет Дикинсон

[25 января 1903] [Гайд-парк-гейт, 22]

Моя женщина,

у меня сжимается сердце, когда я принимаю подарки из твоих худых рук. Сегодня утром Несса вручила мне твой конверт, и я сказала: *«Только не говори, что это не просто дружеское письмо»*. Внутри оказалось нечто круглое и твердое, будто настоящее сердце, а на деле – его воплощение в золоте с жемчугом. Дар дружбы, конечно, гораздо ценнее земного жемчуга и золота, и тем не менее Воробушка приколотла одну [брошь?] на видное место, а другую хранит при себе, под замком. Моя дорогая женщина, для меня это источник нежности и чувств, но есть и налет печали, словно когда-то в них²³⁶ хранились волосы давно умерших Воробушек и Вайолет, а теперь они достанутся незаконнорожденным потомкам – знак того, что их мать когда-то водила дружбу с вполне уважаемыми дамами. Она [брошь?] уже несет своего рода вахту за Хестер Литтелтон²³⁷ среди множества складок на моей груди, удерживая пучки грязного кружева, неожиданно торчащие лоскуты сорочки и т.д.

Сегодня вечером мне пришлось опровергнуть христианскую религию, и, хотя я блестяще с этим справилась, мысли мои не так легки, как обычно.

Выбери день для встречи с двумя детьми Тейлора²³⁸: сами по себе они невыносимы, но в сочетании с В.Д. [Вайолет Дикинсон] не так уж и плохи. В самом деле, чаепитие с такими гостями – редкость, так что соберись с духом и приходи благословить свой дар любви на груди Воробушки.

Пожалуйста, попроси Хестер Л. поскорее раздобыть мне Бога, только не христианского. *С благословением, Воробушка*

66: Тоби Стивену

[25? января 1903] Гайд-парк-гейт, 22

Мой дорогой Грим,

---

²³⁵ Герберт Уильям Фишер умер 17 января 1903 года.

²³⁶ Не вполне понятно, идет ли речь о броши, медальоне или кулоне, в котором можно было хранить волосы.

²³⁷ Хестер Маргарет Литтелтон (1874–1958) – английская госслужащая, золовка Мэри Кэтлин Литтелтон.

²³⁸ Вероятно, сэр Генри Тейлор (1800–1886) – английский драматург и поэт, чиновник Министерства по делам колоний. У него было пять детей.

ты просто ангел, что достал мне Монтеня²³⁹. Я уже была в отчаянии, поскольку охотилась за ним целых три года. Кажется, этот экземпляр даже лучше, чем перевод Флорио²⁴⁰. Однажды, будучи без гроша, я упустила возможность купить второе издание [1613] Флорио – возможно, я уже рассказывала тебе эту историю, – но книга была напечатана плохо: шрифт слишком черный и плотный, а разница между переводами, на мой взгляд, не так уж и велика. Я всегда читаю Монтеня в постели, и эти томики прекрасно мне подойдут. Книга Бэкона²⁴¹ – одна из моих любимых, особенно из-за посвящения на титульном листе. У меня такой не было, так что я с радостью оставляю ее себе. Похоже, углы потерты, будто книгу носили в нагрудном кармане, а я протаскаю ее в пальто не один десяток миль. Только ты один и подарил мне книги. Джеральд преподнес роскошное ожерелье из жемчуга, но я тут же его разбила. Все остальные подарки тоже оказались украшениями.

Я порядком испортила отношения с Джорджи из-за наших финансов – похоже, эти несчастные толстосумы прямо сейчас делят нашу долю и перечисляют наши с тобой деньги на отдельные счета. К средствам Гиббса я пока не притрагивалась²⁴². Сегодня отец выезжал на прогулку и почти весь день провел на первом этаже. Сетон говорит, что он в прекрасной форме, и теперь заходит к нам раз в два-три дня.

Я нашла твой учебник по грамматике и Платона – их отправят завтра. Платон завалился в комнате сиделки, и мне стоило труда туда попасть. Вообще, вся моя жизнь теперь уходит на упаковку. Все отцовские дамы шлют ему книги, а мне приходится их возвращать. Не мог бы ты попросить Дэвида [книготорговца] попытаться достать для меня Холиншеда²⁴³, только не в готическом шрифте? Сейчас я могу позволить себе потратить фунта два-три, ведь я уже должна £50 и планирую расплатиться за счет мифических накоплений.

«Вакханки» – безусловно, лучшая из всех прочитанных мною трагедий Еврипида²⁴⁴. Когда приедешь в Лондон, я напою тебя чаем в собственной [книжной?] лавке и даже сама помою посуду, а еще я только что купила сотню поленьев корабельного дерева за шесть шиллингов. Кстати, я изобрела новый способ переплета, он вдвое быстрее и не менее прочный и т.д. и т.д. Когда-нибудь напишу тебе длинное письмо и расскажу еще много всего интересного.

Твоя Козлица

67: Тоби Стивену

[27? января 1903] Гайд-парк-гейт, 22

Мой дорогой Тоби,

Джорджи открыл нам счета в банке «Union of London & Smiths» и внес туда наши деньги. Им нужна твоя подпись. Пришли мне ее. Там будет около сорока с лишним фунтов, но они пока не зачислены.

Пришли свою подпись побыстрее. Вздуй Адриана за то, что он не поблагодарил Джорджа за вино и не сказал ему, где книги с французской живописью.

---

²³⁹ Мишель де Монтень (1533–1592) – французский писатель и философ. Тоби подарил Вирджинии на день рождения английский перевод «Эссе» Монтеня, опубликованный в 1685 году Чарльзом Коттоном.

²⁴⁰ Джон Флорио (1553–1625) – английский языковед, лексикограф, переводчик, преподаватель иностранных языков при дворе короля Якова I. Он был первым, кто перевел Монтеня на английский.

²⁴¹ Фрэнсис Бэкон, 1-й виконт Сент-Олбан (1561–1626) – английский философ, историк, публицист, государственный деятель, основоположник эмпиризма и английского материализма. Бэкон посвятил свои эссе «моему дорогому брату».

²⁴² Ф.У. Гиббс умер 18 февраля 1898 года. Он оставил Ванессе и Вирджинии по £1000, а Тоби и Адриану – по £500.

²⁴³ Рафаэль Холинshed (около 1525–1582) – английский хронист и священник, главный редактор и один из составителей популярных «Хроник Англии, Шотландии и Ирландии» (1577).

²⁴⁴ Еврипид (около 485–406 до н.э.) – древнегреческий драматург, крупнейший (наряду с Эсхилом и Софоклом) представитель классической афинской трагедии.

Твоя Коза

В воскресенье у нас засиделся [Клайв] Белл. Монтень и Бэкон продолжают приносить мне радость.

68: Эмме и Маргарет Воган

27 января [1903] Гайд-парк-гейт, 22

Дорогие Марни и Жаба,

вы потрясающие люди! Не знаю, говорила ли я это раньше, но сейчас скажу: ничто, даже сам экватор, не внушает мне такого благоговения, восторга и изумления, как ваша способность отправлять письма вовремя! Когда это делаю я, они никогда не приходят в положенный день; ни одно мое поздравление с днем рождения не было доставлено в срок – они всегда опаздывают минимум на неделю, а ваши всегда приходят вовремя. Хотела бы я знать ваш секрет, ведь это одна из тех способностей, которые радуют больше всего. Без вашего таланта моя тарелка осталась бы пустой – вы буквально спасли меня от отчаяния и заставили снова почувствовать себя молодой, когда день рождения был настоящим праздником. Марни полна тайн, которые нам не разгадать. Я уверена, там что-то неприличное, но ее бледные щеки давно не знают румянца. Пожалуйста, не забывайте, что мы юны, невинны и неопытны, и не позволяйте своим страстям брать над вами верх. Жаба, удержи ее от этого! Разумеется, в субботу я проспала, а когда встала, идти в собор Святого Павла уже не имело смысла, так что я вообще никуда не пошла, и теперь проклиная себя за это. Вчера у нас была тетя Минна – боюсь, она настроена довольно пессимистично. Она рассчитывала сдать свой дом за приличную сумму, но никто не откликнулся, и теперь говорит, что вообще ничего не сможет позволить себе, и, в частности, ей придется отказаться от идеи завести компаньонку. Она уже решила, что Этель Клиффорд²⁴⁵ ей точно не подойдет. Впрочем, поживем – увидим. Она глупая старушонка, и я злюсь на нее. Интересно, как поживает милая Марни, чем вы занимаетесь целыми днями и что в итоге случилось с Каннинг-плейс. Надеюсь, вы однажды заглянете в гости – обе, живые и здоровые – и пригласите нас на чай в дом 8 по Каннинг-плейс.

Овчарка шлет привет. Я так сильно зеваю, что не могу писать ни умно, ни вздорно.

С любовью, Коза

Не стоит совсем уж терять надежду поехать на Сицилию. Однако у тети Минны приступ экономности – он может пройти, а может и нет.

69: Тоби Стивену

[Январь/февраль 1903] Гайд-парк-гейт, 22

Мой дорогой Грим,

полагаю, банку нужна твоя подпись не из любопытства, не для украшения и не для альбома автографов, а просто затем, чтобы жулики не подделали твои чеки. Напиши свое имя так, как всегда будешь подписывать чеки, и перешли его по адресу: Union of London & Smiths Bank Ltd., отделение на Чаринг-Кросс, 66.

Твоя Коза

---

²⁴⁵ Этель Клиффорд (1876–1959) – одна из двух дочерей писательницы Люси Клиффорд (1846–1929) и знаменитого английского математика Уильяма Кингдона Клиффорда (1845–1879). Они с мужем были друзьями родителей ВВ. Лесли Стивен считал миссис Клиффорд «слишком погруженной в журналистскую деятельность», хотя он уважал то, с какой честью она зарабатывала на жизнь себе и двум своим дочерям после смерти мужа.

70: Эмме Воган

[Февраль 1903] Гайд-парк-гейт, 22

Дорогая Жабба,

я поговорила с ней, и вот результат: тетя Минна согласна оплатить проживание в гостинице, но не билеты на поезд и пароход, а поездка до Неаполя в одну сторону обойдется примерно в £12. Не знаю, является ли это решающим фактором отказа от затеи, но я все равно сказала, что ты заходила, и между делом, не объясняя своей роли в этом разговоре, упомянула, что ты не прочь попутешествовать и т.д. Потом спросила, не хотела бы она взять тебя в компанию. Тетя Минна ответила, что действительно подумывала об этом, но не стала предлагать, потому что слишком мало тебя знает и не уверена, что ей с тобой будет комфортно. Я назвала тебя превосходной спутницей и сказала, что с гораздо большим удовольствием поехала бы с тобой, чем с Этель Клиффорд, к которой тетя Минна вроде бы склонялась; что ты очень веселая, разговорчивая, независимая и умеешь о себе позаботиться. Она ответила, что ищет как раз эти качества: самостоятельность, общительность, добрый нрав и интерес к общим темам, – а больше всего ей претит скука. Я также упомянула, что ты прекрасно играешь в пасьянс и терпеть не можешь ни осматривать достопримечательности, ни ходить по галереям – оба этих аргумента ей очень понравились.

В конце концов она сказала, что слышала, будто некая мисс Масгроув, ее давняя подруга, собирается на Сицилию в то же самое время, и теперь у нее нет острой необходимости в компании, хотя она все же предпочла бы иметь таковую; добавила также, что есть еще парочка бедных знакомых, перед которыми она чувствует себя обязанной, но пока ничего не решено. Я солгала, что не говорила тебе о ее планах, мол, просто подумала, что стоит упомянуть ей о твоём желании; тетя Минна ответила, что я поступила абсолютно правильно и что она будет иметь тебя в виду, а еще попросила позже узнать, что ты сама обо всем этом думаешь, но пока велела ничего не говорить! Вот ее последние слова: *«Если Эмма будет в Лондоне, она сможет ко мне зайти? Похоже, у нас много общего, но в любом случае я пока не принимаю никаких решений»*. Не знаю, сочтешь ли ты это обнадеживающим. Жаль, что нельзя все взять и решить. Особенно ее интересовало, любишь ли ты читать и начитанна ли. Я, конечно, ответила, что да и что ты прекрасно ориентируешься в современных французских и немецких авторах.

Твоя любящая Коза

71: Вайолет Дикинсон

[Февраль? 1903] [Гайд-парк-гейт, 22]

Женщина,

приходи в любой день, когда сможешь, хоть каждый день; если придешь, увидишь отца, который без ума от тебя; но только свистни, и Воробушка сама к тебе припорхнет. Отец – обманщик и только прикидывается больным ради своих дам. Вот бы мне тоже прикинуться и завести себе дам. Я так падка на женские чары, что в Париже²⁴⁶ отдала свое израненное сердце одной, а может, и сразу двум дамам. Впрочем, первая – это, безусловно, божественная Венера по имени Кэти, а потом уже ты, Несса и все те прекрасные добрые (интересно, какая ты?) женщины, которых я обожаю. Я проливаю слезы нежности при мысли о великом сердце Воро-

---

²⁴⁶ Сохранившиеся свидетельства, включая семейный фотоальбом, показывают, что Вирджиния лишь однажды побывала во Франции, но не дальше Булони и Амьена. Возможно, она имела в виду даму, которая жила в Париже.

бушки, полном жалости и заточенном в камне. Она никогда не обнимет меня, а ведь обняла бы, если бы могла, – я это знаю и чувствую. И правда, в ее прекрасной глупой головушке было что-то от Кэти, а у Кэти в банном полотенце наверняка точно такая же грудь. Правда, Кэти, в отличие от нее, не раскроет своих объятий (руки у Кэти не каменные, но у той Венеры [Милосской], между прочим, их вообще нет), чтобы заключить в них бедную Воробушку. Была и еще одна дама, но та ждет писем. Джеральд подтрунивает надо мной, говорит, что я набралась виски и у меня заплетается язык, а я лишь отвечаю: это все из-за смеси Венеры и Вайолет.

Твоя Воробушка

72: Вайолет Дикинсон

[1903?] Гайд-парк-гейт, 22

Моя женщина,

я и не осознавала всего великолепия твоей книги, пока не открыла ее, и тогда меня пробрало до мурашек от радости. Похоже, это семейная реликвия, и тебе бы стоило ее сохранить. Но ничего не могу с собой поделаться: она дарит мне, хоть это и грешно, огромную радость. Твоя душа будет согрета (словно меховыми пальто) в раю, но как твои голые кости протянут в этом мире, если ты вот так раздаешь все, что имеешь? Сегодня вечером я устроилась в кресле и прочла ее от корки до корки.

Наша маленькая швейцарская горничная [Полин] не верит, что плащ мой. Думает, его либо одолжили, либо забыли, и поэтому вешает на спинку стула и наотрез отказывается убирать в шкаф.

Моя женщина, боюсь, твои близкие – уж слишком суетные создания, и сегодня они гоняли тебя туда-сюда, а завтра ты сляжешь. Ты очень устала?

Преданность Воробушки – не бог весть что, но все же... (далее следует очень нежное признание).

Твоя Воробушка

Крам²⁴⁷ завтра сунет тебе фунт.

73: Вайолет Дикинсон

[1903?] [Гайд-парк-гейт, 22]

Дитя мое,

Воробушка придет в четверг. Если бы только у Даквортов были мозги, а не вата вместо них, ее карманы были бы уже набиты золотом, и мы бы угощали всех подряд. Завтра у меня чаепитие на крыше. Придет Крам.

Воробушка

74: Вайолет Дикинсон

[Март 1903] Гайд-парк-гейт, 22

---

²⁴⁷ Элла Крам (1863–1948) – дочь сэра Эдварда Сикевинга, известного врача. Элла и ее муж Уолтер, проживавшие по адресу Манчестер-стрит, 33, были друзьями Вайолет Дикинсон; миссис Крам занимала неоплачиваемую административную должность в колледже Морли. С этого момента (1903) и в течение нескольких лет Крамы часто упоминались в переписке с Вайолет, но Вирджиния редко относилась к ним серьезно – скорее, они были предметом ее насмешек.

Дитя мое,

зачем ты путаешь младенческий ум тремя разными адресами за два дня? От этого я вся на нервах. Впрочем, если письмо придет не туда, ничего страшного – ну, осквернит оно чей-нибудь невинный ум, хотя Воробушка всего лишь машет теплой лапкой и говорит, что у нее остались очень нежные воспоминания о долгих объятиях в спальне. Помни: теперь моя очередь быть беспокойной в душе. Не возвращайся к той испорченной Кузине, иначе Ад покажется тебе райским садом, если ты исчерпаешь все муки заранее. Сейчас, насколько я знаю, ты утешаешь страждущих, а дикарка Воробушка тем временем читает по-гречески! В воскресенье я была одна, поскольку Несса уехала к Уоттсам²⁴⁸, и с любовью думала о той великой близости, которая столь много значит для нас обеих. Я послала тебе Поэтессу [?]. Жаль, что Провидение так плохо разбирается в литературе, иначе нас миновало бы творчество Хамфри Уорд²⁴⁹, ну, или ей бы пришлось издаваться уже в Раю.

Приехала новая сиделка и спует по дому, но я ее пока не видела.

Не будь дурной женщиной. Молись каждый вечер хотя бы за душу Воробушки, ибо мало кто нынче молится за ее спасение.

Твоя АВС

75: Вайолет Дикинсон

[Начало апреля 1903] Гайд-парк-гейт, 22

Моя женщина,

все твои письма – сплошь адреса. Я читаю каждое слово, порчу зрение, но понимаю только, что ты не в Лондоне. Май уже на пороге, значит, скоро тебя окончательно выселят, а целый том нашей близости будет закончен. Эти перерывы ужасно расстраивают, а письма вообще годятся только для дружбы.

Для настоящей близости следует перейти на телеграммы. Да и стиль у тебя почти телеграфный. А теперь принеси настоящую пользу и подскажи, где можно снять жилье подешевле. Нам нужен загородный домик на Пасху. Ты не знаешь кого-нибудь неподалеку от Лондона, кто мог бы сдать нам дом на пару недель до 24 апреля? Отец вообще считает, что романтичнее не уезжать, но если он сможет потом говорить: «*Меня заставили дети*», – то согласится. Вот только ехать нам некуда, и хотелось бы подешевле.

Блистательная Воробушка, которая, если подумать, и правда нечто вроде Китченера²⁵⁰ в юбке, чуть было не вцепилась в два подходящих домика, но у нее, боюсь, ничего не выйдет, хотя она и вдохновлялась гением, – во всяком случае, именно Вайолет и есть та самая подруга семьи, за которую мы цепляемся, когда тонем.

На днях, когда я читала Эсхила²⁵¹ с мисс Кейс, на меня прыгнула гигантская блоха, и теперь она выгрызает во мне дыры. Я была слишком учтива, чтобы прихлопнуть ее на глазах у Кейс.

Адриан и Тоби вернулись [из Кембриджа], и Тоби вполне мог бы стоять голым рядом с Кэти в Лувре. Он греческий бог, хоть и чересчур массивный для нашей гостиной. Мы ведем бесконечные споры о литературе! Беатриса Чемберлен²⁵² – действительно гениальная жен-

²⁴⁸ Ванесса и Джордж гостили у Д.Ф. Уоттса под Гилфордом.

²⁴⁹ Мэри Августа Уорд (1851–1920) – успешная английская писательница, подписывавшая свои произведения как миссис Хамфри Уорд. В 1903 году она опубликовала роман «Дочь леди Роуз».

²⁵⁰ Горацио Герберт Китченер, 1-й граф Китченер (1850–1916) – английский военный деятель.

²⁵¹ Эсхил (525–456 до н.э.) – древнегреческий драматург, отец европейской трагедии.

²⁵² Беатриса Чемберлен (1862–1918) – английский педагог и политический организатор; старшая дочь Джозефа Чемберлена и сестра Остина Чемберлена.

щина, и она выше литературы. Вот бы мне хоть половину ее ума, чтобы писать книги. Целый вечер она говорила о России, Теккерее и вообще обо всем на свете, а остальные только дрожали, как тростинки на ветру. Чтобы познакомиться с ней, мы позвали также болтушку Фрешфилд [Оливию?] и Чарльза Тревельяна²⁵³, которого нам с Нессой пришлось утихомиривать в задней комнате, чтобы старушка Беатриса на него не набросилась.

Как там потолки? И вообще, похож это на место, где хотелось бы провести остаток дней? Ведь именно такое обычно и ищешь за городом: благочестивое и полное ассоциаций. Кстати об ассоциациях: хочешь платяной шкаф из комнаты Нессы? Он ими весь пропитан, а в остальном пуст. Несса и Адриан собираются делить студию и половину ее спальни, потому что нам не хватает комнат, а этот огромный шкаф цвета ржавчины занимает целую стену. Ее одежду можно просто развесить, но стоило нам заикнуться о продаже шкафа, как Джеральд запричитал: «*О, моя дорогая, столько воспоминаний!*» – семейный, дескать, шкаф, а Джордж и вовсе считает, что он должен быть частью нашего приданого, вот только женихов пока нет.

Знаю, ты собираешься провести день среди покойников или умирающих, а потом еще неделю с кем-то, кому не помогает вера, и это, наверное, хуже всего. Воробушка нынче расщебеталась, но шлет благословение и объятия, а ты могла бы и написать ей.

Твоя Воробушка

76: Вайолет Дикинсон

[10 апреля 1903] Гайд-парк-гейт, 22

Моя женщина,

благословение Воробушки нисходит на дом и разбивает об него бутылку шампанского. К тому же сегодня Страстная пятница. Ты уже чувствуешь, что осела доживать свои дни среди коров и крокусов? Только не становись чересчур благочестивой и простодушной, то есть слишком уж непорочной, чтобы якшаться с потрепанной Воробушкой. Каково впервые спать в доме, который сама же и построила? Торжественно? А сад уже стал райским? Даже лондонские улицы сегодня напоминают сад, так что ты, должно быть, чувствуешь себя на полях амарантов и асфodelей.

Ты уже видела статистику, согласно которой на тысячу законнорожденных детей приходится сорок незаконнорожденных? Не по себе от этого, правда? С тех пор как я узнала, риск оступиться, кажется, ужасно возрос и теперь практически неизбежен.

Посади цветок для Воробушки. Анютины глазки или незабудку, или что-нибудь вьющееся, вечнозеленое, символичное – символичное сердцу Воробушки, например. А для Кэти посади виноградную лозу – отличное начало жизни будущего ребенка.

Сохрани цветущим и нежным хоть один уголок своего сердца для Воробушки, что там живет.

Некая пожилая леди из Суррея сдает нам дом [Блэчфилд, Чилворт]. Где именно, я пока не знаю. Поедем договариваться 16-го.

Расскажи, чем занимаешься и чувствуешь ли себя хорошей женщиной. Весна в деревне как чистая ванна. Раз в год я возрождаюсь в лоне моего Бога – наполовину Кэти, наполовину какая-нибудь развратная старая язычница вроде тебя.

Благословляю дом и мою Вайолет, которая и сама словно приют для вдов и сирот, утопающий в цветах.

Твоя Воробушка

---

²⁵³ Сэр Чарльз Филипс Тревельян, 3-й баронет (1870–1958) – английский политик Либеральной, а затем Лейбористской партии; старший брат Роберта Калверли Тревельяна.

77: Вайолет Дикинсон

[Середина апреля 1903] Блэчфилд, Чилворт, Суррей

Моя женищина,

похоже, судьба распорядилась так, что для тебя здесь места нет, и это ужасно грустно. У меня большая кровать – какая-то необъяснимая предусмотрительность заставила их [членов семьи] выделить мне именно ее. Как бы я хотела, чтобы ты могла приехать, но однажды мы все же увидимся – в Лондоне или у тебя дома.

Суррей – ненастоящая деревня. Здесь не так плохо, как в Хиндхеде, но все кругом кишит конки²⁵⁴ и культурой. Ощущение, будто все художники съезжаются на пенсию именно сюда и строят себе дома из красного кирпича с псевдо-елизаветинскими белыми и черными фасадами. Однако наш дом лучше – три старых коттеджа, объединенных вместе. Он очень удобен, и это главное. Все еще довольно холодно. Впрочем, отцу здесь нравится: у него своя комната и гостиная, весьма уютные. Однако отец почти не выходит на улицу, и ему, на мой взгляд, не лучше.

Ты еще будешь в Лондоне или уже сдала свой дом? Или как? Мысли о твоём коттедже приятны, если только его не пропитают Смерть и печаль, которые повсюду следуют за тобой и превращают тебя в передвижную больницу. Бедная Воробушка скоро попросит там для себя койку.

Твой «муж»²⁵⁵ уже получил результаты экзамена?

Тоби и Адриан сейчас здесь. Адриан завтра уезжает, а Тоби останется до воскресенья. Он – огромное очаровательное неуклюжее существо, полное невысказанных мыслей и чувств. Адриан болтает без умолку, будто лет на пятнадцать младше нас всех. Он растет так быстро, что просто не успевает ни думать, ни чувствовать, ни делать что-либо, кроме как есть. Превосходный Джордж, только что вернувшийся от своей графини [Карнарвон], вероятно, придет завтра, и тогда я снова кого-нибудь шокирую, чего не делала уже две недели. Джеральд сблизился с каким-то американским миллионером и сейчас путешествует с ним по побережью Италии. Он собирался поехать в Венецию, но якхта²⁵⁶ оказалась заманчивей – «*все по высшему разряду*». Так что Венецию пришлось отменить. Успехов у нашей семьи хоть отбавляй!

Пиши сюда и будь доброй Женщиной.

С любовью, Воробушка

78: Вайолет Дикинсон

28 апреля [1903] Блэчфилд, Чилворт, Суррей

Моя женищина,

мы возвращаемся в четверг. Я не имею ни малейшего представления, где ты сейчас или где собираешься быть, так что просто пишу. В сущности, нет особого смысла рассказывать тебе, бедная моя наперсница, но с тех пор, как мы здесь, сиделка утверждает, что, по ее мнению, отец слабеет. То же самое говорил и Сетон в Лондоне – он даже написал об этом Джорджи

---

²⁵⁴ Пренебрежительно-насмешливое прозвище уроженцев Лондона из средних и низших слоев населения, а также один из самых известных типов лондонского просторечия.

²⁵⁵ Это одна из постоянных шуток между Вайолет и Вирджинией. Вайолет никогда не была замужем, а Вирджиния, вероятно, имеет в виду Уолтера Крама или Оззи Дикинсона. Здесь и далее это слово будет написано в кавычках, а в алфавитном указателе имен соответствующие страницы на всякий случай указаны и для Крама, и для Оззи.

²⁵⁶ Вирджиния, как и Чарльз Дарвин, не умела правильно писать слово «яхта».

и Джеку. Они знают мало, только об ухудшении в целом, и в последнее время оно довольно резкое. Сетон подозревает осложнение, но ничего определенного не говорит. Это может продлиться полгода, год или даже дольше. Сказать точнее мог бы лишь Тривз, и мы думаем позвать его, если получится сделать это, не напугав отца. Пока он, похоже, ничего не подозревает, судит о своем состоянии по тому, как прошла ночь, и после нашего приезда довольно неплохо спит. Мне кажется, ты все это уже знаешь. Видимо, Тривз предвидел такое развитие ситуации, просто решил умолчать или сообщил только Джорджи, а тот не понял. В любом случае сделать ничего нельзя, и временами просто не верится, что это правда. В общении с отцом ничего не изменилось, порой он даже пишет, но долго ходить не может и быстро устает. В остальном все как обычно, и я бы тебе не писала, если бы мне это не давалось легче разговоров. Возможно, я тебя еще не скоро увижу. Та другая сиделка в лондонской больнице ничего не говорила? Долгое время состояние отца казалось стабильным, а потом он вдруг сильно ослаб. Мне кажется, нынешняя сиделка считает, что все еще хуже, чем есть на самом деле.

Как бы то ни было, я уверена, что сам отец пока этого не замечает. Сегодня он сказал мне, что чувствует, будто понемногу крепнет. Больше всего мы боимся, что сестра или кто-то еще дадут ему понять правду.

Мир – странное место. Сейчас он кажется нереальным, и оттого я черства да еще и пере-
кладываю все это на тебя.

Будь доброй женщиной.

Он такой славный человек.

Твоя Воробушка

79: Вайолет Дикинсон

30 апреля [1903] Гайд-парк-гейт, 22

Моя возлюбленная Женщина,

ты единственный отзывчивый человек на всем белом свете, поэтому-то все и идут к тебе со своими бедами. Наверное, я не должна была тебе это рассказывать. В письме все звучит куда хуже, потому что здесь, когда видишь отца своими глазами, все вроде бы как обычно, и порой я думаю, что врачи ошибаются. Конечно, шансов на это почти нет, но я все равно чувствую себя подлой, что взяла и все выложила без особой на то нужды. Если бы вы с ним увиделись, думаю, ты бы не заметила разницы. Иногда мне хочется, чтобы все уже произошло и закончилось. Нет ничего хуже ожидания.

Но ничего другого нам сейчас не остается.

Приезжай ко мне, или я приеду к тебе – главное, чтобы отец видел людей, особенно сейчас, в ближайшие недели, когда он, возможно, начнет понимать, что больше не сможет работать.

Джеральд делится с нами своими взглядами на Флоренцию. Ты единственная, с кем мне вообще хоть немного хочется говорить, бедная моя наперсница. Ты не строишь idiotских теорий и не ждешь высоких чувств.

Береги себя и преврати в курятник хоть весь двор, если это пойдет на пользу твоим драгоценным косточкам.

Твоя Воробушка

Напиши еще.

80: Вайолет Дикинсон

[4 мая? 1903] [Гайд-парк-гейт, 22]

Моя возлюбленная Женщина,

твои письма для меня как бальзам на душу. Правда, мне, наверное, нужно сделать то, чего я никогда не делала, – попытаться их сохранить. Я в жизни не хранила ни одного письма, но эту романтическую дружбу стоит увековечить. Очень немногие люди вообще имеют какие-либо чувства, которые можно выразить, по крайней мере привязанность или сочувствие, и если те, кто испытывает их, не выражают этого, то мир гораздо больше походит на выгоревшую луну – мир, остывший для Вайолет и Воробушки. Это навеяно тем, что ты думаешь и даже говоришь, что не должна писать приятные пылкие письма. Китти никогда не пробивает мою толстую кожу, даже не пытается. На днях она впервые с начала его болезни приходила проведать отца и спросила, почему он все это время не заглядывал к ней, что показалось мне уж слишком светской любезностью. К тому же ей нечего мне предложить, кроме белых сетчатых перчаток, что вполне естественно, но именно поэтому в моменты эмоциональных кризисов отдушиной для меня становится Вайолет, а не Китти.

Все Стивены по натуре эгоцентричны: они берут больше, чем отдают, но если это понять и не пытаться исправить, то с ними вполне можно ладить. Некоторые из них действительно довольно милые люди.

Ты же безумная женщина, так зачем тащиться аж в Саутволд [Саффолк] ради сырости и жилистых кур? Жаль, что ты не заботаешься о своем здоровье. Если бы у меня был слабый пульс и боль в суставах, ты бы ни за что мне такого не позволила. Ты постоянно напоминаешь мне миссис Карлайл²⁵⁷. Я тоже ее читаю. Отец говорит, что на английском языке никто лучше нее писем не писал. У ней точно есть сильное сходство с моей Вайолет: она тоже бывала в странных местах и имела дело со странными людьми. Она тоже была человечной... Вот тебе и предостережение! Как-то раз она ехала по Гайд-парку, и у нее остановилось сердце, так что ради Бога (ты ведь такая религиозная) береги свои кости, не подхвати еще чего-нибудь, хорошо питайся и набирай вес. Придется начать говорить с тобой о здоровье.

Здесь ничего толком не происходит. Сиделка говорит, что отцу уже не стоит ходить в кабинет, но пусть пробует, если хочет. Пока он сидит внизу. Джорджи пишет Сетону, что мы хотим пригласить Тривза, если получится сделать это, не встревожив отца. Сетон, судя по всему, и сам не против полного обследования, но отец не позволяет ему к себе прикоснуться.

Приезжай в среду, 5-го.

Твоя Воробушка

81: Тоби Стивену

[Май 1903] [Гайд-парк-гейт, 22]

Мой дорогой Хохлатик,

кажется, я давно не писала, да и тебе, пожалуй, тоже пора написать мне. Впрочем, особых новостей нет. Только что у нас была Монахиня, чей визит как ты можешь себе представить, был довольно тягостным. После получаса разговора начинаешь жалеть, что еще не придумали способа остановить ее болтовню. Да, она ходит по кругу, и все же в ней есть что-то трогательное! Ты собираешься писать Тревельяну²⁵⁸? Джек абсолютно уверен, что тебе нужно идти в адвокатуру. Говорит, это не так уж дорого, а ты просто рожден быть судьей. Мне бы очень этого

---

²⁵⁷ Джейн Уэлш Карлайл (1801–1866) – жена Томаса Карлайла. Считается, что именно благодаря ей он добился славы и успеха; она известна как автор большого количества писем.

²⁵⁸ Джордж Маколей Тревельян (1876–1962) – английский историк, профессор современной истории в Кембридже; младший брат Р.К. Тревельяна. Весной 1903 года он как раз получил место в Тринити-колледже.

хотелось; уверена, ты бы выносил приговоры, не поддаваясь эмоциям. И если бы правда была на моей стороне, я бы точно Тоби Стивена наняла своим адвокатом. Как думаешь, тебе бы это подошло больше, чем Казначейство или Министерство по делам колоний? Спорить нынче не с кем, а мне этого очень не хватает. Приходится самой и с трудом выуживать из книг то, что ты получаешь каждый вечер, сидя с трубкой во рту у камина в компании Стрэйчи и других. Неудивительно, что мои познания скудны. Я уверена, что нет ничего лучше живого разговора. И все же я усердно занимаюсь Шекспиром: прочла его биографию авторства Сидни Ли [«Жизнь Уильяма Шекспира»]. Что ты думаешь о его теории сонетов? По-моему, она скорее о самом Сидни Ли, который заикнулся на том, что Шекспир стремился к выгоде, льстил Саутгемптону²⁵⁹ и так далее. Однако часть про некоего мистера У.Х.²⁶⁰ выглядит разумно. Надо бы прочесть сонеты и составить собственное мнение. Сидни пишет, что Шекспир не испытывал того, о чем писал – в том смысле, что ни одно написанное слово нельзя отнести к нему лично. И все же книга хороша – никаких теорий, лишь изложение наиболее достоверных фактов.

Начинается светский сезон – не то чтобы это касалось меня лично, но Джорджи и Джеральд теперь проводят каждый вечер на балах и в опере. Мы с Нессой копошимся в своих делах порознь. У нее обнаженные натурщицы трижды в неделю, а неутомимая Джанет Кейс ездит к нам из Хампстеда. Недавно был Сетон. Он считает, что отец чуть слабее, чем до нашего отъезда, но говорит, что звать Тривза не стоит, ибо это может встревожить отца, а лучше уже все равно не будет. Отец бодр, охотно разговаривает, но в кабинет не поднимается и почти не работает. Зато ему очень понравилось твое письмо, особенно почерк! Думаю, кто-нибудь из нас мог бы встретиться с Тривзом, не ставя в известность отца. Возможно, он уже ничем не поможет, но хотя бы лучше прояснит ситуацию.

Не перенапрягайся и не делай глупостей, и береги свой прекрасный хохолок – наверное, сейчас ему нелегко.

С любовью, Коза

82: Вайолет Дикинсон

[19 мая? 1903] Гайд-парк-гейт, 22

Моя женищина,

сегодня неожиданно нагрянул Тривз. Говорит, что осталось шесть месяцев максимум. Осложнения могут случиться раньше – он не может точно сказать, произойдет ли это, но считает весьма вероятным.

Тривз сказал нам, что в прошлый раз не был уверен, протянет ли отец дольше шести недель. Сейчас он считает, что его состояние лучше, чем тогда. Не понимаю, что он имеет в виду. Думаю, Тривз забыл, что видел тогда отца гулявшим по саду. Однако сегодня он показался ему умственно бодрым и исключительно веселым. Это был очень хороший день, и сиделка говорит, что Сетон совершенно забыл рассказать Тривзу о некоторых симптомах отца, а еще, мол, утверждал, будто тот может подолгу гулять. Впрочем, это, наверное, неважно. Тривз сказал, что ничего уже не поделаешь, и теперь все как будто бы ясно. Тривз категорически заявил, что отец должен делать то, на что чувствует в себе силы: гулять, работать, принимать гостей. Сказал, что нам определенно стоит уехать в августе, как обычно, пускай и не во Фритэм. Он считает, что лучше рискнуть и не упускать шансов сделать отцу приятно.

---

²⁵⁹ Генри Ризли, 3-й граф Саутгемптон (1573–1624) – английский аристократ, участник заговора графа Эссекса, один из предполагаемых покровителей Уильяма Шекспира и адресатов его сонетов.

²⁶⁰ Мужчина с такими инициалами то и дело фигурирует в работах Шекспира, в том числе на полях «Сонетов», и он, по-видимому, сыграл немалую роль в жизни и карьере автора. В своей книге Сидни Ли рассуждает о его личности.

Он сказал, что отец будет медленно и безболезненно слабеть, однако настоящим милосердием была бы возможность не ждать и не осознавать, что конец близок. Джорджи считает, что Тривз ошибается и на сей раз; уверяет, что отец идет на поправку. Впрочем, это, наверное, часть его роли; к счастью, он редко бывает дома.

Мне пришлось написать обо всем старой сестре [Кэролайн Стивен], но, боюсь, я была резка в выражениях. Господи, как странен этот мир, и добавить тут больше нечего. Все приходят и говорят, как хорошо отец выглядит, и лишь одному Богу известно, как обстоят дела на самом деле, но думать об этом я не могу. Напиши, если вдруг соберешься в город; по-видимому, это будет не раньше следующей недели.

Твоя Воробушка

Тривз говорил совершенно определенно и прямо, и разговаривал он с Нессой, а не с Джорджи.

83: Вайолет Дикинсон

[4 июня? 1903] [Гайд-парк-гейт, 22]

Моя Вайолет,

подойдет ли вместо четверга пятница, 12-е? Если это пересекается с приездом Кэти или тебе неудобно по какой-то другой причине, я приеду в четверг.

В четверг повезем Беатрису к Бересфорду²⁶¹ – веселенькая будет поездка. Мы пили чай на Манчестер-сквер, а на фоне, за нашим великолепным чайником, восседала леди Бат²⁶². Несса привлекла ее внимание и тем самым пресекла перешептывание (о чуме собак) с какой-то другой пожилой графиней; та вдруг оживилась, раскатисто расхохоталась и поинтересовалась, устроились ли мы наконец в Лондоне. Манеры у нее – загляденье. Вчера нам достались билеты в оперу, и мы взяли с собой Беатрису. Этой вялой черствой бедняжке хочется острых эмоций. Мы ее утихомирили и заставили целый час нормально разговаривать, почти не *по-тинновски* [в духе Тиннов]. И все же в ней есть что-то жалкое: она вошла в свою неспешную чинную зрелость и, я уверена, лишена любви и сочувствия. Кстати, Кэти сидела за нами, в ложе, – своего рода Фемида или Победа, такая спокойная, величавая и утомленная, как никогда напоминающая Венеру [Милосскую] из Лувра. Впрочем, насколько я могу судить, выглядела Кэти вполне здоровой, только немного бледной. Вчерашний день был унылым, но одновременно невыразимо веселым. К нам снова приходила старая квакерша-сестрица [Кэролайн Стивен]; умоляла не оставлять ее с отцом наедине, а потом расселась и принялась рассуждать о погоде. Отец заскучал минут через пять и едва мог усидеть на месте. Она это заметила, чуть не расплакалась, но выдавливала из себя одни только банальности, которые даже хуже молчания. В конце концов она решила уехать более ранним поездом. «*Вижу, что оставаться дольше чревато*», – заметила Квакерша. Они с отцом немного повздорили, и в холле она окончательно расклеилась, сказала, что была очень рада его видеть, а сама ужасно расстроилась, громко сморкалась и редела в три ручья. Боже, как мы потом смеялись, и все же ее по-своему чертовски жалко. Уверена, она прорыдала всю дорогу в поезде.

Несса обедала у Крамов и завтра едет к ним снова! Подумай хорошенько, прежде чем опять натравливать на нее своих свирепых друзей. На очереди знакомство с Бэйли²⁶³. Вечером

²⁶¹ Вероятно, Джордж Чарльз Бересфорд (1864–1938) – английский фотограф викторианской эпохи.

²⁶² Фрэнсис Изабелла Кэтрин Веси, маркиза Бат (1840–1915) – супруга 4-го маркиза Бата; мать Беатрисы Тинн и Кэтрин (Кэти) Кромер.

²⁶³ Джон Канн Бэйли (1864–1931) – английский литературный критик, литератор, завсегдатай клубов, постоянный автор ЛПТ с момента его основания.

у нас ужинает Мадж Воган, а на чай сегодня приходили шесть человек. Вот бы ты была кенгуру с сумкой для кенгурят, чтобы они туда прятались.

У нас почти никаких перемен.

А ты-то как после всех этих ужасных больничных процедур?

Твоя Воробушка

84: Вайолет Дикинсон

8 июня 1903 Гайд-парк-гейт, 22

Моя Женищина,

а в пятницу я случаем не пересекусь с Кэти? Если да, то лучше выбери для меня другой день, иначе я почувствую себя грешницей, топчущей в грязной обуви Елисейские [Райские] поля.

Крамы пригласили меня на ужин. Уверена, ты дала мне своего рода «рекомендацию», при том что сама считаешь, будто я не раз, по твоим же словам, оступалась. Я не имею в виду, что буквально занималась тем же, чем эти несчастные [проститутки?], но если все мои достоинства и добродетели сводить к тому, чтобы развлекать за столом Крамов, то я ничем не лучше тех падших женщин. Ни одна блудница не чувствовала себя столь униженной, как я сегодня вечером. Все родственнички наконец-то вымелись из дома и теперь принялись за письма. «*Дорогая, скажи, чем я могу помочь, – тотчас же приеду*». Единственное, что можно сделать, так это держаться подальше и помалкивать. Впрочем, подобные надежды напрасны. Дружба, по крайней мере с родней, состоит из болтовни и какой-то писанины. Однако нормой теперь стали тишина и мрак, все потеряло смысл. Я уверена, что внешняя сторона жизни: свадьбы, роды и похороны – мало что значит, а настоящая драма всегда скрыта от глаз. Боже, ну и чепуха! Несса с Джеком болтают, попивая кофе, а я думаю о Кэти как о воплощении Рая и Покоя; бедняжка Любовь – внутри нее, должно быть, сущий ад.

Самочувствие у отца, по-моему, не очень хорошее: в пятницу у него был приступ головокружения, к тому же вернулся один плохой симптом, хотя его это не беспокоит, так что настроение у него бодрое, а это главное.

Джорджи задерживается в Пикстоне²⁶⁴, взвешивая ценность довольно старой, но вполне незапятнанной графской короны. Будет ли она с ней пожизненно, если они [с Маргарет] пожениятся? И сможет ли она [его жена] бывать при дворе? Эти два вопроса лишают Джорджи сна, ведь от них зависит его судьба. Бедное старое создание! Все его добродетели оседают на дно, а мне лень их выуживать, хотя, конечно, следовало бы. Должно быть, Кэти напоминает языческую богиню, сидящую на траве, греческую богиню до падения мира (ты же знаешь, что они где-то прячутся, – занятная мысль, – и у одной из них на голове английская графская корона – боже, у меня на уме одни короны), Афины, вышедшую замуж за лорда Кромера²⁶⁵!

Твоя Воробушка

Крамы называют меня *Воробушкой*.

85: Вайолет Дикинсон

[Июнь 1903] Гайд-парк-гейт, 22

---

²⁶⁴ Имеется в виду особняк Пикстон-Парк в городе Далвертон, графство Сомерсет, где Джордж Дакворт гостил у вдовствовавшей леди Карнарвон, на чьей падчерице Маргарет Герберт он в итоге и женился.

²⁶⁵ Ивлин Бэринг, 1-й граф Кромер (1841–1917) – политический деятель; муж Кэти Кромер.

Моя Вайолет,

твое письмо ужасно меня расстроило – боже, вот бы знать, что ничего этого не было, а у тебя все в порядке²⁶⁶. Попроси миссис Крам черкнуть мне строчку – сама не утруждайся. Ты у меня старая костлявая ломовая лошадь. Есть у тебя кто-нибудь благонадежный? Уверена, все хуже, чем ты описываешь, и я, наверное, приеду, устроюсь у твоей двери и буду выть, пока тебе не полегчает.

Если в субботу ты еще будешь в Уэлине, мы бы могли приехать, но тебе, боюсь, лучше отдыхать. Моя бедняжка, ты – невезучая распутная кошка.

Я еще напишу, только дай какую-нибудь весточку.

Даже фото нет, чтобы порадоваться, но в следующем письме, надеюсь, будет.

Береги себя.

Твоя Воробушка

86: Вайолет Дикинсон

[Июнь 1903] Гайд-парк-гейт, 22

Моя Вайолет,

то, что с тобой произошло, чудовищно. Я ужасно зла, а ты, бедняжка моя, теперь вынуждена лежать целых десять дней, да еще в такую жару. Уж лучше бы это случилось со мной, чем с тобой. Я бы смогла спокойно жить, лежа на спине, но ты, работяга, это ненавидишь. Пожалуйста, береги себя и выздоравливай как следует.

Кто-нибудь из нас придет в понедельник или вторник. Наверное, это будет вечная Воробушка, которая навязывается всем подряд, но при этом осознает свою чужаковатость. Сегодня мы навязываемся Кэти, и я чувствую, что это, пожалуй, чересчур. К тому же, видит Бог, мне и самой нелегко. Судя по всему, Китти там боготворят: по вечерам все сидят у нее в спальне, а днем она, скорее всего, беспрестанно обсуждает с Кэти какие-нибудь теории. Представляю, как Элис²⁶⁷, леди Бат, Кэти и Беатриса будут сидеть кружком – величественные аристократки, каковыми они и являются, – и не останется даже местечка для находчивой, но абсолютной мешанки – литературной Воробушки. Впрочем, деваться некуда.

Я не могу выразить свое переживание по поводу твоей спины. Судьба – беспощадная кувалда, которая вечно промахивается по тем, кого как раз следовало бы хорошенько треснуть по голове, зато ударяет по самым чутким и нежным созданиям вроде моей Вайолет. Как бы я хотела заслонить тебя своей неотесанной тушей.

Я напишу тебе, как мы пережили этот визит. Сейчас у меня ощущение, будто мне снова одиннадцать и я иду на детский праздник.

Отдыхай и ни о ком не думай, кроме себя, хотя, если хочешь, можешь поворошить в памяти ту нежную привязанность, которую питает к тебе Воробушка.

Твоя Воробушка

87: Вайолет Дикинсон

[Июнь 1903] [Гайд-парк-гейт, 22]

Моя Вайолет,

---

²⁶⁶ Вайолет повредила спину.

²⁶⁷ Леди Элис Шоу-Стюарт (около 1863–1942) – сестра леди Беатрисы Тинн и Кэти, леди Кромер; жена сэра Хью.

вот бы твое письмо пришло вчера до восьми вечера, тогда мы смогли бы заехать к тебе по дороге в Сент-Олбанс²⁶⁸ или на обратном пути. Это было настоящее паломничество. Действительно ли тебе лучше? Верится с трудом, и мне неприятно думать, что ты лежишь там совсем одна, бедная зверушка, хотя мы могли заглянуть. Неужели рядом нет кого-то из Крамов?

Могу я приехать во вторник? Хотя, боюсь, ты будешь окружена толпой.

Вчера все прошло легче, чем я думала. Сначала были только Кэти и Беатриса: Кэти распласталась на траве, словно фрагмент древнегреческого храма, а Беатриса – живая горгулья! Леди Роберт [Нелли Сесил] тоже там была. Эта миниатюрная дама сидела в сторонке; она ничего не слышит если только не кричать ей прямо в ухо, а это довольно затруднительно. Я рассказала им о тебе. Уж лучше бы я сама повредила спину и смотрела, как эти красавицы ахают, всплескивают руками и восклицают: «*Дорогая, любимица всей Англии!*» – и это еще мягко сказано. Но тебе ведь нравится твоя Воробушка? (обрати внимание, какой насыщенный здесь цвет чернил, но это вышло само собой). У Кэти поразительная способность подчинять себе все вокруг то так, то этак и при этом оставаться такой же естественной и простой, как всегда. И все же мне нравятся великие дамы, особенно когда они еще и богини. Грациозной Кэти не назовешь, разве что в манерах, но красота неопишуемая.

Ну так что, приезжать мне во вторник? Черкни хоть строчку, моя Вайолет, или попроси это сделать миссис Крам! Очень надеюсь, что тебе лучше.

Твоя Воробушка

88: Вайолет Дикинсон

[30 июня? 1903] Гайд-парк-гейт, 22

Моя Вайолет,

ты слишком далеко, чтобы тебе писать. к тому же ты вела совершенно непристойную тайную переписку, которую я решительно осуждаю. В самом деле, не стоило тебе читать тот литературный опус²⁶⁹. Он вовсе не предназначался для чужих глаз, по крайней мере в столь сыром и откровенно неприличном виде. Я писала его урывками в Чилворте, причем в сентиментальном настроении, которое просочилось в текст, а терпения переписывать у меня нет. В общем, если бы я с утра пораньше садилась и как следует работала над текстом, получилось бы гениальное произведение, а так тебе приходится выжимать из себя похвалу. Бедняжка Вайолет. Думаю, литературные советы – штука очень щекотливая. Разумеется, я, как и любой писатель, была бы признательна за критику, и чем она откровеннее, тем лучше. Мне всегда кажется, что я бы могла писать талантливее, если бы прикладывала усилия или что-то еще, чего я никогда не прикладываю. Это очень интересная тема, особенно для тебя.

От тебя я получила лишь немного каракулей. Купи себе хорошую бумагу такого же формата, как эта.

Я тут пыталась подлатать наши отношения с тетей Минной после конфликта, и все вдохновение ушло на письмо ей²⁷⁰. Да и жарница стоит невыносимая.

Сегодня вечером мы идем на танцы. Даже представить себе не могу кого-то менее танцевального, чем Том [Фишер]. Когда ты уже вернешься в объятия своей Воробушки? Китти неизменно холодна и модна; с головы до ног в белом, она рассказывает истории об аристократах, но смысла в них нет, в этом-то и смысл. Впрочем, как ты говоришь, она хорошая женщина

²⁶⁸ Леди Кромер арендовала дом в городе Сент-Олбанс, графство Хартфордшир.

²⁶⁹ Это произведение не сохранилось, однако Вирджиния продолжала свои «литературные опусы», представлявшие собой описания людей и событий своей текущей жизни. Летом 1903 года она написала целую серию таких упражнений и отправила их Вайолет Дикинсон (см. № 111); все они опубликованы в томе ранних дневников (см. ВВ-Д-0).

²⁷⁰ По-видимому, это письмо не сохранилось.

и т.д. и т.п. Я начинаю писать что-то нравоучительное, а потом забываю, чем хотела закончить. Чувствую, Несса тебя увлекла, а я лишь подбираю крошки, упавшие с ее стола (получилась не шутка, а какая-то тухлятина).

Мир – тяжкое бремя. Думаю, к старости я честно заслужу себе местечко возле моей Кенгуру. От жары отцу нелегко, но он на удивление бодр, пишет, с удовольствием общается и временами выглядит так хорошо, что в это даже не верится. Все словно застыло, ничего особенного не происходит, а мир будто живет дальше.

Приезжай сюда, когда будешь в Лондоне. Дружба – вот к чему подвязана виноградная лоза моей жизни. Я бы могла подобрать еще много прелестных фраз, но сегодня днем Господь, по-видимому, не счел нужным меня вдохновлять. Несса сказала, что твой «муж» [брат²⁷¹?] уехал – ну, хоть что-то хорошее.

Семейство Бат, как у них водится, испарилось, исчезло, словно фейерверк. Беатриса предпринимала отчаянные – точнее, судорожные (именно это слово я имела в виду, и она во всем такая) – попытки либо напроситься к нам в гости, либо позвать нас к себе, но стоит только бумаге и перу встать между Тиннами и миром, как повисает тишина. Я думаю о тебе с нежной тоской. Даже на твоих каменных глазах навернулись бы слезы при виде Кенгуренка, который тычется всюду носом, высматривая твое письмо, а его все нет. Передавай почтительный поклон Хестер [Литтелтон] и скажи, что я часто думаю о Чижике²⁷² и о том, что он значил для нас обеих! Увы... Недавно я встретила одну добрую солидную лохматую женщину по имени мисс Талбот [неизвестная]. Так и хотелось ей сказать: «*Будьте моей Кенгуру!*» – но она бы не поняла.

Чертова жарница! Мои кенгуровые лапки липнут к бумаге, пока я пишу, и почерк выглядит судорожным. Напиши мне и скажи, что ты меня любишь, родная. Больше мне ничего не нужно. Я питаюсь одной только привязанностью!

Твоя Воробушка

89: Вайолет Дикинсон

[Июнь/июль 1903] Гайд-парк-гейт, 22

Дитя мое,

я с радостью приеду в пятницу, но меня огорчает, что твои дела заржавели. Тут нужна преданная Воробушка, готовая хорошенько тебя облизать, – бедный зверек.

Думаю, фунт – разумная цена за «Святое государство»²⁷³. Мой экземпляр растрепался, и в нем есть рукописные пометки, поэтому стоил он недорого. Привезу с собой и книгу, и каталог букинистов. Сказать мне нечего, но я все равно продолжаю писать, лишний раз доказывая, что я тоже могу портить чистые листы, как и жалкий газетный писака, коим мне, похоже, и суждено стать.

Ты бесчестная Критиканша, раз копируешь чудинки своей Воробушки. Любой дурак может исписать пол-листа, но кто еще сумеет уместить на нем столько чистейшей горячей привязанности, как я? И никто это не ценит, всю мою жизнь люди только и делают, что подражают да насмеваются. Не могу выдать из себя ни строчки: голова одурманена запахом мимозы, охапки которой прислала какая-то дама из Нью-Йорка – поклонница отца.

²⁷¹ Освальд Иден Дикинсон (1868–1954) – младший из двух братьев Вайолет. Возможно также, что имеется в виду Уолтер Крам (см. № 77).

²⁷² В оригинале использовано слово «Goldfinch» (в пер. щегол, чиж или английская золотая монета, гиней или соверен). Известно, что имеет в виду Вирджиния и почему пишет слово с большой буквы (возможно, очередное прозвище), но больше его нет нигде во всем ее творчестве, за исключением одного эссе, где оно использовано в прямом значении.

²⁷³ «Святое государство и светское государство» – книга (1642) английского церковника и историка Томаса Фуллера.

Крам ведет себя ужасно. К нам она не приходит, что весьма подозрительно, зато, по твоим словам, устраивает тайные встречи у себя дома.

Скажи Беатрисе, что Ротенштейн²⁷⁴ попросил разрешения написать портрет отца; он будет приходить сюда и работать, так что мы перемоем ей косточки.

У тебя есть корсет?

Сегодня утром я пыталась распилить свой, но не смогла. Вот же клетка условностей – наша жизнь! Корсеты наводят на массу ярких размышлений, но письма имеют свойство заканчиваться.

Вот я уже исписала все листы, и теперь, поняв, каково это, ты больше не станешь подражать Воробушке.

Оближу тебя нежно.

Твоя Воробушка

90: Вайолет Дикинсон

[Июнь/июль 1903] [Гайд-парк-гейт, 22]

Моя Вайолет,

передай эти деньги «мужу». Тут около двенадцати [пенсов]. Я бы оформила почтовый перевод, но на один шиллинг он бы выглядел жалко, а на четыре с половиной – наверняка вернулся бы обратно, как в случае с Беатрисой. Пожалуйста, поблагодари его от меня. Я ехала домой как герцогиня, и у меня даже осталось два пенса на угощение и на цветы, с которых еще не опал ни один лепесток.

Мелкий Ротенштейн приходил писать портрет отца. Сказал, что во многих отношениях леди Беатриса Тинн – самая поразительная женщина из всех, кого он встречал. Мол, когда она входит в комнату, у тебя словно расправляются крылья, а в определенном свете у нее греческий профиль и т.д. и т.п. Не передавай ей, хотя даже часть подобного комплимента пошла бы на пользу этой старой твердолобой особе.

Кругом святотатственный хаос: моя коробка открыта, стоит рядом и ждет, когда на дно положат нечто плоское и бесценное. Как думаешь, что это будет? Неиссякаемый источник радости. Действительно чудесная фотография...

Последние два дня отец чувствует себя не очень хорошо. Опять появились выделения, и это его напрягает, но на деле все не так уж плохо. Он очень бодр.

Твоя Воробушка

91: Вайолет Дикинсон

[7? июля 1903] Гайд-парк-гейт, 22

Моя Вайолет,

вот бы ты написала мне и рассказала, чем занимаешься. Ты вообще собираешься в Лондон? Лето мчится к концу, и тогда мы не увидимся еще целых два месяца. Удивительно, какие вулканы ты пробудила в душе Воробушки, которая прежде была весьма спокойной. Знаю, ты сейчас сидишь у чьей-то постели, физической или духовной. Такая уж у тебя жизнь, и Всевышний, похоже, не дает тебе заскучать.

---

²⁷⁴ Сэр Уильям Ротенштейн (1872–1945) – английский художник, гравёр и искусствовед; директор Королевского колледжа искусств в 1920–1935 гг.

Отсылки к религии на последней странице просочились или плюхнулись сюда благодаря одной толстой кузине [Доротее Стивен], красной как помидор, когда она спорит с Тоби о христианстве. Он пытается доказать, что в ее душе еще есть нечто живое, а у нас, мол, все атрофировалось. Только что она отыскала Библию, к которой ее, по-видимому, привел инстинкт (или даже чудо), и прочла нам вслух псалом. Там было что-то о спасении от пса и о внутренностях²⁷⁵. Мы стараемся выглядеть так, будто сидим на проповеди в церкви. Адриан окончательно пал духом. Теперь она вещает, гнусявя, возвышенно и с пафосом. Ах, моя Вайолет, какая же каша – этот мир.

Не знаю, действительно ли что-то меняется, но отец, по-моему, заметно ослаб. Он и сам это чувствует, но молчит. Да и что тут скажешь.

Мы ходим по всяким малоприятным приемам. Воробушка явно не душа общества. Стоит себе в углу, а в водоворот ее никогда не затягивает. Метафоры Доротее прорастают в моих мыслях. Сейчас она вещает о тайне беззакония [греха], прячась за Библию, которую держит в двух очень пухлых красных ладонях, будто пророчица в вуали. Я благодарю Бога за изобретение железной дороги: ее последний поезд уже скоро.

Ты здорова, моя Вайолет? Преодолеваешь свои горести? Единственной причиной, почему я еще верю в Бога, является ощущение, будто внутри живет нечто, что вырастает и перерастает все прочее, а в остальном все это, по-моему, чепуха.

Узнала, что умер лорд де Вески²⁷⁶.

Китти сегодня в Сент-Олбансе.

Напиши мне хорошее письмо, если не приедешь. У тебя дар слова есть.

Твоя Воробушка

92: Вайолет Дикинсон

[22 июля 1903] Гайд-парк-гейт, 22

Моя женищина,

прошла почти неделя, а от тебя ни слуху ни духу. В пятницу мы с Нессой и Адрианом едем в Кембридж, чтобы купить мебель для его новых комнат²⁷⁷ и устроить пикник у реки. Он смиренно просит, чтобы ты тоже приехала. (Удивительное все-таки чутье у нашей семьи, раз она цепляется за тебя!) Может, ты и правда приедешь? Но если это слишком хлопотно, просто выбери для встречи другой день. Мы не видимся больше месяца, и это очень тяжело для близости вроде нашей.

Тут еще Китти принеслась на автомобиле с желтым, как брюхо осы, кузовом (машина леди Элис [Шоу-Стюарт]), с ней была Вайолет Сесил [Милнер]; Нессу окутало их шелковым коконом, и теперь мы почти не видимся. Знаю, ты счастлива заниматься своими растениями и живностью, но тебе бы следовало ухаживать и за одним особенным существом по кличке Воробушка.

Напиши, когда приедешь или когда мы еще встретимся.

Мы уезжаем [в Солсбери] 31-го. А ты когда приедешь? Джорджи приедет 18-го и пробудет две недели.

Звать ли нам в этом году леди [Беатрису] Тинн или лучше оставить ее с Кэти?

²⁷⁵ Вероятно, речь о Псалме 21.

²⁷⁶ Достопочтенный Джон Роберт Уильям Визи, 4-й виконт де Вески, 5-й барон Кнаптон и 1-й барон де Вески (1844–1903) – англо-ирландский пэр и офицер британской армии. Он умер 6 июля, и поэтому, вероятно, редакторы оригинального издания предположили, что письмо Вирджинии написано на следующий день.

²⁷⁷ Адриан жил в Тринити-колледже Кембриджа с октября 1902 года.

Отец без особых изменений. Сиделка говорит, что сейчас ему чуть лучше. Доктор Сетон не приходил уже месяц.

Собираемся пить чай на террасе в Вестминстере. Надеюсь, это последняя из наших светских утех!

Твоя теплая Воробушка

93: Вайолет Дикинсон

[23 июля 1903] [Гайд-парк-гейт, 22]

Моя Вайолет,

ты звучишь немного подавленно. Надеюсь, это не так, а иначе что станет со всеми этими выюнками и цепкими созданиями, которые выбрали тебе своей опорой? Мир не стоит и ломаного гроша, уж в этом я совершенно уверена. Приезжай в понедельник и порадуй нас всех. На самом деле мы самая веселая семья в Кенсингтоне. Остальное заглушает шум. Последние два дня отец чувствует себя удивительно хорошо, и совершенно не верится, что болезнь постепенно прогрессирует, но потом вдруг ему становится очень плохо. Впрочем, думать об этом бесполезно, и создатель, к счастью, не наделил нас этой способностью – ну, почти не наделил.

Ты-то здорова? Или кости твои ржавеют? А Крамы как?

Жаль, что я не вышла замуж за Крама хотя бы ради сожителства с тобой. У тебя по меньшей мере десять мужей и жен (и детей, но это звучит неприлично, так что забудь), и еще один Кенгуренок (единственный).

В понедельник ты, скорее всего, застанешь здесь верную Сноуден. Самая что ни на есть обыденная трагедия: после трех лет жизни в Лондоне она возвращается в свою провинциальную семью в Харрогит [Северный Йоркшир]. В каком-то смысле это и правда трагедия, но в ее случае не особенно романтическая.

У нас все прекрасно: завтра с утра мы едем в Кембридж, и какое же это будет блаженство – выбраться за город. Я представляю Солсбери как нечто древнее и сонное, без светских приемов и бесед. Хотя Фишеры вроде бы тоже собираются приехать (кажется, я это уже говорила): кто-то сдал им дом в Клоуз. А может, они и не приедут.

В любом случае приедешь ты. 12-е – это довольно близко к дате приезда Джорджи (он будет 18-го), но я не сильна в числах.

Береги здоровье, будь счастлива и веди себя хорошо.

Твоя Воробушка

Кенгуренок

94: Эмме Воган

[24 июля 1903] Гайд-парк-гейт, 22

Дорогая Жабница,

надеюсь, твое горло уже в порядке и ты можешь говорить при открытых окнах, а благословенная, ореолом венчанная Марни не подхватила болезнь, иначе вы будете как две Клары [Патер]. Мы провели день в Кембридже, покупая мебель для новых комнат Адриана в колледже и съели больше мороженого, чем я помню со времен «Herbert & Jones» [?]. Теперь жду последствий. У нас был финальный скандал с Доротеей, и лично я ощущаю триумфальную победу. Мы знатно поссорились! Я пригласила ее и Пернель Стрэйчи²⁷⁸ на чай в [переплетную]

---

²⁷⁸ Джоан Пернель Стрэйчи (1876–1951) – четвертая из пяти сестер Литтона, языковед, преподавательница французского

мастерскую и умышленно упомянула в разговоре *леди Стивен*²⁷⁹. Это сильно ее задело. Доротея побагровела, словно старый обожравшийся чиновник, схватила тарелку с крекерами, припасенными для ее прожорливой вместительной пасти, и яростно начала метать их в меня один за другим – было довольно больно. А потом эта рассвирепевшая фурия пригрозила запустить в меня клубникой, если я не возьму свои слова назад. Конечно, я отказалась, и она исполнила угрозу, перепачкав все мое белое платье (расскажи об этом Марни). Когда снаряды закончились, она поднялась, затрубила, как слониха, и погналась за мной по комнате. Я визжала от смеха, но это разозлило ее еще сильнее. Тогда она загнала меня в угол и начала лупить, пока я не сказала, что ей опасны физические нагрузки в такую жару и что она ведет себя как бешеная корова. После этого мы утихомирились и за весь обед не проронили ни слова; потом она попрощалась и ушла. Возможно, мы больше не увидимся. Англии станет легче без нее, это уж точно. Вот как надо обращаться с родственниками (ничего личного, но ты же знаешь, что я инстинктивно не причисляю тебя и Марни к этим Фишерам и Доротеям).

От Фишеров больше ничего не слышно. Боюсь, молчание означает, что встреча все же состоится. Передай Марни, что мы были у Лабальмондье [*неизвестные*] и не знали там ни единой души, но миссис Л. была прелестна, как старинный французский портрет. Сегодня пришла новая партия пластинок, выбранных Адрианом, – сборная солянка: Бах²⁸⁰, Шуман²⁸¹, «Washington Post»²⁸², «Похоронный марш» из «Саула», «Пинафор»²⁸³ и «Мессия»²⁸⁴. Разнообразие нам очень даже по душе, потому что все наши слуги вечерами сидят под открытым окном гостиной, пока мы слушаем музыку, и, как мы выяснили опытным путем, если поставить танцевальную, их раздражение исчезает, а комната наполняется визгом; потом мы умирняем их сентиментальностью «Саула» или усыпляем скукой Шумана, но лучше всего – когда они молчат. Это послание напоминает, по крайней мере своей длиной, письма Доротеи о христианстве. Они с Тоби до сих пор спорят в переписке. До нас дошли слухи, что среди индусов, во всяком случае их лучших представителей, наметилась тревожная тенденция перенимать у англичан привычку к единоженству. Мы-то считали, что у Доротеи с ее красивой бледной плотью есть все шансы стать, например, четвертой женой, однако старая буйволица вернулась в родные дебри, и об этом пока можно забыть.

У меня на полке стоит фотография Марни – словно святая дева, которой я молюсь. Она придает моей комнате утонченность, как лаванда в ящике для белья!

Надеюсь, ты поправилась и тебе больше не нужен доктор Смолфут [*неизвестный*].

Твоя Коза

95: Вайолет Дикинсон

[Конец июля 1903] Гайд-парк-гейт, 22

Моя женщина,

похоже, подлая суета не позволит нам приехать в ближайшие дни. Мне нужно порыться в библиотеке, и на это уйдет несколько часов, еще прикупить одежды, черт бы ее побрал, а в четверг мы уезжаем. Но ты ведь уже получила трогательное приглашение навестить нас и примешь его, если любишь свою Воробушку (а ты любишь и не смей это отрицать). Почему ты

языка, директриса Ньюэм-колледжа Кембриджа.

²⁷⁹ Имеется в виду Мэри Стивен, мать Доротеи.

²⁸⁰ Иоганн Себастьян Бах (1685–1750) – немецкий композитор, органист, капельмейстер, музыкальный педагог.

²⁸¹ Роберт Шуман (1810–1856) – немецкий композитор, педагог и музыкальный критик.

²⁸² Марш (1899) американского композитора Джона Филипа Сузы (1854–1932).

²⁸³ «Корабль Ее Величества “Пинафор”» – комическая опера (1878) Артура Салливана и Уильяма Гилберта.

²⁸⁴ «Саул» (1738) и «Мессия» (1741) – оратории Георга Фридриха Генделя (1685–1759).

не назвала свой дом Эдемским садом?²⁸⁵ Подумай хорошенько – плюсы очевидны. Во-первых, это звучит благочестиво, а во-вторых, как бы связывает тебя родством с почтенной ветвью Адама. Адриан тарабанит оперы на пианино [пианоле?], а Несса и Тоби обсуждают Господа Бога. Я вчера ходила на «Призыв каждого»²⁸⁶, но актеры играли ужасно. Господь Бог был в очках и с бородой.

Твоя Воробушка

[Джанет] Кейс заканчивает письма словами *«искренне ваша»*. Боже, разве это не торжество разума над материей.

Она прислала мне счет, и в нем были ошибки, так что я написала ей: *«Поправки бесполезны. Просто расставлю восклицательные знаки»*, – и усыпала ими всю страницу.

Разве это не остроумно?

96: Вайолет Дикинсон

[Август 1903] Нэтэрхэмптон-хаус, Солсбери

Моя Вайолет,

все в порядке, мы добрались. В компании сиделки отец доехал с комфортом. Сегодня он очень устал и почти все утро спал в кресле, но ему, похоже, здесь нравится. Сиделка считает, что его комната и условия в целом – лучшие из возможных.

Для нас это идеальный дом, просторный и уютный, а сад, если бы еще потеплело, выглядит восхитительно. В моем полном распоряжении есть огромный выбеленный чердак. У Нессы превосходная комната. По-моему, у местных жителей отличный вкус.

А ты-то как, моя Вайолет? Напиши и расскажи. Твои короткие записки – настоящая отдушина, и ты, пожалуй, единственная, кто пишет так же, как говорит. Скоро я тоже еще что-нибудь нацарапаю – на свежем воздухе у меня не выходит писать связно.

Сегодня будут Джордж и Тоби, завтра – Сьюзен [Лашингтон], а Вайолет когда?

Твоя фотография стоит у меня на полке.

ABC

97: Вайолет Дикинсон

Среда [август 1903] [Нэтэрхэмптон-хаус, Солсбери]

Моя Вайолет,

твоя телеграмма принесла огромное облегчение. Только береги себя, не рискуй и следуй всем предписаниям врачей.

После твоего визита мы все чувствуем себя морально, умственно и физически лучше. Такая вот у нас отдушина. Сиделка говорит, что очень рада возвращению мисс Дикинсон, и пригласить тебя было *«превосходной идеей»*, как сказала эта разумная женщина. С тех пор как ты уехала, мы с ней дважды говорили подолгу – таковы плоды твоего пребывания у нас! Кажется, ей понравились наши беседы: мы обсуждали все на свете и весьма сблизились. Теперь я буду заходить к ней каждый день и жалею только, что не начала раньше.

---

²⁸⁵ Вайолет была родственницей поэтессы и романистки Эмили Иден (1797–1869), дочери 1-го лорда Окленда, и в 1919 году подготовила к публикации ее письма. Фамилия Иден (Eden) на английском пишется так же, как слово Эдем.

²⁸⁶ Английское моралите XV века, аллегорическая пьеса о смерти и Страшном суде; автор неизвестен.

Она сказала мне – не знаю, в утешение или из уверенности, – что, по ее мнению, именно перфорация [кишечника] и станет причиной конца. Говорит, непрекращающееся кровотечение означает, что опухоль растет в этом направлении.

Сегодня он очень слаб и теперь, когда остались только мы с Нессой, больше говорит о своем состоянии. Отец пытался прогуляться со мной, но, дойдя до конца сада, так устал, что пришлось вернуться; он стонал и твердил, что чувствует себя просто ужасно. Но больше ничего не было – я имею в виду, он не стал ни о чем спрашивать. Мне кажется, он все понимает, хотя и не знает фактов.

Он спросил: «*Как думаешь, я нравлюсь Вайолет Дикинсон?*» – и обрадовался, как ребенок или Воробушка, когда я ответила «*да*». Я сказала, что тебе понравился ваш разговор, и он сам, по своей воле, сказал, что ты замечательная женщина. Ну и кокетство.

Только что пришла телеграмма: завтра придет Ронни Норман. Он хороший молодой человек и не будет досаждать, так что это не особенно важно. Старушка Беатриса написала пространное письмо с отказом от визита, потому что не может взять с собой Кэти, но мы попытаемся уговорить ее приехать на следующей неделе. Фишеров пока нет – боюсь, все указывает на их приезд завтра, но воспоминания о моей ненастоящей тетушке [Вайолет Дикинсон] остаются счастливым фоном этих событий, как и всех прочих. Я обращаюсь к ним, когда устаю, и, утомленная, нахожу покой²⁸⁷. Сиделка – настоящая находка; удивительно, какой слепой страусихой бывает порой Воробушка. Помнишь тот эпизод с ней и ее близкой подругой в первые дни? И как все это расцвело теперь (хорошая мысль приходит опосля, как ты понимаешь)!

Твоя Воробушка

97а: Леди Роберт Сесил (Нелли)

[Лето? 1903] Гайд-парк-гейт, 22

*Дорогая леди Роберт*²⁸⁸,

Несса принесет эту книгу [?]; думаю, вам будет приятно получить ее, хотя, конечно, она тяжеловата для чтения, если вы нездоровы. Попросите Нессу рассказать, о чем она. Мы постоянно говорим о книгах отца, как о Шекспире, не особенно их читая. Однако эту я все же прочла, и она, по-моему, хороша.

Ванесса не дает мне написать письмо как следует: она ужасно спешит.

*Искренне ваша,
Вирджиния Стивен*

98: Вайолет Дикинсон

Воскресенье, 30 августа [1903] [Нэтэрхэмптон-хаус, Солсбери]

Моя Вайолет,

ты ядовитая рептилия – всего один лист для наперсницы, и это после того, как я велела тебе купить побольше бумаги для меня! И ничего о твоей ужасной спине. По словам Нессы, она слишком вытянута, чтобы принести хоть сколько-то пользы этому миру. Однако мы надеемся, что она еще пригодится. Когда в следующий раз будешь писать, вложи в письмо немного

²⁸⁷ См. Ветхий Завет. Книга Иова, 3:17.

²⁸⁸ Поначалу Вирджиния обращалась к леди Нелли Сесил именно так, но уже к октябрю 1903 года стала называть ее просто по имени. Таким образом, приветствие указывает на то, что это письмо было написано вскоре после их знакомства. Впрочем, это не объясняет, почему редакторы оригинального издания решили поместить письмо, отправленное с Гайд-парк-гейт, 22, между двумя письмами к Вайолет Дикинсон, написанными в Солсбери.

нежности, как сахара в крепкий чай. Я всегда так делаю. Наверняка ты погрузилась в печаль, а все твоё внимание занимает Нелли. Упрямая старушка Беатриса окончательно отвергла наше приглашение, сказав, что не может оставить мать [леди Бат] и тетку. Мне все-таки кажется, что в последний момент она струсила от одной только мысли о встрече со Стивенами. Не представляю, как Беатриса может утешать кого-то на Манчестер-сквер – я бы точно не стала обращаться к ней за утешением в том доме и в такой ситуации. Её сочувствие было бы судорожным, и я буквально имею в виду мышечные судороги. Впрочем, если мы действительно скоро уедем, времени на её визит не осталось – может, оно и к лучшему.

С тех пор как ты уехала, нас терзает нашествие самцов: Ронни Нормана и одного индийского кузена, не говоря уже о Джеке и Джеральде. Норман – настоящий сухарь. Половину радостей и прелестей жизни он уже вычеркнул, а остаток дней проведет в ужасном самоограничении. Попомни мои слова. Я всегда это предсказывала.

Несса ответила тебе по поводу твоих планов. Я тоже пыталась, но мой литературный стиль захлебнулся и задохнулся, и я пришла к выводу, что письма – это обман, но что же мне делать, когда придется писать торговцам, ведь я жена бедного викария и мать шестерых детей, рожденных за три с половиной года? Побегу на ближайшую почту и телеграфирую Вайолет!!! В сущности, этим я и занимаюсь здесь.

Кстати, я тут выяснила, что у сиделки, хотя ей всего 29 лет (мне казалось, что 39), огромный опыт и талант к нескончаемым разговорам. Я регулярно заглядываю к ней и сажусь на кровать, или она приходит к нам, и мы болтаем вплоть до следующего приема пищи. Вот закончу это интересное, очень интересное, письмо и пойду к ней. Несса, наверное, уже написала тебе об отце – впрочем, особых изменений нет, хотя, полагаю, со стороны заметней, что он ослаб. За все это время кровотечение ни разу не прекращалось и, кажется, даже усилилось. Конечно, он переживает об этом, но почти не говорит. Вчера мы вместе ездили в Бемертон и Уилтон. Думаю, ему понравилось: он вышел, чтобы отыскать памятник Джорджу Герберту²⁸⁹, и несколько минут гулял в садах Уилтона²⁹⁰, но все же он очень слаб. Бог его знает, что мы будем делать по возвращении, ведь Лондон пуст, а отец слишком слаб, чтобы выходить из дома. Впрочем, все это обычно разрешается каким-то непостижимым образом. Веселого мало...

Мы с радостью выходим из дома и почти весь день проводим на свежем воздухе, хотя дождь мешает сидеть в саду, но я прекрасно понимаю, что сейчас очень важно дышать им, и даже настаиваю на этом, ведь я женщина, у которой немало власти.

Когда приедешь, останься подольше. Те два дня были сущим хаосом.

Твоя Воробушка

99: Эмме Воган

30 августа [1903] Нэтэрхэмптон-хаус, Солсбери

(наш адрес)

Дорогая Жабница,

ты мне сегодня приснилась, и это побудило написать тебе. Мы встретились в Лондоне, и ты сказала: «*Наконец-то лето закончилось*», – что и скажешь, наверное, через месяц при тех же обстоятельствах. Однако лето – это напрасная фантазия наших сердец: с тех пор как мы приехали, почти каждый день льет дождь, и ураганный ветер мы теперь называем хорошей

²⁸⁹ Джордж Герберт (1599–1633) – английский поэт-метафизик, автор духовной лирики, англиканский священник, настоятель церкви в деревушке Бемертон, расположенной в миле через поля к северо-западу от Нэтэрхэмптона.

²⁹⁰ Вероятно, Уилтон-хаус – поместье графов Пембруков в Уилтшире, построенное в 1649 году (см. ВВ-Д-0, 1903 г.).

погодой. Сегодня и то и другое – жалкое воскресенье. Потом ты растаяла в воздухе. Марни что-то говорила о твоём велосипедном туре, и, если это правда, я фактически теряю надежду когда-нибудь снова тебя увидеть. По возвращении в Лондон я собираюсь держаться четырех стен, иначе сама исчезну. Интересно, не встречала ли ты в своих странствиях мисс Хикман²⁹¹. Сейчас ее можно увидеть повсюду в Англии. Наша сиделка очень этим взволнована. Она знает и госпиталь, и итальянский квартал, где сама как-то раз заблудилась. Но к тому времени, как ты получишь мое письмо, если вообще получишь, шумиха уляжется.

А вот Фишеры более постоянны. Для нас они своего рода источник развлечения. Я видела Аделину и Ральфа на вокзале в день их приезда, но Аделина так уставилась, что я молча прошмыгнула мимо. Я не собираюсь делать шаги навстречу. Затем – ни звука в течение десяти дней, пока тетя Мэри не написала: «*Неужели я вас так и не увижу?*» Тогда мы с Нессой нанесли ей визит, и это была чрезвычайно гнетущая встреча. Эти Фишеры и Эдем бы сделали непригодным для жизни. Тетя Мэри сидит за квадратным столом на жестком стуле с прямой спинкой и пишет; в камине тлеют дрова, которые уже не разгорятся; снаружи моросит дождь. Один красный диван без подушек, а в центре комнаты стоит накрытый скатертью стол, как в приемной у Фэрбенкса²⁹², с разбросанными тут и там книгами. Неудивительно, что, выглянув в окно, мы увидели Герви, растянувшегося ничком на одеяле в центре газона. Эмми, в черных очках и трауре, была в дурном настроении и едва ли проронила хоть слово. Немытый и растрепанный Чарльз тоже был в черных очках и т.д. и т.п. Они пробормотали что-то про чай, но мы сбежали и остаток дня чувствовали себя вялыми и подавленными. Они были у нас дважды. Оба раза я их не застала, а 10-го они уезжают.

Вероятно, мы вернемся 18-го: отцу здесь не очень удобно, и ему не терпится домой. Интересно, где ты сейчас. Кажется, тебе эта погода как раз по вкусу. Мы каждый вечер бродим по грязной дороге, а под ногами плюхаются черные жабы, но из любви к тебе мы их щадим (если честно, мне бы вообще не хотелось кого-то раздавить, так что это сказано лишь ради красного словца). Как там наша святоша Марни? Похоже, она вполне счастлива одна в Лондоне и действительно наслаждается Хокстоном. Думаю, история с оспой была лишь отговоркой. Напиши и расскажи, что нового. Как там Падстоу²⁹³; появятся ли вскоре на свет новые Воганы²⁹⁴; как поживают Ишемы и какие у тебя планы?

С любовью, ABC

100: Эмме Воган

2 сентября [1903] Нэтэрхэмптон-хаус, Солсбери

Дорогая Жабица,

несомненно, нас связывает некий дух. В воскресенье вечером я сидела и писала тебе письмо, а потом вдруг сказала, вернее, меня вдруг осенила, и я будто услышала, как мне на ухо нашептали: «*Прямо сейчас тебе пишет Жаба*». Я чуть было не вставила эту фразу в письмо, но подумала, что тогда это точно неправда, – вот до каких суеверий я докатилась.

Но ведь правда странно: после шести с лишним недель молчания мы одновременно и без всякой на то причины решили, что именно сейчас нужно написать друг другу. Уже несколько дней у меня была смутная мысль написать тебе, но в воскресенье это стало необходимостью – бог его знает почему. Надеюсь, эта замерзшая старушка Марни пришлет нам подробный и

²⁹¹ София Хикман, врач больницы «Royal Free Hospital», пропала 15 августа 1903 года. В октябре того же года ее разложившееся тело было найдено в Сидмутском лесу Ричмонд-парка среди рододендронов.

²⁹² Мистер Фэрбенкс – зубной врач, принимавший по адресу Джордж-стрит, 18.

²⁹³ Город в Корнуолле, где остановилась Марни Воган.

²⁹⁴ Имеются в виду дети Уилла и Мадж Воган.

яркий отчет о Падстоу. Ты туда поедешь? Как там Джон [Ишем]? Я знаю, с кем ты собираешься ездить верхом – еще один пример духовной связи, – и ее имя начинается с буквы «В»!²⁹⁵

От Фишеров ни звука, лишь Чарльз на днях заглянул к нам и выглядел так, словно только что вылез из постели – впрочем, все они сейчас так выглядят. Извини за этот неграмотный и судорожный текст. Кажется, у меня начинаются писчие судороги и паралич мозга. Поцелуй за меня тротуары Кенсингтона, но не то чтобы я хоть капельку хотела их снова увидеть. Возможно, ты встретишь Тотти и Клару [Патер] в их красных плащах: они как раз должны вернуться, поскольку их летние хвори обычно загоняют обоих обратно в город и к врачам аккурат в первую неделю сентября. Полагаю, ты сейчас совершенно счастлива, вдыхая воздух Хай-стрит. Впрочем, радоваться жизни можно и так, как я: сидя и глядя на струйки дождя по стеклу. У нас здесь есть леди-пони, которая, полагаю, давно миновала детородный возраст. Это разочарованная особа без амбиций терпеть не может холмы и едва не врезается во все попутные возы с сеном. Я езжу с отцом, и, как только нам навстречу кто-то едет, он вырывает у меня поводья, я роняю кнут, и мы врезаемся в живую изгородь под дикий хохот местных крестьян! Не исчезай, чем бы ты там ни занималась. Похоже, половина лондонских женщин сходит с ума.

Интересно, не пишешь ли ты мне сейчас? Ну, теперь, когда я это озвучила, конечно же, нет.

Твоя Коза

101: Вайолет Дикинсон

[19? сентября 1903] Гайд-парк-гейт, 22

Моя Вайолет,

вот мы и вернулись. Сиделка говорит, что отец менее утомлен, чем она ожидала, и он, безусловно, необычайно счастлив снова быть дома. Как оно будет дальше, я не знаю. Сейчас все довольно мрачно, мы сидим тут и ждем без всякой возможности выбраться, даже просто выйти из дома. Думаю, все же вернемся к обычному распорядку.

Я написала тебе «коллинза»²⁹⁶, но забыла его отправить, так что оно уже немного запоздало, хотя тебе оно все равно покажется своевременным, а еще загадочным и нежным. Я не зачитывала твое письмо Нессе, и мы договорились, что твои письма подпадают под те же правила, что и письма Сноу: никто, кроме адресата, не должен их читать. Так что не стесняйся, обнажай свою костлявую грудь и тот потухший вулкан, который у тебя зовется сердцем. Как там Нелли? Как твоя спина?

У меня в голове сегодня ни одной мысли, отчасти потому что ужасно уныло снова быть в Лондоне; кажется, будто мы уехали только вчера, а в доме к тому же бардак и хаос. Джек внизу разговаривает с Нессой, Воробушка что-то строчит за своим голубым столом, а через полчаса будет большой семейный ужин. Такие вот дела, как, впрочем, и много лет подряд.

Китти вдруг осознала, что отец болен, и пишет Нессе очень нежные письма. Она хорошая женщина и все такое, и я знаю, что ради Нессы она готова на все и действительно многое делает, но в итоге все равно выходит, что между ней и Воробушкой нет того, что можно было бы назвать родством душ. Ее отношение к происходящему почему-то вызывает у меня раздражение, хотя, по сути, так относятся все, и только моя Вайолет говорит нужные слова и действительно чувствует то, что нужно. Джордж больше ничего не говорит, но почти каждый день спрашивает, как, по нашему мнению, чувствует себя отец – словно преданная собака, – и

²⁹⁵ В оригинале указана буква «W», поэтому не вполне ясно, о ком идет речь. Возможно, Уилл Воган.

²⁹⁶ Ироничное обозначение приторного благодарственного письма после визита, названное по имени персонажа из романа Джейн Остин «Гордость и предубеждение».

все равно не слушает наших ответов. Джордж, в общем-то, человек добрый, готовый помочь чем угодно, но умел бы он еще выражать свои чувства. Он подходит к отцу и спрашивает, как тот себя чувствует, а отец отвечает, что как обычно, и тогда Джордж с сияющим видом идет к нам. Зато он отдал нам свою комнату и все милые безделушки, а это многое значит.

Мое письмо, которое Китти назвала бы проявлением литературного темперамента, чертовски эгоистично... Но мне плевать! Придется тебе смириться с этим, моя бедная Вайолет.

Твоя Воробушка

Только что пришло твое письмо, не очень-то теплое.

102: Вайолет Дикинсон

[Конец сентября? 1903] [Гайд-парк-гейт, 22]

Моя Вайолет,

нет времени на достойные или даже недостойные письма, какие я обычно пишу, но эти ручки ты должна получить немедленно, потому что Воробушка хочет еще одного послания. Твои письма как запах нечестивых фиалок²⁹⁷ на моей тарелке за завтраком, тех самых, что растут в неосвященной части кладбища, где меня однажды и похоронят.

Здесь тоже безупречно жаркое солнце, но нет, пожалуй, времени года печальнее этого. Китти говорит: «*Ерунда*». А мне оно всегда навевает мысли о смерти и увядании.

Твоя Воробушка

103: Вайолет Дикинсон

[Конец сентября 1903] Гайд-парк-гейт, 22

Моя Вайолет,

напиши и заставь лентяя Крама тоже мне написать, пусть расскажет, как ты себя чувствуешь. Уверена, ты чертовски больна и все это время скрываешь. Ради Бога и Воробушки (редкое сочетание), береги себя и расскажи, что случилось. Это я говорю совершенно серьезно.

Вот самая важная часть моего письма.

У нас тут был разгул семейства Тинн. В один прекрасный день в гостиную объявились Кэти и Беатриса. Там было полно других людей, и мы оторопели, но каким-то образом Кэти вписалась в нашу компанию. На вид она уставшая, но все равно очень красивая; в ней уже видна печальная усталость от будущего материнства.

Сегодня мы пообедали на Манчестер-сквер, чтобы встретиться с Кэти, но она так и не пришла. Бог знает почему, но добиться внятного объяснения от Беатрисы просто невозможно²⁹⁸. Мы молча пообедали с леди Бат и Беатрисой в окружении трех лакеев, все молчали, только собаки в углу грызли наши куриные косточки, а на запястье у леди Б. тикали часы «Waterbury». «*Никто меня не хвалит*», – сказала Беатриса. От нее порой и правда наворачиваются слезы. Моя Женщина, ты счастлива или же костлява, колюча и лохмата? Хотела бы ты почувствовать носик Кенгуренка у себя на груди? Скажи «*приди*», и я приду; скажи «*уйди*», и я уйду – «*и она последовала за ней на край земли*»²⁹⁹. Хотела бы я лучше знать Святое Писание. Как ты понимаешь, это цитата (весьма уместная) из Руфи. Мирские сети стягиваются вокруг

---

²⁹⁷ Игра слов: имя Вайолет буквально означает «фиалка».

²⁹⁸ 29 сентября 1903 года у леди Кромер родился ее единственный ребенок, Ивлин Бэринг.

²⁹⁹ Вирджиния путает или намеренно смешивает два библейских фрагмента – из Руфи (1:16) и от Матфея (8:9).

нас. На следующей неделе начнутся занятия с мисс Кейс и в Академии тоже, но, может, мне как-нибудь приехать к тебе? Скажи суровое «нет» – мне будет наплевать.

У нас здесь, в общем-то, все по-старому. Медленно, но верно близится неизбежное. Думаю, мы как-нибудь справимся, но времена тяжелые, и ничто этого не изменит.

Одно хорошо: Джеральд поговорил с Нессой и всецело принял нашу сторону, говорит, что мы, разумеется, должны уехать из этого дома, а себе он хочет снять отдельное жильё³⁰⁰. Полагаю, он давно об этом думает. Сказал, что чувствует, будто они с Джорджи старше нас на целое поколение, а мы должны устроить собственную жизнь. Считает, что нам нужно снять небольшой дом, быть может, в Блумсбери и жить вчетвером. Собирается уговорить на это Джорджи.

Спокойной ночи, моя Вайолет. Поверь, я утыкаюсь в тебя своим носиком, мягко и утешительно, а ты просто поправляйся.

Твоя Воробушка

104: Вайолет Дикинсон

[Конец сентября 1903] Гайд-парк-гейт, 22

Моя Вайолет,

вот твое письмо. Если хочешь, читай его с лупой, а потом верни и признай, что я была абсолютно права. И что же бедная Воробушка могла поделать в этих обстоятельствах? Я действительно не смогла извлечь горничную и Язык, и три фунта золота из этих материалов [*неизвестно, что имеется в виду*].

Вчерашний день стал большим облегчением, телесным и духовным. Если бы я жила в твоём коттедже, то, наверное, сделалась бы святой.

Пожалуйста, постарайся внушить своему «мужу», чтобы он даже словом не обмолвился о возможных переменах [о переезде] в нашей семье. Если Джордж или Джеральд узнают о слухах, они придут в ужас и только все усложнят. Джеральд очень просил нас ни с кем это не обсуждать, пока он не уладит все с Джорджем.

Разумеется, не имеет никакого значения, что ты поговорила об этом с «мужем»: знаю, он ничего не скажет, просто я вечно страдаю от своей неосмотрительности! (Бедная Воробушка!)

Твоя Воробушка

105: Вайолет Дикинсон

Пятница, 2 октября [1903] Гайд-парк-гейт, 22

Моя Вайолет,

интересно, как ты выдержала дорогу. Я думаю и о твоих бледных щеках, и о боли, которая все это время не проходила, и о длинных сутках в пути. Впрочем, теперь ты там³⁰¹, и это уже неплохо. Ради любви к Воробушке возвращайся гораздо более здоровой. Ненавижу, когда ты болеешь.

Это жестокий мир, а я в чертовски скверном настроении. Надеюсь, ты не против бранных слов, неразборчивого письма и вообще всего дурного. У нас тут бесконечные визиты людей, преисполненных сентиментальности; они явно не знают, что говорить, и несут всякую чушь. Почему в этом мире нельзя быть простой и прямолинейной – вот что мне интересно. Я всегда

---

³⁰⁰ Они ожидали, что Лесли Стивен умрет в течение нескольких недель или месяцев.

³⁰¹ Вайолет уехала в Италию и находилась в городе Бордигера.

говорю то, что думаю, даже если я со своим кенгуровым носиком похрюкиваю, повизгиваю и распускаю когти, но все равно ведь говорю. И я далеко не святая. Жизнь была бы куда проще, если бы с нее содрали фасад: весь этот треп, притворство, сантименты и т.д. и т.п. Вот почему мы с тобой ладим, разве нет? (Здесь ты должна растрогаться.)

А теперь к делу, моя Вайолет. О Кэти новостей нет, только записка от Беатрисы в тот вечер, когда мы виделись с тобой. Она пишет, что у Кэти и ребенка все хорошо и что приятно слышать детский голос. Я о таком не думала, но разве это, то есть ребенок, не скovyрнет каких-нибудь застарелых наростов Беатрисы? Думаю, да. Полагаю, этот мрачный дом несколько оживится, и, слава богу, ребенок еще не успел перенять манеры Батов. Как думаешь, у его колыбели будут дежурить два лакея? Джеральд проезжал мимо тебя в Париже; пока никаких разговоров, разве что Несса и Тоби сидят и планируют его карьеру (да, с буквой «у»!³⁰²). Вот это и вызывает жалость, будь она проклята. Я терпеть не могу воспринимать жизнь всерьез, строить планы, думать о деньгах и будущем, но приходится. Тоби хочет стать юристом, и я уверена, что так оно и будет. Мои занятия с Кейс возобновились, как и учеба [Нессы] в Академии. Бедняжка Вайолет, сколько же сухих подробностей тебе приходится выносить. Скажи мне честно: тебе лучше, хуже или как? Помни, что у женщин, которые близки, есть тонкий инстинкт, беспроводная телепатия – сущий пустяк, конечно, но благодаря этому чувствуется малейшая ложь, а я знаю, что ты испытываешь на самом деле, даже если не пишешь об этом. Надеюсь, и у тебя со мной такая же связь, ибо я даже не стараюсь сейчас писать грамотно. Джон Бэйли не одобрил бы. Хестер вернулась? А Маргарет Литтелтон³⁰³? Джордж всецело поглощен Элси [Карнарвон], но только как сын матерью. Думаю, Дакворты по натуре склонны к сдержанным отношениям (Джон [?] бы вычеркнул это предложение). Для них мы всегда сестры и матери, но не жены.

Сиделка зашла за книгой и спросила, как у тебя дела, а потом добавила: «*Мисс Дикинсон была бы прекрасной сиделкой: она такая волевая, бескорыстная и практичная*», – это ее точные слова, а ведь такую похвалу она приберегает только для избранных. Помнишь тот день во Фритэме на заре наших отношений? Я тогда сказала: «*Я бы хотела, чтобы вы за мной ухаживали, если я заболею*». Разве это не было пророчески, интуитивно? Как и многое в нашей жизни.

Моя Вайолет, как ты? Не люблю письма с глупыми вопросами, а повторы – признак слабости, но ответь же мне, повторяю я вновь.

Нравится ли кухарке за границей? Должно быть, у нее богатое воображение.

Мне все время снится лондонская больница, в которой я как будто медсестра, хотя из всех моих возможностей эта наименее вероятная.

У нас мало что изменилось, но царит какая-то ужасная печаль, если можно так выразиться, хотя, казалось бы, грустить не из-за чего.

Моя Вайолет, береги себя.

Твоя Воробушка, АВС

106: Вайолет Дикинсон

Воскресенье [начало октября 1903] Гайд-парк-гейт, 22

Моя Вайолет,

боюсь, тебе придется ждать писем, ибо я не сразу поняла, что с почтой проблемы. Впрочем, и сказать-то особенно нечего. Кажется, отец неуклонно слабеет: он все меньше читает или

³⁰² Непередаваемая игра слов: в оригинале использовано слово «сагеет» (карьера), и Вирджиния шутит, что в нем две буквы «е», а написанное с одной («сагет»), оно означает сиделку или того, кто ухаживает за больными.

³⁰³ Маргарет Люси Литтелтон (1882–1970) – дочь Мэри Кэтрин Литтелтон. Она помогала матери в «Guardian».

разговаривает и все больше лежит с закрытыми глазами или спит. Одна из перемен в том, что он хочет видеть людей, так что недавно у нас была Беатриса, а еще мистер [Вернон] Лашингтон.

Надеюсь, по мере того как слабость будет усиливаться, он станет меньше тревожиться о деньгах и собственной беспомощности. Последние два-три дня он очень подавлен. Разумеется, они [врачи] говорят, что «*особых изменений нет*», но сиделка считает, что он слабеет; в остальном нам ничего толком сказать не могут, а мы и не спрашиваем.

Беатриса приходит регулярно – верная старушка. Не знаю, насколько это из чувства долга, но думаю, что ей здесь интереснее, чем на Манчестер-сквер, и ее присутствие уж точно скрасило нам эти длинные унылые дни. Тоби и Адриану нравится, что она рядом.

Китти меня злит: она ни разу не заходила, зато пишет сочувственные записки, а теперь уехала на неделю на север, так и не объявившись. Конечно, у нее есть оправдание, но глупо повторять, будто она не приходит, потому что от нее, мол, нет никакой пользы. А что, от кого-то есть? Можно просто сесть и поговорить. Она странная особа, но я злюсь. Кажется, Нессу это задевает.

Впрочем, через несколько дней приедет Сноуден, и Несса будет по-настоящему рада ее увидеть – ну и вкусы же у нее! И Джек тоже зайдет, и Беатриса, как обычно, а скоро вернется и моя Вайолет, которую мне хочется увидеть больше всего.

Сегодня вечером мне не пишется, но я должна сказать: мы немного поговорили с Д. и Д. о будущем, и Джеральд заявил, что собирается от нас съехать, а Джордж – что останется в любом случае. И оба согласны, что Блумсбери – лучший вариант. Джордж был столь необычайно чуток и участлив, что забываешь, как он умеет раздражать – думаю, теперь мы поладим.

Какое эгоистичное письмо!

Мы, как кроты, живем под землей, и внешний мир будто померк, но мы в его гуще.

Прощай.

Твоя ABC

107: Вайолет Дикинсон

[11? октября 1903] Гайд-парк-гейт, 22

Моя Вайолет,

боюсь, тебе не понравится этот лист бумаги, но такова уж воля Божья. Ты прислала мне очень хорошее письмо. Как и подобает честной женщине. Как считаешь, это грамматически правильно? Пишу с трудом: мой электрический свет мигает, будто у него *пляска святого Вита*³⁰⁴, а все потому, что провод перетерся, но бедная Воробушка трудится в поте лица (еще ни один кенгуренок так не потел за свою добродетель). Сегодня я надела кальсоны и фланелевые штаны небесно-голубого цвета с подтяжками – очень гигиенично, но как же жарко! С меня сошло семь потов, и кожа ужасно раздражена. К этому вообще можно привыкнуть? Мало того, меня уговорили купить элегантное черное пальто, которое, по-моему, было рассчитано на даму с ребенком, то есть на беременную. К тому же оно очень толстое, стоит колом, как броня, и ужасно тяжелое, а кальсоны как власяница, которую надевали на голое тело в знак покаяния.

Моя Вайолет, как твоя спина? Лучше, хуже или так же? В любом случае скажи честно и, ради Бога и Воробушки, береги себя. Ты скорее счастлива или несчастна, или что-то среднее? Думаешь ли ты о Воробушке с радостью и нежностью? Ты правда сильно ее любишь? Ты для меня как скала среди зыбучих песков Китти и Сноу.

---

³⁰⁴ Устаревшее название хорей – синдрома, характеризующегося беспорядочными, отрывистыми, нерегулярными движениями, сходными с нормальными мимическими движениями и жестами, но более вычурными и гротескными, часто напоминающими танец. Хорея чаще наблюдается в детском и юношеском возрасте у страдающих ревматизмом.

Мы недавно заходили справиться о Кэти. *«Ее светлость чувствует себя очень хорошо, и ребенок тоже»*, – должно быть, это все, на что способны их странные порывистые умы. Надо попытаться заставить Беатрису до ее отплытия в Египет. Китти сейчас в самом центре политики – в Бирмингеме с Джо [Остином Чемберленом] и Милнером³⁰⁵. У нее голова кругом от всех этих теорий. Джордж перешел в Казначейство, получил прибавку и стал главным секретарем³⁰⁶. Когда мы сегодня утром спустились к завтраку, в холле стоял гигант – казначейский курьер с важными письмами из кабинета министра, настолько срочными, что это не могло подождать даже до понедельника. В подобные моменты Джордж аж светится от своего мирского счастья. А Воробушка пришла к печальному эгоистичному выводу: она дура. Мне никогда и ни за что не постичь всех этих цифр и фактов, тогда как остальные свободно о них говорят. Ты в этом что-нибудь понимаешь? Британские мозги питаются фактами и расцветают на голых данных, а мне этого не дано. Думаешь, я буду глупой писательницей?

Несса позеленела, услышав про твоего «мужа» и Сарджента. В следующем месяце они увидят его в Академии. Кейс пунктуальна, как часы. На самом деле она приятная женщина и иногда даже обнимает Воробушку! Что касается сиделки, она прекрасна. Покупая цветы, она всегда приносит и нам по букету. Приходит в любое время, даже когда я в постели, и болтает без умолку. Никогда не слышала, чтобы кто-то говорил так много (письма Воробушки тоже болтливы). Она опрятна, здорова и адекватна. Кажется, она тебя обхаживает – и не только словами.

Отец, по-видимому, слабеет: после нашего возвращения он ни разу не выходил на улицу, разве что на порог как-то раз. Сейчас он заканчивает «Гоббса»³⁰⁷. Есть еще несколько маленьких работ, которыми он сможет заняться после. На днях отец сказал старой квакерше-сестрице, что чувствует себя гораздо слабее прежнего, не понимает, в чем дело, но спрашивать у сиделки не хочет. Ему нравится, когда к нему заглядывают люди, чтобы полчаса поболтать, но большую часть дня он чувствует себя очень усталым. Говорит, что не боится умереть в одиночестве, но хотел бы чаще видеться с детьми. Думаю, он понимает, что мы выросли и можем говорить с ним на равных, а еще ему хочется увидеть, какими мы станем. В этом смысле отцу, наверное, тяжело, но мне кажется, что не очень.

С Джорджем и Джеральдом мы почти не говорим; они изумительная парочка. Один ужин с ними – и смеха на десять дней вперед. Меня забавляют их характеры. Боже, до чего же они нелепы: Джеральд немного ревнивый, а Джордж – паинька, которого уже вознаградили за добродетель. Если я когда-нибудь напишу роман, оба они будут всецело запечатлены. *«Мне всегда говорили, что Джорджу стоило быть дипломатом, а я думаю, что и сам бы стал отличным дипломатом»*, – говорит Джеральд и ждет нашей реакции. Джордж всерьез объясняет ему, что в доме дипломатов мужчина должен вставать и открывать даме дверь! Для него такой дом – это Пикстон [дом леди Карнарвон].

Все это ужасно многословно и не особенно интересно. Дождь льет денно и ночью – думаю, для тебя такая погода была бы плоха, так что не возвращайся сломя голову, как тоскующий по дому ребенок. Там очень паршиво? Не с кем поговорить и нечем заняться? Но если к зиме ты вернешься с окрепшей спиной, оно того стоит. Завтра иду покупать золотое перо: мои старые ужасно мучают меня, да и все пальцы в чернилах. Как считаешь, у меня хороший почерк? Мне и правда нужно одобрение.

Почему бы тебе не увидеться с Нелли? Она чудесное создание, и в этом мире нет никого похожего на женщин ее круга и круга Вайолет: они – все то, о чем мы, бедные писатели, пыта-

³⁰⁵ Согласно оригинальному изданию – некий Джордж Милнер; биографические сведения не найдены.

³⁰⁶ Джордж Дакворт оставался секретарем Остина Чемберлена, которого назначили канцлером Казначейства.

³⁰⁷ Имеется в виду последняя работа Лесли Стивена, посвященная английскому философу Томасу Гоббсу (1588–1679).

емся писать и не можем. Красиво же сказано, правда? Прощай, моя Вайолет, и благослови тебя Господь.

Твоя АВС

108: Вайолет Дикинсон

[Конец октября 1903] Гайд-парк-гейт, 22

Моя Вайолет,

мы долго шли по Бонд-стрит, сбились с пути и в итоге узнали, что последняя лекция состоялась еще во вторник, а завтра лекции не будет вовсе. Ты глупая женщина, раз выдумываешь лекции, которых нет!

Тоби очень благодарен тебе и с радостью заглянул бы в гости. Однако судьба вручила ему билет на открытие парламента – он пойдет в пиджаке и светлых брюках и будет скорее похож на негра с брайтонской набережной, чем на кого-либо еще. Может, ты придешь к нам на чай и приведешь мисс Маргарет Литтелтон? Это будет один из тех ужасных моментов жизни – полчаса агонии в беседе с незнакомыми девушками. Зачем ты на этом настаиваешь? Ей тоже не понравится, и мы будем тарашиться друг на друга, как дикие звери в клетке.

У отца все по-прежнему. Температура снова немного поднялась. Сиделка считает, что ему стало хуже.

Твоя АВС

109: Вайолет Дикинсон

Среда [октябрь/ноябрь 1903] Гайд-парк-гейт, 22

Моя Вайолет,

это всего лишь чертовские каракули вроде тех, что присылаешь мне ты, а сказать особенно нечего. Нежности? Целые горы. Ты звезда, вернее, комета, что вечно блуждает во тьме. Сразу после нашего расставания я получила крепкую дозу концентрированного родства – двухчасовую лекцию от маленькой жеманницы [Аделины Фишер], которую ты, должно быть, помнишь еще со встречи на станции в Солсбери. Она говорит, что мы не проявляем желания видаться с родней, которая теперь обижена и впредь нас не побеспокоит. Мол, раньше все было иначе и т.д. и т.п. В примирениях я совершенно бесполезна: у меня драчливый характер, так что я ушла, сделав все еще хуже, чем было. Среди прочего Воробушку обвинили в том, что она возводит интеллект в ранг божества и сваливает бремя мира (а оно, как выяснилось, состоит из родственных чувств) на плечи других! Ну и что мне было возразить? В какой же пучине эмоций мы живем! Сегодня опять приходила Квакерша, слезливая и вечно говорящая невпопад. Завтра она опять явится. Всем теперь велено не задерживаться дольше пятнадцати минут, что, по-моему, просто прекрасно. Дольше отец гостей не выносит, как бы ни был к ним привязан, а большинство из них и вовсе укладывается в десять минут.

Китти вернулась окрепшей. Сегодня вечером возвращается Джек, так что у любимой Нессы снова полны резервуары, хотя это и не слишком удачная метафора. Пишу в страшной спешке, чтобы успеть на почту, как ты бы сказала.

Шляпа удалась? В пансионате царит все тот же дух? (Эти два вопроса никак между собой не связаны.)

Сиделка слегка запинается, когда просит передать тебе слова любви, но все же спрашивает, когда ты снова к нам приедешь. О, она тоже любит читать нотации. Мол, Воробушка

думает только о самосовершенствовании и никогда ничего не делает для других. Думаешь, это правда, моя Вайолет? Если да, не отвечай.

В воскресенье мы идем навестить Кэти и младенца³⁰⁸. Все думаю: стоит ли вообще затевать такие жуткие визиты?

Ты довольна, моя Вайолет? Весела? Нежна? И любишь ли ты Воробушку?

Твоя АВС

110: Вайолет Дикинсон

[Октябрь/ноябрь 1903] Гайд-парк-гейт, 22

Моя Вайолет,

ну и удивительная же ты женщина – все простужаешься и простужаешься. Уж лучше прижми к груди Воробушку! У отца был довольно тяжелый, утомительный день после беспокойной ночи, но, похоже, никто не придает этому особого значения.

Тоби просит узнать, когда ему лучше всего прийти к тебе, чтобы посоветоваться насчет прогулки, на которую он собирается в воскресенье где-то возле Уэлина. Он согласен на любое время до субботы. Говорит, твой характер ему весьма интересен. Теперь Тоби изучает людей так, словно он в судейской мантии, а они дают показания³⁰⁹. И постоянно твердит мне: «*Формулируй точнее, что ты имеешь в виду*», – а я-то как раз гениально умею говорить все, чего отнюдь не имею в виду. Китти засиделась, обсуждая политику целых полтора часа. Я бы больше доверяла ее идеям о том, как поставить Империю на ноги, если бы они были прямо противоположны тому, «*что думает Лео*» (она всегда начинает этими словами).

Если завтра ты будешь плохо себя чувствовать, Воробушка заглянет проведать тебя, хотя твой дом и кишит распущенными герцогинями.

Это Маргарет Литтелтон заразила тебя простудой вчера вечером? Если бы я сидела рядом с ней в театре, у меня бы тоже кости свело ревматизмом. Джордж надевает в театр белые перчатки и говорит: «*Эту привычку я перенял в Париже*». Париж – родина дипломатии, поэтому следовать тамошней моде – значит быть утонченным, даже если эта культура еще не добралась до нашей отсталой страны.

Не вижу ни малейшей причины заканчивать это восхитительное письмо. Мне нравится писать тебе всякую чепуху, словно пускающий слюни младенец. Кстати о младенцах: всякий раз, когда я нахожусь в общественном месте, например в омнибусе или на Пикадилли-Серкус, мне непременно хочется выболтать один факт о миссис Крам.

Прощай, моя Вайолет. Шли за мной гонца с цепью, как только я тебе понадобится. Сейчас я, кстати, пользуюсь немалым спросом. Меня позвали провести вечер на Монпелье-сквер [в дом Китти Макс], но я ответила: «*Нет, у меня другие дела*», – хотя на самом деле их не было, но именно так, по-моему, и набивают себе цену, а уж ты-то знаешь, что все Воробушки наперечет.

Твоя АВС

Не забудь про Тоби.

У меня такая хорошая ручка, что я просто не могла остановиться писать.

111: Вайолет Дикинсон

---

³⁰⁸ Ивлин Бэринг (1903–1973) – сын леди Кромер, впоследствии губернатор Южной Родезии, Верховный комиссар по Южной Африке и губернатор Кении.

³⁰⁹ Закончив Кембридж, Тоби всерьез подумывал податьсь в адвокатуру.

[Октябрь/ноябрь 1903] Гайд-парк-гейт, 22

Дитя мое,

письма дошли, все в порядке. Что ж, раз ты такая чуткая, я пришлю тебе почитать свои рукописи³¹⁰.

Ты поправились? Пишешь карандашом, а это в глазах наперсницы может означать, что ты на одре страданий. Искренне надеюсь, что нет. Не ударил ли тот концерт по твоим бронхам? Джордж Элиот³¹¹ смертельно простудилась в Сент-Джеймс-холле, однако у нее не было меховой Воробушки с пылким сердцем и прекрасными, пусть и недостаточно цепкими объятиями, чтобы согреть. Представь только, как это будет печально, трогательно и в то же время божественно по-гречески, если тебя угробит кашель³¹². Мне бы нужно к Салли Янг, но думаю, ты слишком слаба.

Твоя Воробушка

Я питаю к тебе большую привязанность и потому прошу: хорошенько умасли те божественные и природные механизмы, что даны тебе на короткое время, ведь однажды наступит день, когда все тайны тел и душ предстанут пред Создателем.

112: Вайолет Дикинсон

[Осень 1903] Гайд-парк-гейт, 22

Моя Вайолет,

я вернулась только в половине пятого и нашла твое письмо, так что прийти не смогла. Моя бедная старая Зверушка, сколько же выпало бед на долю твоей плоти! Думаю, я приеду завтра после обеда: заняться мне все равно нечем, так что сама не выходи ко мне, если тебе, как я полагаю, этого лучше не делать. Я просто спрошу, как ты. Черт бы побрал все твои невзгоды. Беатриса пробыла у нас два часа и увиделась с отцом, визит оказался удачным. Встреча с Нелли тоже прошла хорошо, но я не могу написать ни строчки.

Твоя ABC

113: Вайолет Дикинсон

[Осень 1903] Гайд-парк-гейт, 22

Моя Вайолет,

можно я приеду к тебе на обед в четверг, в 13:30, обещаю не занудствовать – вот уж скромность! Позже мне не так удобно.

У нас все по-прежнему. У меня совсем нет времени писать: нужно разгрести другие письма, так что все расскажу при встрече. Ты, как водится, готова слушать все на свете!

Твоя ABC

114: Вайолет Дикинсон

---

³¹⁰ Эти небольшие зарисовки-эссе опубликованы в томе ранних дневников (см. ВВ-Д-0).

³¹¹ Джордж Элиот (1819–1880) – псевдоним английской писательницы Мэри Энн Эванс. Она действительно умерла от инфекции дыхательных путей в сочетании с болезнью почек.

³¹² Непередаваемая игра слов: в оригинале использованы омофоны «coffin» (гроб) и «coughing» (кашель).

[Осень 1903] Гайд-парк-гейт, 22

Моя Вайолет,

сегодня утром приходил Ригби³¹³. Он поражен состоянием отца, говорит, никогда бы не подумал, что возможно продержаться так долго. За 5 недель он не обессилел, и если уж на то пошло, то ему даже немного полегчало. Ригби даже предположить не берется, сколько еще это продлится. Конечно, сил у отца не прибавляется, но он может пребывать в таком состоянии довольно долго. Какая же странная жизнь. Иногда нам даруется отсрочка, и так удивительно, почти невыносимо осознавать, что впереди еще месяцы, но в то же время чувствовать облегчение.

Я очень спешу, и мне некогда вдаваться в подробности, но Ригби считает, что стоит попробовать обойтись одной сиделкой – Трэйл всеми руками за. В общем, Маккекни уходит 21-го. У нас будет больше шансов обратиться к ней снова, если мы сейчас отпустим ее, но мне кажется, что без нее будет нелегко.

Какое же ты славное Чудище!

Твоя АВС

115: Вайолет Дикинсон

Вечер воскресенья [осень 1903] Гайд-парк-гейт, 22

Моя Вайолет,

ненавижу писать это письмо, поскольку не хочу тебя огорчать, но знаю, что тебе не терпится все узнать. У отца воспаление: оно началось два дня назад, и сегодня вечером сиделка сказала, что считает его состояние более серьезным, чем думали врачи, и что в любой момент он может потерять сознание. Кроме того, воспаление может перекинуться на почки. Сперва Сетон говорил, что оно пройдет, но лучше не стало, и теперь врачи считают, что это свидетельствует о его распространении. Завтра придет Ригби. Возможно, тогда мы узнаем больше. Конечно, есть вероятность, что воспаление спадет, но мы уже написали Адриану, чтобы он приехал [из Кембриджа], потому что промедление чревато. Боли у отца нет – лишь дискомфорт и небольшой жар. Он лежит в своей комнате и читает; понимает, что ему хуже, но не знает, что воспаление серьезное. Он вполне бодр. Может, он и справится с этим, но я почти желаю, чтобы все уже закончилось. Последние три дня он не выходит из комнаты и, как мне кажется, хочет умереть.

Как только Ригби что-то скажет или будут изменения, я тут же пришлю тебе телеграмму, а до тех пор не вздумай приезжать. Если ему не станет хуже, все пойдет как обычно, и мы не должны сдаваться. Если он умрет, ты единственный человек, кто может помочь, и тогда я попрошу тебя приехать. Он потеряет сознание и проживет без боли всего несколько дней.

Моя Вайолет, все это очень тяжело, но именно ты – моя опора.

Твоя АВС

116: Вайолет Дикинсон

Утро вторника [осень 1903] Гайд-парк-гейт, 22

Моя Вайолет,

---

³¹³ Хью Маллинсон Ригби (1870–1944) – полковник и хирург-консультант.

Ригби только что ушел. По его словам, непосредственной угрозы нет, но изменения могут случиться в любой момент. Говорит, что отец, скорее всего, доживет до Рождества и будет постепенно слабеть. Он осмотрел его и обнаружил, что опухоль сильно увеличилась. Отец должен оставаться в постели и больше не спускаться вниз. Врача придется вызывать каждый день, а то и чаще, поскольку отец нуждается в тщательном присмотре. Ригби придти не сможет, поэтому договаривается с другом [доктором Уилсоном], который живет в Кенсингтоне, а сам он будет навещать нас раз в три дня. Он возмущен поведением Сетона, который и должен был придти ежедневно.

Твоя АВС

Сегодня вечером Адриан уезжает; он не может остаться, и ему все это очень тяжело. Отец увиделся с ним, был рад и даже не удивился. Ригби считает, что отец понимает, насколько болен, хотя сам он ни о чем не спрашивал.

117: Вайолет Дикинсон

Среда [осень 1903] Гайд-парк-гейт, 22

Моя Вайолет,

пишу наспех. Сейчас 11:30 и у нас Китти. Она разглагольствует о своей профессии и ведет своего рода платонический диалог, который я уже давно не в силах понять. У отца все без изменений, сегодня его навещали Ромер³¹⁴ (бедняга даже не знал о болезни) и тетя Энни. Квакерша только что написала в страшном волнении: эту женщину вдруг охватил панический страх, будто отец считает ее «равнодушной», и завтра днем она собирается приехать. Обязательно приходи! Ты нам очень поможешь. Она заглянет к отцу всего на минуту, если вообще заглянет.

Твоя Воробушка

118: Вайолет Дикинсон

[Осень 1903] Гайд-парк-гейт, 22

Моя Вайолет,

полагаю, тебя захватили Хорнеры³¹⁵. Сегодня утром приходил Ригби, и он в восторге от состояния отца: воспаление прошло, и теперь никаких осложнений. Все это главным образом из-за неправильных лекарств Сетона – мерзавец! Разумеется, врачи не могут ничего поделать с его нарастающей слабостью, но, по крайней мере, боли совсем нет, и он стал гораздо бодрее, хоть все равно очень слаб.

Сегодня снова приходила Китти, и Квакерша тоже. В середине разговора отец вдруг сказал ей: «*Не уходи*». Бедняжка поделилась этим со слезами на глазах. «*Ради этого стоило приехать*», – сказала она. Китти мне не по вкусу. Я люблю нечто более пикантное, например, мою Вайолет или даже нескладную старушку Беатрису. И все же она хорошая женщина. У бедного Кенгуренка озябли лапки, иначе бы он писал бойчее. Как там Сара [Литтелтон?]? Кажется, в этом мире одни только болезни да смерти.

---

³¹⁴ Роберт Ромер (1840–1918) – судья и друг Лесли Стивена.

³¹⁵ Фрэнсис Джейн Хорнер (1854–1940) – английская хозяйка, покровительница искусств, мать Кэтрин и Сисели; бывшая соседка Вайолет Дикинсон.

Мне надо написать еще шесть писем – все об отце и т.д. и т.п. Ты не представляешь, как я это ненавижу. Бедные мои старые лапки.

Какое же это утешение – дружба. Моя Вайолет, ты так стараешься ради других, подыскиваешь жилье и вообще много чего делаешь. Вот это и будет иметь значение в следующей жизни, а не уход в живописную обитель здесь!

Твоя Воробушка

119: Вайолет Дикинсон

[Осень 1903] [Гайд-парк-гейт, 22]

Моя Вайолет,

пишу с трудом: очень холодно, а кроме карандаша под рукой ничего нет. Мне уже пора переодеться к ужину. У нас все без изменений. Один день похож на другой. Не знаю, чего ждать. Пришли мне свой адрес, и тогда я напишу тебе настоящее приличное письмо. Береги свою длинную спину. Передай Хестер [Литтелтон] мой сердечный поклон. Мы со Сьюзен и мистером Лашингтоном идем на греческую пьесу. Это своего рода эксперимент: в жизни не оставалась наедине с ней дольше пяти минут.

Твоя ABC

120: Вайолет Дикинсон

[Осень 1903] Гайд-парк-гейт, 22

Моя Вайолет,

приходи завтра, если сможешь. Я не видела тебя уже шесть недель.

Такой сумбур: народ валом валит на чай, и все болтают без умолку два часа подряд, а теперь мне надо переодеться к ужину с Беатрисой и Рэй [леди Бат?]. Сегодня отец вроде бы чувствует себя лучше, но температура по-прежнему выше нормы. Врач не может найти причину и считает, что это из-за токсинов от опухоли, но, по его мнению, сейчас они уже выводятся.

Твоя ABC

121: Вайолет Дикинсон

[Осень 1903] Гайд-парк-гейт, 22

Моя Вайолет,

я не смогла прийти в тот день: Кейс засиделась у нас допоздна. Когда ты приедешь? Хотя, конечно, жестоко таскать тебя через весь Лондон так часто. У отца были два плохих дня, пятница и суббота, но сегодня ему лучше. Он хорошо спал, и врач доволен. Говорит, нам стоит ожидать череды улучшений и ухудшений.

Полагаю, в понедельник утром ты на Манчестер-стрит [лондонский дом Вайолет], однако в приступе рассеянности я взяла твое письмо с собой в ванную, когда пошла мыть руки, и уронила его в кипяток – чернила расплылись, зато привязанность осталась.

Рой родственников. Я уподобляю их всевозможным кишасим тварям и паразитам, но они и правда не заслужили ничего другого. Три утра подряд мне жали руку и пытались выдавить из меня эмоции – безуспешно. Они, конечно, хорошие люди, но было бы милосерднее

держат свои чувства и добродетели при себе. Ты мне нравишься, потому что ты порочна. Совершенно порочна.

Джордж ходил к Талботам³¹⁶. Хотя и епископы, они поют тебе дифирамбы.

Сиделка ведет себя загадочно: в пятницу она дважды вызывала врача, и мы, конечно, подумали, что случилось нечто серьезное, однако она отказалась что-либо сообщать. Тоби сам поговорил с врачом, когда тот пришел, и выяснилось, что снова открылось кровотечение – ничего серьезного, но сиделка решила, что нас это напугает. Можно подумать, раньше она этого не делала, причем без особой на то причины. Думаю, Маккекни научит ее уму-разуму, но нас так и будут держать в неведении.

Твоя Воробушка

121a: Г.А.Л. Фишеру

[6 ноября 1903] Гайд-парк-гейт, 22

Дорогой Герберт,

отец надиктовал мне это письмо для тебя.

Ему определенно стало легче, и врачи считают, что ему удастся избежать боли. Но он, конечно, очень слаб и почти не встает.

Искренне твоя,

Вирджиния Стивен

[*Карандашный текст, написанный почерком Вирджинии*]

Мой дорогой Герберт,

Фордовские лекции³¹⁷ ушли в печать, главным образом по твоей вине. Я слишком слаб, чтобы вычитывать гранки, и возлагаю это бремя на тебя, если ты будешь так добр взяться за них. Там наверняка множество опечаток, но я полагаюсь на твою внимательность. Если какие-то факты вызовут у тебя сомнения, сверяйся с Национальным биографическим словарем. Меня вполне устроит, если ты не станешь копать глубже.

Я знаю, как ты загружен, но уверен, ты выполнишь эту небольшую дополнительную работу; не сомневайся в моей благодарности. Джеральд пришлет тебе гранки.

Искренне твой, ЛС

121b: «Macmillan & Co»³¹⁸

[6 ноября 1903] Гайд-парк-гейт, 22

Уважаемый мистер Макмиллан,

отец практически закончил книгу о Гоббсе еще до болезни. Он попросил профессора Мейтланда³¹⁹ просмотреть машинописную копию и внести необходимые правки. Сейчас он занимается этим, и я попросила его передать рукопись вам, когда она будет готова. Он также будет вычитывать гранки. В настоящее время его адрес: *Даунинг-колледж, Кембридж*. Однако

---

³¹⁶ Эдвард Стюарт Талбот (1844–1934) – англиканский епископ и первый директор Кебл-колледжа в Оксфорде.

³¹⁷ Ежегодный цикл публичных оксфордских лекций по английской или британской истории. Обычно они посвящены определенной теме и включают шесть лекций, которые впоследствии публикуются в виде книги. В данном случае речь о последней книге (1904) Лесли Стивена – «Английская литература и общество в XVIII веке».

³¹⁸ Частное международное книжное издательство, одно из старейших в мире.

³¹⁹ Фредерик Уильям Мейтланд (1850–1906) – английский юрист, историк и писатель; биограф Лесли Стивена.

19-го, а может и раньше, он уезжает за границу, и тогда его адрес будет такой: *отель «Quiney's», Лас-Пальмас*³²⁰, Гран-Канария.

Он знает пожелания моего отца относительно книги, так что, если возникнут затруднения, пожалуйста, обращайтесь к нему.

Искренне ваша, Вирджиния Стивен

122: Вайолет Дикинсон

Вечер субботы [пятницы, 27 ноября 1903] Гайд-парк-гейт, 22

Моя Вайолет,

«Какая жестокая выдалась погода для твоей поездки», – думает Воробушка. Что за жуткая вещь – материнство, к примеру, если даже близость между людьми сулит столько житейских проблем, впрочем, нам оно пока не грозит. Провести день дома у камина – вот уж действительно редкое удовольствие в этом мире. Я уже было начала тебе писать, как вдруг ввалилась Кейс. Она краснеет, как девица (речь не о нравственности), когда я говорю, что пишу тебе, и отвечает: «*Мисс Дикинсон* (вскоре ты станешь просто Вайолет) – *в ее глазах такой разумный взгляд*», – но я не хочу слушать эту чепуху. Все поют тебе дифирамбы. Только что приходила Мадж Воган, сняла твою фотографию с каминной полки и сказала: «*О, я столько о ней слышала!*» – приторно до тошноты. Терпеть не могу подхалимство. Тетя Энни Ричи приглашает тебя на чай. Китти говорит, что ты гений и тут же рассказывает длинную историю про какой-то званый вечер, который ты озарила своим талантом в прибрежной деревушке, а потом еще выдвигает какую-то изящную теорию гениальности, подгоняя ее под твой случай.

Нет, письмо выходит скучным. Не могу написать и трех строк, чтобы кто-нибудь не вошел, причем всегда без веской причины. Мадж просидела у нас с пяти до восьми – целых три часа болтовни в моем кресле. Она странное создание, наполовину дитя, но брак – тяжелое бремя. Она и о Джоне Бэйли³²¹ невысокого мнения. Эти слова наверняка всплывут в обществе Литтелтонов, словно выжженные каленым железом. На днях мы встретили на улице Диану Р.³²², бойкую и румяную, как будто у нее на совести нет ни одного греха, хотя они есть или, по крайней мере, должны быть. Брак Флоры³²³ с Джорджем был бы похож на союз Мадж с Уиллом Воганом. Мадж, устав от светского блеска, умничанья и домашних неурядиц, в итоге выходит замуж за вполне традиционного Уилла, и по меркам брака (Воробушка – всегда скептик) это кажется успехом, хотя лично я сомневаюсь. Флора уже закоснела в своих привычках и едва ли очень скоро решится на такой шаг. В любом случае это письмо следует сжечь сразу после прочтения. Мне было бы тяжело писать, используя только инициалы.

Сегодня вечером мне пишется с трудом. Завтра в десять утра за мной заедет Сьюзен Л. [Лашингтон]. Предчувствую тяжелый день – ох уж вся эта вежливость и белые перчатки, как у Беатрисы. (Каким бы жалким ни было ее платье, она всегда надевает ослепительно белые перчатки.) Зато Адриан и его комнаты радуют глаз. Я испытываю к этому беднягу большую нежность.

Ты попрощалась с Кэти? Полагаю, она сейчас в море или качается в лодке под дождем и ветром с плачущим ребенком на руках.

Мне не кажется, что у Хестер [Литтелтон] и впрямь такой уж приятный характер, как у Воробушки: по крайней мере я так думаю. А ты что скажешь? Эти чернила какие-то разбав-

³²⁰ Город на одном из Канарских островов.

³²¹ Джон Бэйли женился на Саре Кэлин Литтелтон (1870–1942), которую ВВ, возможно, уже упоминала (№ 118).

³²² Кэролайн Диана Розалинда Рассел (1874–1947) – дочь лорда Артура Рассела, аристократка.

³²³ Флора Магдален Изабель Рассел (1869–1967) – аристократка, сестра Дианы. Флора и Джордж были недолго помолвлены, но так и не поженились (см. ВВ «Моменты бытия», «Гайд-парк-гейт, 22»). Флора умерла незамужней.

ленные. У тебя в деревне есть вообще время читать письма? Я тут подумывала взять еще один лист, хотя бог его знает, о чем еще мне писать. У нас каждый день чаепития, до ужаса скучные: приходят в основном именитые джентльмены и сентиментальные дамы. «*Ваш отец выглядит гораздо лучше*» и все в таком духе. Как думаешь, зачем они это говорят? Вся ситуация в целом – настоящее откровение о том, на что способна человеческая природа в плане сентиментальности и бессилия. Кроме тебя, моя Вайолет. Ты стоишь одна, возвышаясь над всем, словно маяк, – вот это удачное сравнение. (Впрочем, многовато тебе комплиментов, Вайолет.)

У отца все по-прежнему. И вот уже конец ноября, завтра ему исполнится 71 год, и именно в этот день много лет назад умерла его жена Минни. Он ни о чем не спрашивает, иногда говорит, что не понимает, о чем речь; почти не думает о смерти или будущем, иначе бы волновался. Сиделка [Трэйл] снова прячется за своей маской – загадочная женщина. Они с Маккекни сидят до половины второго ночи, болтают и пьют чай, но нам – ни слова. Мне кажется, она душевно устала от всего этого, выдохлась. И все же она странная женщина.

Родственников у нас не было, по крайней мере мы их не застали.

Моя Вайолет, у тебя все хорошо? Ты здорова и счастлива в целом? Столь блистательная женщина (не могу выбросить это из головы) просто обязана быть счастливой. Все твои друзья каркают, чтобы ты их накормила, а Воробушка разевает клюв шире остальных. Придешь на следующей неделе? Если так проще, я могу прийти сама.

Твоя АВС

123: Вайолет Дикинсон

[Декабрь? 1903] [Гайд-парк-гейт, 22]

Моя Женщина,

предчувствие подсказало мне, что сегодня ты не придешь. Завтра мы едем в Кембридж, вернемся вечером. Когда ты снова будешь в Лондоне? Это какая-то небесная милость, что с Лэнсом [?] покончено, но как? Твой «муж» в порядке? У нас все довольно плохо, по крайней мере, одно из осложнений вернулось, и от этого отец очень устает и впадает в уныние. Впрочем, говорит он немного.

Сетон утверждает, будто Тривз был уверен, что это осложнение обязательно случится, но тогда он говорил совсем другое.

Какая же, черт победи, милость, что ты не уехала.

Напиши Воробушке.

Твоя АВС

124: Вайолет Дикинсон

[Декабрь? 1903] [Гайд-парк-гейт, 22]

Моя Вайолет,

температура весь день держалась на отметке 101F [$\approx 38,3\text{C}$], а к вечеру опустилась до нормы. Он почти все время спал; в остальном день прошел как обычно. У нас была Беатриса. Мы выходили прогуляться. Не забудь про завтрашний обед, приходи в 13:30 или чуть позже.

Твоя АВС

125: Вайолет Дикинсон

[Декабрь? 1903] Гайд-парк-гейт, 22

Моя Вайолет,

он снова плохо спал этой ночью и сегодня очень устал. Других новостей нет.

Сегодня вечером придет Холдейн³²⁴. Отец хочет его видеть, но говорит, что слишком устал, чтобы принимать кого-то еще.

За окном ревет ветер – думаю, у вас то же самое, – но в остальном день довольно приятный; мы гуляли в Садах.

Твоя АВС

126: Вайолет Дикинсон

[Декабрь? 1903] Гайд-парк-гейт, 22

Моя Вайолет,

хотела написать тебе вчера, но не успела. Перемен нет: ночь у него была неплохая, да и день прошел примерно так же. Отец очень устал и много спит, но, проснувшись, был вполне бодр. Сегодня он виделся с Ромером, а завтра обязательно должен увидеться с тобой. Сегодня приехал Адриан; он гораздо веселее обычного и, думаю, снова похож на себя. В прошлый раз все казалось ему каким-то дурным сном.

Только что написала Хелен Холланд³²⁵ – у меня от этого голова кругом. Письма уже уносят, была рада тебя увидеть.

Кейс просто в восторге. Она считает тебя обаятельной, очень самобытной, честной и хочет встретиться снова и т.д. и т.п.

Твоя Воробушка

127: Вайолет Дикинсон

Вечер понедельника [декабрь? 1903] Гайд-парк-гейт, 22

Моя Вайолет,

перемен, в сущности, нет – впрочем, ему немного лучше, а температура снизилась.

Но мы ничего не знаем и можем только ждать. Возможно, Ригби скажет больше.

Лично я думаю, что он это переживет, хотя понимаю, что лучше бы нет. Сегодня он кажется слабее, но это, конечно, естественно. Лежит в своей комнате, немного читает. Здесь Адриан. Бедный мальчуган ничего не подозревал и теперь страшно расстроен, хотя почти ничего не говорит.

Боже, только бы нам не пришлось ждать еще несколько недель, но, боюсь, именно так и будет.

Как только Ригби что-то скажет, я сразу же отправлю телеграмму. Он-то должен знать больше.

Твоя АВС

Жаль, что ты не приехала раньше. Если кто-то и может что-то сделать, так это ты, но я понимаю, что нам все равно придется продолжить жить как обычно.

---

³²⁴ Ричард Бурдон Холдейн, 1-й виконт Холдейн (1856–1928) – шотландский юрист, философ, влиятельный либеральный, а затем лейбористский политик.

³²⁵ Флоренс Хелен Холланд, урожденная Дакворт, – двоюродная сестра Стеллы, вышедшая в 1895 году замуж за Бернарда Генри Холланда.

128: Вайолет Дикинсон

Понедельник [декабрь? 1903] Гайд-парк-гейт, 22

Моя Вайолет,

сказать толком нечего. Его температура держится на отметке 100F [$\approx 37,8\text{C}$], но, полагаю, к вечеру поднимется. Отец кажется очень слабым и подавленным, не может много читать. Из-за этой непрекращающейся лихорадки его состояние в целом немного хуже, чем было. Сегодня он виделся с сэром Альфредом Лайаллом³²⁶, но больше ни с кем. Думаю, он и не хотел других визитов.

К ужину неожиданно пришла Китти, и сейчас они с Нессой, Тоби и Джорджем обсуждают в гостиной политику – на самом деле она прекрасная женщина! Забавно, как временами она словно возвращается на десять лет назад и вновь становится знакомым человеком, который мне и нравится. Верю, что, останься она у нас дольше, со временем стерся бы этот излишний лоск [Лео] Макса.

Примерно такие письма и пишет Квакерша!

Завтра пришлю пару строк.

Твоя ABC

129: Вайолет Дикинсон

[Декабрь? 1903] Гайд-парк-гейт, 22

Моя Вайолет,

сегодня отец выглядит очень слабым и весь день проводит в постели. Сиделка считает, что он, вероятно, уже не встанет, поэтому мы поставили кровать в гостиной, убрав все лишнее, и, думаю, завтра его туда перенесут. Сегодня температура ниже нормы. По мнению сиделки, он стремительно слабеет. Завтра Ригби приведет своего друга [доктора Уилсона³²⁷]. Вряд ли он скажет что-то новое. Отцу, похоже, нравится мысль о новом враче – я не про Сетона. Он вполне бодр, но провести с ним можно лишь несколько минут, и долго он не говорит.

Уверена, он все понимает.

Несса очень хочет тебя увидеть. Возможно, мы сможем заглянуть завтра днем, однако я не знаю, во сколько Несса освободится, но ей действительно очень хочется. Так что специально не жди, если тебе куда-то нужно, но я почти уверена, что ты лежишь в постели. Как там твой «муж»? Моя Вайолет, ты самое настоящее утешение.

Твоя Воробушка

130: Вайолет Дикинсон

[Декабрь? 1903] Гайд-парк-гейт, 22

Моя Вайолет,

сегодня все плохо. Утром у него внезапно начался озноб, и температура поднялась до 104F [40C], потом снова снизилась, и отец проспал почти весь день. Уилсон не знает, в чем причина – вероятно, это как-то связано с мочевым пузырем, – но говорит, что непосредственной опасности нет. Сегодня вечером отца сильно тошнило, и мы послали за Уилсоном, который

---

³²⁶ Сэр Альфред Комин Лайалл (1835–1911) – госслужащий, историк литературы и поэт.

³²⁷ Биографические сведения не найдены.

только что ушел (23:00). Он сказал, что тошнота может быть обычным несварением или же симптомом какой-то другой проблемы. Сегодня вечером температура – 104,2F. Сиделка считает, что ему очень плохо. Он должен соблюдать исключительно молочную диету. Возможно, им удастся справиться с этим, но ничего определенного сказать нельзя. Они не понимают, что происходит. Уилсон придет завтра, в девять утра. Я пришлю телеграмму с новостями о его состоянии.

Твоя АВС

131: Вайолет Дикинсон

[Декабрь? 1903] Гайд-парк-гейт, 22

Моя Вайолет,

я достала для тебя две косметички.

Ждем тебя завтра в 13:30.

Твоя АВС

На моем столе стоит горшок с цветами, присланный анонимно, но я думаю, что он от тебя. Спасибо. Ты сделала для меня больше, чем я когда-либо заслуживала.

132: Вайолет Дикинсон

[Декабрь? 1903] Гайд-парк-гейт, 22

Моя Вайолет,

не считай меня чересчур сентиментальной, но для меня это покой и отрада – говорить с тобой, и единственное подлинное благо на свете. Думаю, ради этого и происходят все трагедии. Иначе они бы казались бессмысленной пыткой.

Но ты любима мной – вот что я хотела сказать, – и с тобой все меняется.

Твоя Воробушка

133: Вайолет Дикинсон

[Декабрь? 1903] Гайд-парк-гейт, 22

Моя Вайолет,

еще одна очень тяжелая ночь: отец почти не спал, хотя температура была не очень высокая. Уилсон считает, что за последние несколько дней он заметно ослаб и что все симптомы стали серьезнее, но, разумеется, никаких прогнозов дать не может. Впрочем, он довольно бодр и даже немного читает, но не спит. Сегодня ему дадут снотворное.

Сегодня вечером напишу Хестер [Литтелтон], вчера забыла. Я просмотрела номер «Times», но не нашла там твоей лекции. Завтра пойду на Бонд-стрит на своих нежных лапках – ах, какая Воробушка молодец! Здесь проливной дождь. Надеюсь, твой коттедж устоял и все твои дамы с детьми не пострадали. В пятницу у нас ужинала Китти: она пришла уже после основного блюда, причем совершенно неожиданно, и задержалась до одиннадцати с лишним. Пожалуй, мне стоит переменить свое мнение: Китти все больше похожа на прежнюю себя, а потому очаровательна.

Твоя АВС

134: Вайолет Дикинсон

[Декабрь? 1903] Гайд-парк-гейт, 22

Моя Вайолет,

сегодня отец в том же состоянии. Уилсон говорит, что опухоль, возможно, начала распространяться на мочевой пузырь, чего они всегда опасались, или же это просто воспаление, которое пройдет. Точно пока сказать нельзя. Сегодня он выглядит очень слабым, поэтому Уилсон склоняется к мысли о распространении опухоли. Но опасений было уже так много... В любом случае сейчас врачи ничего определенного сказать не могут. Отец испытывает дискомфорт, и ночь была беспокойной.

Напишу завтра. Ты должна прийти в воскресенье.

Твоя АВС

135: Вайолет Дикинсон

22:00 [декабрь? 1903] Гайд-парк-гейт, 22

Моя Вайолет,

Уилсон только что ушел. Говорит, по сравнению с утром изменений нет. Температура поднимается и опускается каждый час, но пульс вроде бы постоянный. Отец чувствует себя вполне комфортно и только что, когда мы пожелали спокойной ночи, говорил совершенно нормально.

Сегодня вечером у нас была Беатриса. Квакерша решила остаться в гостинице неподалеку, надеюсь, всего на одну ночь. Ей явно этого хотелось; она снова увиделась с отцом и осталась довольна, что он ее узнал.

Моя Вайолет, ты так мне помогаешь!

Твоя АВС

136: Вайолет Дикинсон

[Декабрь? 1903] Гайд-парк-гейт, 22

Моя Вайолет,

отец примерно в том же состоянии, ночь была довольно беспокойной, но Уилсон считает, что изменений нет, и ничего сказать не может. Он сказал сиделке: «*Мы даем ему два месяца, если все пойдет хорошо*», – но столько всего уже было сказано, что верится с трудом. По словам сиделки, ничего предсказать невозможно. Боюсь, завтра на ужин придет Джек, а Джеральда и Джорджа как раз не будет. В любом случае приходи: ты хоть какая-то опора для этой дрожащей Воробушки.

Твоя АВС

137: Вайолет Дикинсон

[Декабрь? 1903] Гайд-парк-гейт, 22

Моя Вайолет,

у отца снизилась температура. Сегодня вечером она чуть ниже 101F [$\approx 38,3\text{C}$], но, конечно, может подняться. Он проспал почти весь день и не захотел видеть посетителей. Врачи никак это не объясняют. Уилсон говорит, что отец ослаб, и считает, что ему все труднее вос-

становливаться, но все же думает, что он переживет текущий приступ, если температура снова не взлетит, а это, по его словам, маловероятно.

Береги себя, моя добрая женщина, и почаще бывай на свежем воздухе.

Нельзя сказать, что Беатриса ни рыба ни мясо: она гораздо более эксцентрична!

Твоя АВС

138: Вайолет Дикинсон

22:00 [Декабрь? 1903] Гайд-парк-гейт, 22

Моя Вайолет,

сегодня Уилсон приходил дважды, но говорит, что изменений нет. Этим вечером температура – 103,6°F [$\approx$ 39,8°C]. Уилсон считает, что самые критические часы – раннее утро, и все зависит лишь от того, сколько раз отец сможет их пережить. По его словам, жизненные силы все еще велики, и этой ночью перемен не ожидается.

Китти снова приходила сегодня вечером. Днем я каталась с Беатрисой; она и правда добрая женщина.

Твоя АВС

Жду тебя завтра, но не приходи, если чувствуешь себя слишком усталой.

139: Вайолет Дикинсон

Вечер среды [декабрь? 1903] Гайд-парк-гейт, 22

Моя Вайолет,

у него 100°F [$\approx$ 37,8°C], но врачи говорят, что это не слишком важно. Отец очень слаб, и одному Богу известно, что будет дальше. Долго так продолжаться не может. На самом деле врачи не знают, в чем причина, и, как всегда, противоречат сами себе. Оставайся до субботы, если тебя так просят; мы на удивление спокойны и занимаемся повседневными делами, как обычно. Так гораздо лучше, а непосредственной опасности все равно нет.

Твоя АВС

139а: Вайолет Дикинсон

[Декабрь? 1903] Гайд-парк-гейт, 22

по возвращении Воробушка нашла эту книгу в каталоге, сочла ее знаком свыше, хотя и весьма запоздалым, и теперь шлет ее своей бедной подруге. Впрочем, Господь мог бы и отличиться вкусом при выборе переплета! Если у тебя уже есть свой человек [продавец книг?] в Бате, отправь книгу обратно, как и полагается порядочной женщине; я ее верну. Ох уж эта проклятая благотворительность и умирающие негры. Живи эгоистично, как Воробушка, здоровая, счастливая и дурная.

140: Вайолет Дикинсон

Четверг [декабрь? 1903] Гайд-парк-гейт, 22

Моя Вайолет,

боюсь, твоя простуда усугубляется. Пожалуйста, береги себя и оставайся в постели. У нас никаких изменений: температура у отца держится около 99°F [$\approx 37,2^\circ\text{C}$], но сиделка говорит, что это ничего не значит. Впредь Уилсон будет приходить через день: он считает, что визиты бесполезны и только утомляют отца. Говорит, что тот постепенно слабеет, но все еще отличается удивительной, внушительной силой. Отец весь день лежит, в основном спит, изредка читает, но по-прежнему рад посетителям. Сегодня у него были Ромер и Уилл Воган, а вчера – Китти.

Пожалуйста, не приходи завтра, если есть хоть малейшая причина этого не делать. Сегодня у нас обедала Беатриса. Завтра ты увидишь Нессу и Джорджа.

Твоя Воробушка

141: Вайолет Дикинсон

[Декабрь? 1903] Гайд-парк-гейт, 22

Моя Вайолет,

боюсь, твоя простуда усугубляется, а Беатриса не пришла, так что новостей нет.

У отца все еще держится небольшой жар: весь день ровно 100°F [$\approx 37,8^\circ\text{C}$], – а ночью температура поднимается, но Уилсон, похоже, не придает этому особого значения. Думаю, врачи ожидают еще одного сильного приступа, как первый, но Уилсон говорит, что пока не видит никаких признаков. Сегодня отец очень устал, но принял двух или трех человек. Он проспал почти весь день до самого чая и ничего не читал.

Очень надеюсь, что тебе не так уж плохо. Я совсем не знаю, во что обычно выливаются твои простуды.

Китти уехала. Джек вернулся. Снегопад разошелся. Беатриса сбежала, приходили другие визитеры, бесконечно скучные. В среду Несса, вероятно, вернется к занятиям в Академии, что представляется самым разумным решением, а я возьмусь за свой греческий. Думаю, мы как-нибудь справимся, но это невероятно тяжело. Я и не думала, что придется проходить через такое.

Моя Вайолет, береги себя.

Твоя ABC

142: Вайолет Дикинсон

[Декабрь? 1903] Гайд-парк-гейт, 22

Женщина,

почему ты выбрала вторник? Я не могу отделаться от Кейс, а у Нессы в этот день ее «спутник по жизни»³²⁸, черт возьми. Неужели мы не можем приехать в другое время? В следующую пятницу, например, а еще лучше в среду через две недели. Пошевели своими загубленными мозгами и придумай подходящий вариант, а потом пришли мне расписание поездов. И напиши еще более длинное письмо. Видишь ли, за вычетом расписания и прочего от твоего письма в конце концов остается не так уж много.

Тете Минне я еще не писала. Мы пытаемся открыть здесь студию.

Воробушка

---

³²⁸ В оригинале использовано словосочетание «life man», но не вполне понятно, о ком идет речь.

Как вообще твои дела? Ради всего святого, не выходи замуж. Помни: если все-таки выйдешь, Воробушка станет твоим приданым.

143: Вайолет Дикинсон

Рождество [1903] Гайд-парк-гейт, 22

Моя Вайолет,

сегодня вечером пишу второпях и понятия не имею, когда ты получишь письмо. Отец в том же состоянии, но это очень тяжело. Он хочет, чтобы все уже закончилось, и едва может читать или как-то себя развлечь, но все же вынужден тянуть день за днем. Ему комфортно, и, к счастью, он много спит. Врачи по-прежнему не могут сказать, что будет завтра, и отказываются давать какие-либо прогнозы. Если бы только можно было все ускорить! Но нет смысла это писать, просто на меня иногда накатывает, да и он, полагаю, порой забывает о своем желании.

Беатриса прочно здесь обосновалась – только ей не говори, – но я ее люблю, и она может приходить, когда захочет, и оставаться хоть на весь день. Вчера после обеда мы прогулялись, сегодня она приходила на обед и пробыла у нас до половины восьмого, а завтра снова придет на обед!

И все же она тебя не вытеснит; надеюсь, ты справляешься со своими балами. Рождество здесь прошло спокойно, без особых перемен, и мы возвращаемся к нашей обычной будничной жизни, как будто ничего не случилось и не случится.

Нам надо как-нибудь уехать за границу, прямиком в Италию.

Спокойной ночи, моя Вайолет. Ты стала здесь совершенно незаменимой.

Твоя АВС

144: Вайолет Дикинсон

Понедельник, 28-е [декабря 1903] Гайд-парк-гейт, 22

Моя Вайолет,

отец весь день был очень усталым, а сегодня вечером у него поднялась температура до 100°F [$\approx 37,8^\circ\text{C}$], хотя последние несколько дней она держалась нормальной. Возможно, это ничего не значит – сиделка лишь разводит руками, – но если завтра что-то изменится, я сразу пришлю телеграмму, а если нет, то не тревожься. Он ужасно слаб. Любая мелочь может сильно повлиять, и, по-моему, за последние несколько дней он сильно ослаб.

Только что пришло твое письмо. Будет милостью снова тебя увидеть. Сегодня Беатриса возила нас покататься; иногда она доводит меня до слез. «*Мне нравится, когда меня гладят. Никто меня не гладит*», – говорит она, как ребенок.

Но моя женщина – Вайолет. Кажется, вечность прошла с тех пор, как ты уехала, и много месяцев с начала всего этого, хотя на самом деле только две недели, но никогда еще время не тянулось так медленно.

Не знаю, что случилось с моим запястьем, но я не могу написать и двух букв подряд: все дается мне с трудом.

Береги спину. Мне ужасно жаль, что она снова болит. Скорее поправляйся.

Твоя АВС

145: Вайолет Дикинсон

Вечер четверга [31 декабря 1903] Гайд-парк-гейт, 22

Моя Вайолет,

сегодня утром Уилсон заключил, что отец ослабел, пульс не очень хороший. Температура весь день держалась на отметке 100°F [$\approx 37,8^\circ\text{C}$]; в два часа ночи она обычно поднимается до 102°F [$\approx 38,9^\circ\text{C}$]. Уилсон считает, что температура еще может снизиться, как бывало уже не раз, но я не уверена, что отец сможет пережить ту слабость, которая следует за этим. Сегодня он почти весь день мирно спал. Он спит все больше, но когда просыпается, то пребывает в ясном сознании. Мне кажется, он слабеет изо дня в день, пьет лишь немного молока и мясного бульона, да и то с трудом. Но в каком-то смысле мне стало спокойнее за него: он уже не в силах много думать и тревожиться, что тяжелее всего. И все же, как ни крути, это мучительно. Если бы он умер сразу, было бы легче, а теперь приходится отпускать его – я имею в виду все эти дни, когда он был с нами и мог хоть немного говорить, а у нас было время подумать. Впрочем, я знаю, что для него это станет облегчением.

Сегодня днем мы с Беатрисой бродили по Блумсбери и разглядывали мрачные дома. Многие из них доступны, но, боже мой, какие унылые! Они кажутся очень далекими, холодными и мрачными, хотя это впечатление, полагаю, вызвано погодой. На самом деле нам, наверное, уже и не найти дома, который понравился бы так же, как этот, но все равно лучше уехать.

Мы, самая здравомыслящая семья во всем Лондоне, болтаем и смеемся так, будто ничего не происходит; Адриан и Тоби собираются встречать Новый год песнями! Иначе мы бы и не справились.

Я все о нас да о нас, но ты не торопись возвращаться: это лишь разозлит твоего «мужа». Конечно, мы хотим тебя увидеть, но других веских причин нет.

Сиделки порой доставляют немало хлопот, но теперь они благородно помалкивают, и это, по крайней мере, дарует покой. Трэйл подавлена – думаю, ей все это уже наскучило.

Твоя ABC

146: Вайолет Дикинсон

[Январь 1904] Гайд-парк-гейт, 22

Моя Вайолет,

пишу в страшной спешке, сейчас 23:00. Сегодня мы осмотрели дом. Единственная проблема в том, что комнаты показались нам слишком маленькими. Звучит нелепо, но Тоби и Адриану, а возможно, и Джорджу, нужно довольно много места, и это, пожалуй, весомый аргумент. Там нет ни одной по-настоящему большой комнаты. Здравомыслящий, но скептически настроенный Джек ходил с нами, он показал окрестности, которые, по его мнению, не очень хороши, и сказал, что никто не захочет приезжать к нам в гости или на обед. Пешком до кэба, конечно, далековато, и это недостаток. Джек считает, что на ремонт уйдет много средств, и сомневается, что мы много выручим за этот дом³²⁹, а вот сад, ступени и тишина заставляют меня пускаться слюни. Вот бы еще было больше места и меньше возни с ремонтом. Пока ничего не решено, но я не думаю, что мы возьмем этот дом. Боже, какая скука, но моя бедная Вайолет потратила столько сил, а я, в общем-то, понимаю, что мы вряд ли найдем такой же хороший дом.

Спокойной ночи, моя Вайолет; благословляю тебя за все, что ты для нас сделала и делаешь.

Твоя Воробушка

---

³²⁹ Имелось в виду, что Стивены займут только часть помещений, а остальные будут сдавать в аренду.

147: Вайолет Дикинсон

[Январь 1904] Гайд-парк-гейт, 22

Моя Вайолет,

сегодня вечером у него снова был сильный приступ тошноты. Уилсон не знает, в чем причина, но думает, что, возможно, это ничего не значит. В любом случае завтра утром придет Ригби, и тогда мы узнаем больше. Думаю, самое тяжелое уже позади, и, что бы ни случилось дальше, долго оно не продлится. Но как это странно – утверждать подобное. Ты была... Нет, не нахожу я подходящих слов!

Береги себя и возвращайся отдохнувшей.

Мы пришлем телеграмму и сообщим новости.

Твоя АВС

148: Вайолет Дикинсон

Утро вторника [январь 1904] Гайд-парк-гейт, 22

Моя Вайолет,

температура у отца все еще повышена: сегодня утром она 101°F [$\approx 38,3^\circ\text{C}$], и, по словам врачей, может подняться выше. Уилсон ничего не говорит, кроме того, что это очередной приступ, такой же, как первый, но снизится ли температура и сможет ли отец пережить лихорадку, он судить не берется. Отец ужасно слаб, но у него, конечно, до сих пор удивительная жизнестойкость. Бессмысленно снова решать для себя, последний ли это приступ; в любом случае он протянет еще как минимум несколько дней, так что мы просто живем как обычно и стараемся не думать. По словам Уилсона, все это настолько странно, что он бы предпочел не высказываться. Несомненно, мочевой пузырь пробит, но поскольку причины внезапного облегчения непонятны, врачи не знают, последует ли еще одно.

Напишу сегодня вечером и в случае внезапных перемен пришлю телеграмму.

Твоя АВС

149: Вайолет Дикинсон

Утро среды [январь 1904] Гайд-парк-гейт, 22

Моя Вайолет,

сегодня утром отец очень слаб и может принимать только молоко, но врач говорит, что реальных изменений нет. По его словам, это плохо. Температура то повышается, то понижается, и он ужасно слаб. Все как в прошлый раз. Его сильно тошнит.

Я еще напишу.

Твоя ВС

150: Вайолет Дикинсон

Четверг [январь 1904] Гайд-парк-гейт, 22

Моя Вайолет,

сегодня отец чувствует себя хуже, температура внезапно поднялась до 102,6°F, почти 103°F [$\approx 39,2\text{--}39,4^\circ\text{C}$], и сиделка ожидает, что ночью она поднимется еще. Это выше, чем было

после первого приступа, и Несса явно воспринимает происходящее всерьез, хотя ничего не говорит. Впрочем, температура может снова снизиться, а я чувствую, что нет смысла настраиваться на что-то конкретное. Думаю, завтра мне лучше не приходить к тебе на обед, поскольку Уилсон будет утром, а это обычно означает около часа дня. Я дам знать, что он скажет, но не ожидаю ничего определенного.

Твоя АВС

Вероятно, я зайду к тебе завтра около трех, если ты меня не остановишь – не уверена, что смогу, но постараюсь.

151: Вайолет Дикинсон

[Январь 1904] Гайд-парк-гейт, 22

Моя Вайолет,

просто пара строк. Сегодня отцу не очень хорошо; температура немного поднялась – выше 100°F [$\approx 37,8^\circ\text{C}$], – но он говорит, что боли нет, а сиделка считает, что это, возможно, ничего не значит. Он ужасно обрадовался вашей с ним встрече и потом говорил мне о тебе, сказал, что ты была очень мила, что ему нравится видеться с тобой и что ты, по его мнению, хорошо к нему относишься. Сказал, что вы говорили обо мне, а о нем самом говорили? Разве это в духе Воробушки? Напишу завтра.

Твоя Воробушка

152: Вайолет Дикинсон

[25 января 1904] Гайд-парк-гейт, 22

Моя Вайолет,

жаль, у меня нет времени написать по-настоящему красивое письмо – такое, как я хотела и как умеет Воробушка. Но какого черта ты думаешь или говоришь, что мне с тобой скучно? Странная ты женщина. Неужели за все время нашей долгой и нежной дружбы ты хоть раз мне наскучивала или говорила что-то, кроме исключительно мудрых, остроумных и восхитительных вещей? Скромность привлекательна, но, боже мой, избавь меня от ее приступов! Твоя маленькая книжка лежит рядом, очень душистая.

Сегодня у меня чудесные подарки. Отец вручил мне очень красивое кольцо, первое в моей жизни, и я его обожаю. Даже в эти времена находятся утешения. Я поражаюсь, как много всего мне до сих пор дает отец, и он говорит, что я очень хорошая дочь! Он самый восхитительный человек на свете, и бог его знает, как мы вообще будем жить без него. Впрочем, это не то, что я хотела сказать. Благословляю тебя за все: прошлое, настоящее, будущее. Представь только: мы пригласили Нелли на обед, и она согласилась. О боже!

Твоя АВС

153: Вайолет Дикинсон

Среда [февраль 1904] Гайд-парк-гейт, 22

Моя Вайолет,

Ригби согласен с Уилсоном. Говорит, что не может сказать, сколько это еще продлится. Он считает, что отец будет постепенно слабеть и безболезненно потеряет сознание, но я не представляю, о каком сроке идет речь.

Это, конечно, очень тяжело. Уверена, что жизнь отцу не в радость и он был бы рад умереть еще неделю назад, но ничего не поделаешь. Как же трудно ждать и видеть, как он слабеет изо дня в день. Судя по всему, именно такие испытания и уготованы нам в этом жестоком мире.

Сегодня утром и днем мы выходили на прогулку, а на чай пришла Беатриса. Она на редкость честна, глубоко чувствительна, но не способна выражать свои мысли. Завтра она обедает у нас и приедет в своей карете.

В другой раз напишу больше.

Книги – настоящая благодать.

Твоя ABC

Расскажи мне обо всех своих нарядах и триумфах.

154: Вайолет Дикинсон

Вечер воскресенья [февраль 1904] Гайд-парк-гейт, 22

Моя Вайолет,

сегодня отцу хуже, и Уилсон считает, что он уже не оправится. Температура сейчас 103°F [$\approx 39,4^\circ\text{C}$], пульс очень плохой. Уилсон говорит, что отец не проживет и недели. Он сильно изнурен. Впрочем, нет ни боли, ни дискомфорта – все как обычно, только он ужасно слаб. Уилсон придет завтра в 9:30 и тогда скажет больше, а еще посоветует, посылать ли нам за Адрианом. Сиделке уже намного лучше – разумеется, теперь нет и речи о поиске новой.

Я знаю, что отец жаждет смерти, но, боже мой, как это тяжело, моя Вайолет.

Я пришлю телеграмму сразу после визита Уилсона.

Твоя ABC

155: Джанет Кейс

[Февраль 1904] Гайд-парк-гейт, 22

Дорогая мисс Кейс,

отец очень слаб, и у него высокая температура, но боли нет. У него по-прежнему много жизненных сил, но ничего уже не поделаешь. Когда к нему обращаешься, он вполне в сознании и всегда отвечает. Сегодня он спросил, когда вы придете и что я сейчас читаю. Но он ужасно устал. Спасибо за ваше письмо. Не думаю, что есть хоть какой-то смысл проходить через подобные вещи – потеря в чистом виде. Но это понимаешь уже потом. Видите, я совсем не в благочестивом настроении!

Но мы всегда были так счастливы вместе, и никого более милого никогда не было.

Искренне ваша, ABC

156: Джанет Кейс

[Февраль 1904] Гайд-парк-гейт, 22

Дорогая мисс Кейс,

полагаю, вы правы, но это кажется немного нелепым. Беседы с вами ничуть не хуже занятий, да и выбор был за мной.

Пожалуйста, приходите еще, только предупредите заранее, чтобы я могла распорядиться, и тогда вас пустят.

Думаю, отец стал слабее, но врачи по-прежнему говорят, что изменений нет.

Моя рука онемела от вежливых писем – все они так скучны и унылы, сегодня их целых шесть.

Ваша ABC

157: Вайолет Дикинсон

[Февраль 1904] Гайд-парк-гейт, 22

Моя Вайолет,

по мнению Уилсона, отец стремительно слабеет, и надежды на восстановление нет, но больше врач ничего сказать не может. Как бы то ни было, по его словам, отец проживет еще несколько дней. Сейчас ему комфортнее, и он больше похож на себя, чем обычно, а сегодня даже увидится с Холдейном, как и хотел. Пульс плохой.

Твоя ABC

158: Вайолет Дикинсон

[Февраль 1904] Гайд-парк-гейт, 22

Моя Вайолет,

Уилсон говорит, что изменений, в сущности, нет. Он не сомневается, что опухоль или тромб мешает яду попадать в мочевой пузырь столь же быстро, как прежде, но это, по его словам, может вмиг измениться.

Господи, как тяжело. Полагаю, отец проживет еще неделю или около того, но конец может настать в любой момент! Никто точно не знает, а нам остается только сидеть и ждать. Я уже на все согласна, лишь бы это закончилось. Ожидание невыносимо, но, боже мой, через это надо пройти, и остается лишь стиснуть зубы да терпеть! Самое ужасное, что отец совершенно вымотан и, думаю, хочет умереть, а его жизнь просто поддерживают. Уж я-то постараюсь износить свой организм так, чтобы не дожить до его лет и умереть быстро!

Твоя ABC

159: Вайолет Дикинсон

[Февраль 1904] Гайд-парк-гейт, 22

Моя Вайолет,

сегодня вечером Уилсон сказал, что стало хуже. По его словам, отцу осталась максимум неделя, но он может потерять сознание в любую минуту. Сейчас у него 103,4°F [$\approx$ 39,7°C]. Вечером температура снова поднялась до 104°F [40°C]. Уилсон говорит, что она, вероятно, уже не снизится. Когда мы зашли пожелать спокойной ночи, он был удивительно бодр и попросил принести газету. Ригби придет завтра в 12:30, Уилсон – в 21:00.

Твое присутствие будет мне утешением.

Твоя ABC

160: Джанет Кейс

[Февраль 1904] Гайд-парк-гейт, 22

Дорогая мисс Кейс,

отец медленно слабеет, и врачи говорят, что ему осталось жить два-три дня. У него совершенно нет боли, он все еще нас узнает и может немного говорить, но сказать, похоже, нечего. Это так странно. Знаю, вы поймете.

Искренне ваша, АВС

Я напишу в среду вечером.

161: Вайолет Дикинсон

[Февраль 1904] Гайд-парк-гейт, 22

Моя Вайолет,

внезапно отцу стало гораздо хуже. У него был озноб, и врачи считают, что поражены почки. Он бредит. Уилсон будет только в 18:30. Я напишу сегодня. Полагаю, это может продлиться еще несколько дней. Сиделки, по правде говоря, ничего толком сказать не могут.

АВС

162: Вайолет Дикинсон

[Февраль 1904] Гайд-парк-гейт, 22

Моя Вайолет,

Уилсон говорит, что сегодня вечером изменений нет. Если уж на то пошло, его пульс немного окреп. Иногда ему кажется, будто в комнате кто-то есть, но, когда мы желали спокойной ночи, он вел себя вполне обычно.

Сегодня вечером приходила Китти, и Несса была очень рада, как и Джек. По словам Нессы, Китти очень мила. Я ее не видела.

АВС

163: Вайолет Дикинсон

[Февраль 1904] Гайд-парк-гейт, 22

Моя Вайолет,

не считай меня безумной сварливой бестией из-за моего ворчания. Ни с кем другим я бы не посмела так себя вести. Но это чертовски тяжело, и я думаю, что отец очень плох. Сиделка считает, что это может быть началом потери сознания, сегодня вечером он немного бредит. Впрочем, сказать особенно нечего, кроме того, что для меня ты всегда утешение.

Твоя Воробушка

164: Вайолет Дикинсон

[21 февраля 1904] Гайд-парк-гейт, 22

Моя Вайолет,

отец все реже приходит в сознание, особенно после обеда и вечером. Никого из нас он больше не узнает. Уилсон говорит, что яд, должно быть, достиг почек, и он не надеется на улучшение. Говорит, что отец может не пережить ночь. Сейчас 11:30, и позже он зайдет снова, тогда я напишу еще, если что-то изменится. Отец был очень беспокойным и говорил сам с собой, но Уилсон сделал ему укол морфия, так что теперь он лежит совершенно спокойно.

23:30. Только что приходил Уилсон. Говорит, изменений нет, и считает, что, вероятно, отец все же переживет эту ночь³³⁰. При малейшем беспокойстве ему колот морфий, так что боли у него нет и он почти все время просто лежит без движения. Завтра утром я отправлю телеграмму. Мы посылаем за Адрианом.

Не приезжай, моя дорогая Вайолет. Отдыхай и выздоравливай. Здесь уже ничего не поделаешь. Я все время сижу рядом с ним, как и все мы. Он уходит мирно. Ни на что не реагирует. Утром ему стало немного лучше – он увидел Китти и начал болтать. Около двух ему внезапно стало хуже.

Твоя АВС

Через несколько дней после похорон Лесли Стивена Вирджиния вместе с Ванессой, Тоби, Адрианом и Джорджем Даквортом отправилась в Мэнорбир на побережье Пембрукишира, где вновь начала писать. На Пасху четверо Стивенсов в сопровождении Джеральда Дакворта отправились в Италию. Это было первое путешествие Вирджинии за границу, если не считать поездки на север Франции еще в детстве. Они провели несколько дней в Венеции и Флоренции, где к ним присоединилась Вайолет Дикинсон, а на обратном пути через Париж посетили мастерскую Родена³³¹ и встретились за ужином с Клайвом Беллом. Это событие стало переломным моментом в жизни Вирджинии. Она открыла для себя тот тип дружбы и общения, который доставлял ей наибольшее удовольствие.

---

³³⁰ Лесли Стивен умер от рака 22 февраля, в семь утра.

³³¹ Франсуа Огюст Рене Роден (1840–1917) – выдающийся французский скульптор.

165: Джанет Кейс

Вечер вторника [23 февраля 1904] Гайд-парк-гейт, 22

Дорогая мисс Кейс,

завтра в 15:00 в [районе] Голдерс-грин пройдут похороны. Мы пойдем.

Отец умер очень спокойно, пока мы сидели рядом. Я знаю, что это было его заветным желанием. Теперь уже ничто не причинит ему боль, чего мы так боялись.

Вот только я не знаю, как дальше жить без него. Все эти годы мы почти никогда не расставались, и теперь я нуждаюсь в нем каждое мгновение дня. Но мы все еще есть друг у друга – Несса, Тоби, Адриан и я, – и, когда мы вместе, кажется, будто отец с матерью тоже где-то рядом.

Искренне ваша, АВС

166: Джанет Кейс

[26? февраля 1904] Гайд-парк-гейт, 22

Дорогая мисс Кейс,

посылаю вам эти книги – надеюсь, вы будете рады их получить. В каждом слове я слышу голос отца, и мне все больше хочется его услышать. Я думаю обо всем том, что можно было бы сказать и сделать, но так и не сделано, не сказано.

Большое вам спасибо, что пришли на днях. Это было очень приятно, хотя я и чувствую себя невежей, говорившей о личных неприятностях, когда у вас и своих хватает.

Искренне ваша,

Вирджиния Стивен

167: Вайолет Дикинсон

28 февраля 1904 Мэнорбир, R.S.O.³³²

Пембрукшир

Моя Вайолет,

это кольцо наполняет меня счастьем. Мне все равно, сколько фольги туда подложат³³³, лишь бы оно осталось таким же, как в тот день, когда он [отец] подарил его мне. Я уже думала, что испортила его навсегда.

Мы приехали в правильное место. Никому так не везло с жильем, как нам. Дом очень вместительный, теплый и уютный, а такой великолепной дикой природы я не видела со времен Сент-Айвса, о котором мне здесь многое напомнило. Мы уже поразительно много времени провели, просто гуляя по утесам. Даже загорали. Мы практически живем под сенью феодального замка, который стоит на скале над морем. Мы с Нессой уже прошли всю береговую линию и не встретили ни души.

Здесь всего три дома и странная дикая церковь на холме. Холодно, но небо ясное, а кроме ветра и моря никаких звуков.

Тоби не нарадуется на своих птиц, тут есть самые разные, да и Джордж тоже бродит по округе с биноклем.

---

³³² Железнодорожное отделение (Railway Sub Office) – отделение британской Королевской почты, получавшее корреспонденцию непосредственно с железной дороги для дальнейшей доставки в близлежащие районы, минуя отправку на региональный сортировочный узел и последующую пересылку. Первое такое отделение открылось в 1855 году, после чего было создано более двух тысяч подобных офисов.

³³³ В ювелирном деле золотую или серебряную фольгу использовали в качестве подкладки под драгоценный камень, чтобы изменить или усилить его блеск/цвет.

Не хочу думать; чувствую себя короной, уткнувшейся носом в траву, но понимаю, что здесь, в этой тихой [*неразборчивое слово*], все кажется более естественным и менее страшным, чем раньше. Самое ужасное, что все эти годы я делала для отца недостаточно. Он часто бывал одинок, а я не помогала ему так, как могла бы. Думать об этом сейчас тяжелее всего. Будь он жив, мы могли бы быть счастливы. Но время ушло.

Впрочем, не буду об этом писать; сейчас я так отрешена, что мне не до мыслей.

У нас все хорошо, и жизнь здесь самая покойная из возможных. Приятно писать тебе, моя Вайолет.

Твоя АВС

Подойдет ли тебе 1 апреля (примерно) для поездки за границу, если предположить, что не отправимся раньше? Похоже, уехать 16 марта будет трудно; к тому же Адриану и правда нужно поработать.

168: Вайолет Дикинсон

Пятница [4 марта 1904] Мэнорбир, R.S.O., Пембрукшир

Моя Вайолет,

я отвратительно вела себя в плане переписки, но тебя это, к счастью, не коснулось. С тех пор как мы приехали, родственники изливают душу на бумагу, пишут массу пустых слов и наперебой требуют писем. Я просмотрела «Pilot»³³⁴ и еще несколько газет, но ни в одной, по-моему, не было ничего запоминающегося. Полагаю, кто-нибудь менее безразличный все же напишет что-то интересное, но это не так уж и важно. Отец говорил, что ему было бы интересно почитать некрологи о самом себе, но не думаю, что они бы ему понравились. Глупые болваны! Даже я написала бы лучше. Странно, что у людей сложились такие скучные представления о нем.

Что ты думаешь насчет приезда сюда? Вопрос довольно щекотливый, поэтому мы колебались, писать ли. Твой «муж» может счесть, что тебе это вредно, да и дел у тебя, наверное, невпроворот, а сказать об этом будет неловко. Но в таких делах нет ничего лучше прямолинейности, и ты, надеюсь, честно скажешь, что думаешь. Ты, наверное, уже поняла, что удивительно гармонизируешь нас.

Соблазнить мы можем лишь довольно теплым и уютным домом, а климат здесь гораздо лучше, чем у вас, так что ты бы смогла вести максимально спокойную жизнь, а мы не добавим тебе хлопот. Вдоволь чая и еды, никакой лишней ходьбы или разговоров. Хорошая ли это реклама? Мы здесь ведем совершенно варварский образ жизни и целыми днями бездельничаем, и в деревенской жизни даже есть своя прелесть.

Это бумага на ощупь как гранитная плита, и это, кажется, влияет на голову.

Через день мы с Джорджем устраиваем необычные маленькие вылазки. Похоже, он считает, что это помогает скоротать время, – думаю, так оно и есть.

Начинаю тосковать по книгам и все же побаиваюсь их.

Для Нессы, полагаю, тут масса живописных мест – взять хотя бы виды из окон.

Сейчас я собираюсь написать Нелли. Боже, как я это ненавижу!

Вся эта глупая писанина и чтение об отце, похоже, только отдаляет его, хотя я знаю, что это невозможно, и вообще у меня странное чувство, будто он каждый день рядом со мной. Порой в беседе я замолкаю и словно чего-то жду, а потом понимаю, что хочу услышать его

---

³³⁴ Лондонский еженедельник (1900–1904), славившийся качественной критикой в области литературы и искусства.

мнение. Это было восхитительное чувство – находиться рядом и даже касаться его руки; он был очень смысленный, и других таких нет.

Моя Вайолет, я надеюсь увидеть тебя, но если нет... Воробушка прочно укоренилась в той капустной грядке, которую ты зовешь своим сердцем.

Твоя АВС

169: Леди Роберт Сесил (Нелли)

4 марта [1904] Мэнорбир, R.S.O., Пембрукшир

Моя дорогая Нелли,

мы так и не поблагодарили тебя за экипаж, который ты прислала какое-то время назад и на котором мы отправились в долгую прогулку. Это было очень мило с твоей стороны. Помню, он подъехал как раз в тот момент, когда нам понадобился предлог уйти из дома и сбежать от родственников!

Место здесь очень странное, дикое, чем-то напоминающее побережье Корнуолла. Мы живем как варвары и ни с кем не видимся, но я надеюсь, что Вайолет сможет сюда приехать. Не знаю, сколько мы еще здесь пробудем, но особого смысла задерживаться нет. Надеюсь, мы увидимся в Лондоне, если будем там одновременно. Ты была так добра к нам. Вайолет не пишет, как у тебя дела. Боюсь, с такой погодой едва ли можно ожидать хорошего самочувствия, хотя хуже, наверное, уже не будет.

Несса передает поцелуй. С нами здесь двое дядюшек: старый и молодой.

С любовью,

Вирджиния Стивен

170: Вайолет Дикинсон

8 марта 1904 [Мэнорбир, Пембрукшир]

Моя Вайолет,

ты не обидишься, если я обременю тебя одним неприятным поручением? Мне нужна кое-какая одежда. Не могла бы ты купить где-нибудь ткани для двух блузок: одну тонкую, вроде муслина или чего-то подобного, а другую плотную, черную, – и прислать их по этому адресу: Э. Кларк³³⁵, Грин-стрит, 35, Челси. Думаю, можно в крапинку, полоску или что-то в этом роде, лишь бы не однотонное. Ох, как бы я негодовала, если бы получила от тебя подобную просьбу! Не знаю, сколько нужно ярдов. В магазине подскажут. Сможешь оплатить из этого чека?

Джордж уехал, и, хотя некрасиво так говорить, я испытала облегчение. Он ни на минуту не оставляет меня в покое. Намерения у него добрые, но это утомляет. Я начинаю опасаться нашей совместной жизни, но ничего не поделаешь. С Нессой и Тоби мы ладим прекрасно. Странно впервые в жизни остаться одной.

Вчера весь день лило как из ведра. Сегодня Тоби пошел охотиться на лис. Он удивительно энергичен.

Мое кольцо вернулось, но это сплошное разочарование. Мастер говорит, что я испортила камень. Цвет стал чуть лучше, но он по-прежнему весь в странных трещинках и отметинах. Должно быть, они внутри самого изумруда. Не знаю, что делать, ведь камень совсем не похож

---

³³⁵ Вероятно, портниха.

на то, каким был, когда отец подарил его мне, и все же мне не хочется вставлять новый, хотя, боюсь, придется. Уотерс³³⁶ говорит, что сделал все возможное.

Твоя АВС

171: Вайолет Дикинсон

[Март 1904] [Мэнорбир, Пембрукшир]

Моя Вайолет,

ты чудесная женщина. Ткань абсолютно подходящая и гораздо лучше, чем я сама смогла бы выбрать.

Наши планы снова изменились. Джеральд говорит, что едет в Венецию 1-го и предлагает взять нас с собой, что, полагаю, разумно. Тогда мы смогли бы встретиться с тобой во Флоренции примерно 7-го или когда тебе будет удобно. Просто мечта! Хотя она, полагаю, все же осуществится. Мне вообще трудно воспринимать всерьез дела этого мира. Стоит только задуматься, и я словно падаю в бездонную пропасть.

Не могу поверить, что вся наша жизнь с отцом уже позади и что он умер. Если бы только можно было сказать ему о нашей любви, как я сделала это прошлой ночью во сне. Ты ведь не против, что мои письма полны эгоистичных жалоб? Это, наверное, скучно, но я не могу не писать тебе. Мне трудно говорить об этом даже с родными братом и сестрой.

С тех пор как я писала тебе, мое кольцо удивительно преобразилось. Не знаю почему, разве что из-за света, но оно стало заметно чище, а цвет улучшился. Я точно оставлю его себе. Конечно, оно не идеально, но выглядит довольно привлекательно.

Я получила длинное письмо от [сиделки] Трэйл. Сейчас она в Эдинбурге, но скоро поедет к Барнардионам [*неизвестные*] в Йорк – похоже, она всем довольна. От Беатрисы писем нет. Прямо-таки вижу, как она сидит и грызет перо!

Зачем останавливаться у Эрл³³⁷? Она злобная женщина. В жизни не читала большей чепухи, чем ее книги.

Твоя АВС

172: Чарльзу Элиоту Норману

13 марта 1904 [Мэнорбир, Пембрукшир]

Дорогой мистер Норман,

вы, конечно, уже слышали о смерти отца, но я бы хотела сказать вам, что во всех отношениях это был тот конец, которого мы ему желали. В воскресенье утром он говорил с нами всеми о книгах и людях в своей самой бодрой и веселой манере, утверждая при этом, что чувствует себя менее усталым, чем обычно. Он также виделся с одной знакомой, и та была поражена его стойкостью и интересом к жизни. Спустя полчаса он впал в беспамятство, по крайней мере перестал нас узнавать, хотя все время что-то бормотал себе под нос. Это случилось в воскресенье днем. В течение вечера он угасал, видимо, не испытывая боли, и скончался в понедельник в семь часов утра столь мирно, что за него можно было только порадоваться.

Он всегда боялся лишь одного – утратить способность мыслить и мучиться от боли. Конечно, за все время этой долгой болезни отец часто уставал и был слаб, но у него никогда не было настоящих болей, а ум, казалось, всегда оставался ясным и острым. В последнее утро

---

³³⁶ Некий Генри Джон Уотерс – ювелир, чей магазин находился на Саут-Молтон-стрит, 22.

³³⁷ Вероятно, Мария Тереза Эрл (1836–1925) – английский садовод, автор книги (1897) «Попурри из суррейского сада».

он мог читать и даже попросил принести ему статью о Шекспире, а также новое стихотворение Томаса Харди³³⁸. Почти каждый день он виделся с двумя-тремя друзьями. И хотя он был очень болен, думаю, последний год его жизни можно назвать счастливым: отец казался таким умиротворенным и радостным, почти пораженным любовью всех друзей и тем восхищением, которое они выказывали ему сильнее, чем когда-либо прежде. Думаю, не было людей, столь же любимых другими. Он часто говорил о вас и всегда радовался вашим письмам. Отец говорил мне, что они одни из немногих, которые он хотел сохранить и которые отдавал мне по мере их поступления. Последнее ваше письмо пришло уже после смерти отца, и я положила его к остальным. Не знаю, есть ли у вас фотография отца или, быть может, прислать вам одну. Мы сделали несколько штук незадолго до его операции в декабре 1902 года. Думаю, эти снимки настолько хороши, насколько вообще возможно, хотя на них он выглядит более больным, чем впоследствии. Если хотите, я вам пришлю.

Искренне ваша, Вирджиния Стивен

173: Вайолет Дикинсон

[Март 1904] [Мэнорбир, Пембрукшир]

Моя Вайолет,

без твоих писем моя тарелка была бы пустой. Конечно, приходи на обед во вторник. Похоже, всю следующую неделю мы проведем в дьявольской беготне по магазинам и к дантистам. Я закрываю глаза и уповаю на удачу, надеясь, что благодаря ей я каким-то образом все же благополучно доберусь до Венеции.

Нас охватила жажда путешествий – вечерами мы водим пальцами по карте, прокладывая немислимые маршруты, и все хотят в разные стороны.

Проблема, похоже, в Джеральде, но я пускаю все на самотек. Мы собираемся уехать в Страстную пятницу. По какой-то причине у меня так и не вышло вписать фигуру Джеральда в венецианский пейзаж, который я вижу в своем воображении!

Те слова Беатрисы вполне в ее духе, и в этом ее главное достоинство: она никогда не делает и не говорит как другие. Может, она имела в виду, что не может писать банальности нам или тебе?

Я как-то не осознавала, что ты все еще собираешься сдавать дом на Манчестер-стрит – вот какая я эгоистка (как сказала бы Китти). Бога ради, только не переезжай в Челси или Кенсингтон. Китти уже вопит против Блумсбери. Не думаю, что Несса особенно возражает или что расстояние от Монпелье [дом Китти] мешает нашей дружбе. В конце концов, именно на Манчестер-стрит я покоряла твое ледяное сердце. Я всегда держу это в памяти в качестве образца авантюрного предприятия, даже Северный полюс – ничто по сравнению с твоим сердцем!

Кстати, я получила письмо и от Нелли, но вряд ли что-то получится. А теперь, когда мы потеряли Хестер [Литтелтон?], кого ты можешь мне подыскать для флирта?

На мой взгляд, в деревне хорошо работается³³⁹. Я действительно многое успела закончить. И Несса тоже.

Теперь нам надо искать жилье для Адриана [в Мэнорбире]: у его хозяйки только что родился ребенок, и у него к нему явно будет интерес. Адриан слишком домашний.

До чего же странная жизнь! Я все думаю, что найду отца дома и скажу ему... Удивляюсь, как мы вообще продолжаем жить и днями напролет стрекочем, как кузнечики.

---

³³⁸ Томас Харди (1840–1928) – крупнейший английский писатель и поэт поздней викторианской эпохи.

³³⁹ В 1922 году ВВ вспоминала в своем дневнике, что долгие годы не знала, какую книгу написать: «... я хотела знать все на свете и написать книгу. Но какую? Более четкое понимание этого пришло ко мне в 21 год в Мэнорбире, когда я прогуливалась по берегу моря» (см. ВВ-Д-П, 3 сентября 1922 г.).

Твоя ABC

174: Вайолет Дикинсон

[Март 1904] [Мэнорбир, Пембрукшир]

Моя Вайолет,

мы возвращаемся поздно в субботу. Полагаю, ты будешь в коттедже. У Тоби, кажется, экзамен в понедельник. Должна признаться, я буду рада вернуться, но не знаю почему. Здесь и правда очень красиво, но такова уж извращенная натура человека.

Вчера приехал Адриан, и мы решили, что он вполне может поехать с нами на первые три недели. Он останется здесь работать в одиночестве, а потом мы все вместе отправимся [в Италию]. Думаю, Джеральду вообще будет удобнее поехать одному. Пятеро – это слишком много для комфортного путешествия.

Адриан уже вне себя от восторга и все время говорит лишь о Венеции и гондолах. Вот это правильный настрой. Ты даже не представляешь, насколько мы все хорошо ладим (скорее как супруги, чем кто-либо еще) и, что удивительно, совсем не скучаем, занимаясь своими делами, а затем снова собираемся вместе, бодрые и веселые.

Я читаю, пишу и за последние несколько дней почти закончила перевод греческой трагедии – вот что я называю благоразумием!

Несса написала действительно хорошую картину – небольшой портрет Тоби, читающего у окна. По-моему, получилось очень живо и талантливо. А сейчас мы все идем на двухчасовую прогулку по утесу, чтобы показать Адриану местные красоты.

На днях мы увидели галок и ворон, забрались на скалы, чтобы разглядеть их, а спускались чуть ли не кубарем.

Единственным происшествием стала смерть прачки! Она умерла прямо у своего корыта. Деревня решила, что надо бы провести дознание, но никто не знал, как это делается; врач и полисмен приехали порознь из соседних деревень и отказались что-либо делать один без другого. В итоге жители на свой страх и риск заключили, что смерть наступила по естественным причинам, и прачку просто похоронили – ее довольно странным образом пронесли прямо под нашими окнами. Первые шесть рядов скорбящих держали у глаз и ртов носовые платки с черной каймой, но при этом не плакали, а остальные выглядели вполне довольными. Не варварство ли это? Как ты можешь себе представить, вся деревня вышла поглазеть, а вечером молодые люди с приятными мягкими голосами спели под нашими окнами гимн.

Мое кольцо с тех пор, как вернулось от ювелира, определенно стало лучше: камень все еще с трещинками и странными включениями, если присмотреться, но в целом довольно красивый, и я уж точно не стану его менять.

Сегодня утром получила чудесное письмо от Фреда Мейтланда [*см. ниже*], чуть ли не единственное, которое стоит сохранить.

Твоя ABC

От Фредерика Мейтланда

5 марта 1904 Тельде [Испания]

Моя дорогая Вирджиния,

не могу назвать дурной вестью то, что вы мне сообщили. Я уже начал было лелеять эгоистичную надежду, что вновь увижу вашего дорогого отца, но понял, что это эгоизм. И теперь могу лишь сказать, что его благородная жизнь завершилась так, как, пожалуй, и хотелось бы

тем, кто его любил. Сколько любви он нес в себе и сколько любви его окружало, вам с сестрой известно лучше, чем кому бы то ни было. Мне это всегда казалось необыкновенно прекрасным и достойным зависти; по сравнению с этим, все почести, которые он заслуженно получил, ничтожны.

Вы и так знаете, что я обязан вашим родителям, хотя, быть может, это ведомо лишь мне, но мы не просто дружили – я почитал вашего отца как одного из величайших людей и уверен, что со временем его величие откроется всему миру, по крайней мере той его части, которая склонна размышлять.

Корректуры «Гоббса» идут быстро: одна пришла до вашего письма, и еще две – сегодня утром. Закончить работу здесь я не смогу, поскольку нужно сверить кое-какие даты и прочее, но по возвращении в Англию в следующем месяце я медлить не стану. Мне не кажется, что в этой его работе заметно хоть малейшая слабость. Это все тот же Лесли Стивен, и я словно слышу, как он сам произносит каждую строку. Мне очень хочется увидеть и другую книгу³⁴⁰, Герберт [Альберт Лоуренс] Фишер сказал, что она превосходна. Оставить после себя две такие книги – поистине великолепно.

Однако ваши мысли сейчас не об этом, и мне не стоит мешать вашей скорби. По правде говоря, мне вообще нелегко писать: слишком много воспоминаний, слишком велика благодарность.

Поверьте, я пишу все это от чистого сердца.

*Искренне ваши,
Ф.У. Мейтланд*

175: Вайолет Дикинсон

Вечер четверга [31 марта 1904] Гайд-парк-гейт, 22

Моя Вайолет,

должна написать тебе последние внятные строки, так как знаю, что в Венеции это будет невозможно. Я лишь надеюсь, что ты хорошо отдыхаешь и что Крам не донимает тебя так, как я. Хотела бы и я не утомлять тебя своими делами, но ты даже представить себе не можешь, какое это облегчение – иметь кого-то... то есть тебя, потому что больше мне поговорить не с кем.

Не думай, что мои чувства всегда одинаковы: порой они другие, но только порой. Я знаю, что на самом деле не была неправа – так и есть, но мне все равно тяжело думать о его [отца] одиночестве и о том, что я могла бы сделать, но не сделала.

Если бы он остался жив, я бы все исправила. Думаю, отец как раз начал понимать, как много он значит для меня и что счастливое время только начиналось, но теперь все кончено. Вот что кажется таким жестоким. Если бы только можно было сказать ему это хоть раз, но писать об этом бесполезно. И все же мы были очень счастливы вместе. Моя Вайолет, даже просто писать тебе – облегчение.

Береги себя, приезжай как сможешь и не тревожься обо мне, ведь я умею переключаться на другие вещи и никогда надолго не застаю в одном настроении. К тому же я знаю, что в самом конце отец был счастлив, но если бы только он мог еще пожить. Люди в это не верят, но я знаю, что он хотел жить, как любой молодой человек.

Прощай, моя Вайолет.

Напиши одно из своих чудесных маленьких писем, пусть и неразборчивых!

Твоя ABC

---

³⁴⁰ «Английская литература и общество в XVIII веке» (1904).

176: Вайолет Дикинсон

4 апреля [1904] Отель «Grand», Венеция

Моя Вайолет,

это первая возможность написать письмо. Представь: когда мы прибыли в субботу в полночь, нам сказали, что здесь, как и во всей Венеции, нет свободных номеров! В конце концов нам достались три очень убогих маленьких комнаты – мы ночевали в грязном захудалом месте возле площади Святого Марка. В воскресенье бродили по улицам, зашли в то место, где жила ты, да и во все, в сущности, места, о которых мы когда-либо слышали, но везде было занято, и нам пришлось вернуться обратно еще на одну ночь. Сегодня мы наконец-то получили три номера здесь. Несса и я спим вместе; это необычно, но ничего не поделаешь. Конечно, мы сглупили, что не позаботились обо всем заранее.

Впрочем, это не так уж важно: мы вполне счастливы слоняться без дела и осматривать окрестности. Нет на свете более забавного и красивого места. Джеральд изнывает от скуки, сердится, заставляет нас брать гондолы и совсем не любит исследовать переулки. Тоби и Адриан в восторге; Адриан хочет остаться здесь навсегда. Они ходят по городу, смеются во весь голос и пытаются говорить по-итальянски. У нас здесь комната прямо под крышей, в доме у Гранд-канала; внизу пришвартованы гондолы, и гондольеры так шумят, что я не могу сосредоточиться. Было странно, почти как во сне, сесть в гондолу после двух дней в поезде. Но мне лень писать об этом! Несса сидит за одним столом со мной и что-то быстро пишет. Сегодня довольно холодно; вчера была божественная погода, только очень людно. Мы ехали вместе с Хамфри Уордами, которые, к счастью, уж испарились. Путешествие было захватывающим, хотя и казалось бесконечным; на [швейцарском] перевале Сен-Готард нас застал снежный буран, а потом мы окунулись в атмосферу сияющего солнца и чистейших синих озер. Все горы покрыты снегом. Звучу как путеводитель, да? Хотелось бы знать итальянский. Глупо, что приходится говорить на ломаном английском и французском, а еще, как я уже сказала, нас повсюду обманывают. Зато народ прелестный, и мы, по крайней мере мы четверо, быстро перенимаем их душевное состояние – всеобщую благожелательность. Хочу, чтобы ты поскорее приехала. Не думаю, что Флоренция сможет потягаться с Венецией. До сих пор не верится, что это настоящий город, и я хожу с разинутым ртом. Мы пересмотрели столько жилья, что пока не увидели толком никаких достопримечательностей, кроме тех, что встречаются на пути. Вчера вечером прошли всю набережную Скъявони, где здания будто высечены из мрамора, а мимо проплыла огромная гондола с разноцветными фонариками. Нет, пока мне не хватает слов. Джеральд, вероятно, уедет в четверг или пятницу. Думаю, он будет рад почувствовать себя в безопасности в Монте-Карло. Приезжай как можно скорее.

Твоя АВС

Не могла бы ты прислать флорентийский адрес? Думаю, мы пробудем здесь еще неделю: Адриану тоже не терпится увидеть Флоренцию, – но дальнейшие планы не определены. Мы собираемся остаться по этому адресу до отъезда, так что пиши сюда.

177: Эмме Воган

25 апреля 1904 Отель «Palace», Флоренция

Дорогая Жаб,

на днях мы зашли на почту, и по счастливой случайности твоя открытка как раз пришла. Нетрудно догадаться, что теперь она очень дорога мне, но как, черт возьми, она попала к тебе? Неужели ты сбежала с каноником Холландом³⁴¹, вышла замуж за дьякона и живешь в Кентербери? Как вышло, что ты оказалась в этих священных краях? Нет на свете места прекраснее Кентербери. Я говорю это, положив руку на сердце и сидя во Флоренции, а ведь я уже видела Венецию. Там было бы приятно умереть, но жить... Никогда не чувствовала себя такой подавленной – да, пожалуй, это преувеличение, но все же Венеция ограничивает, и со временем начинаешь чувствовать себя птицей в клетке. Мы жили в огромном отеле, что не способствует сентиментальному настрою. Впрочем, картины от этого не меняются, и, пока не увидишь Тинторетто³⁴², не поймешь, на что способна живопись. Мы плавали на гондолах, ели мороженое в [кафе] «Florjan», под музыку, и видели больше молодоженов, чем хотелось бы. Кажется, весь мир разбился на парочки. Говорят, Венецию можно смотреть только после свадьбы и в паре, мол, два – это правильное число, а нас было пятеро!

Мы здесь уже две недели: место чудесное, но едва ли лучше Кентербери, хотя кто его знает. Вид с Фьезоле, окрестности, Сан-Сервасио [?] и прочее, пожалуй, красивее всего, что я видела. Не стану писать трактат об итальянском пейзаже, ибо знаю, что тебе будет скучно. Забавно притворяться, будто я уехала из Англии, просто приехав во Флоренцию (да, это безграмотно). Мы встречаем Принцегов, Литтелтонов, Хамфри Уордов, студентов Кембриджа, Карнарвонов и, наконец, чтобы уж совсем ощутить себя как дома, тетю Минну и Эдит³⁴³! Мы ходили к ним в отель – мрачную гостиницу возле Сан-Сервасио. Тетя Минна выглядит более морщинистой и поблекшей, чем когда-либо, но говорит о людях, которые *«намного старше и глуше меня»*. Вот бы нам всем так умереть! Хотя умирать она явно не собирается.

Дальнейшие планы туманны, наше путешествие не так уж и приятно, чтобы затягивать его дольше, чем нужно. Не было, наверное, более отвратительной нации, чем эта, не говоря уже об их железных дорогах, улицах, магазинах, попрошайках и многих привычках. Моя дорогая Жаба, куда порядочной женщине порой девать глаза? Сегодня мы ездили в [город] Прато: беспрестанно лил дождь, мы увидели то единственное, на что там стоило посмотреть, а на улице нас облепили бесчисленные мальчишки и калеки. От калек мы ушли быстро, только один дьяволенок додумался следовать за нами повсюду и в конце концов пообещал оставить нас в покое за два сольдо. Мы не заплатили, он выругался и исчез. Есть ли народ еще хуже?

Мы получили хорошее предложение по [продаже дома на] Гайд-парк-гейт, и это заставляет нас поспешить домой, ведь надо как можно скорее подготовить новое жилье. Вероятно, мы вернемся в Лондон в середине мая (14-го). Думаю, задержимся на неделю в Париже, а отсюда уедем через два-три дня. С нами Вайолет Д.; Адриан уехал, а Тоби бродит по Апеннинам.

Не могла бы ты сразу написать мне длинное ответное письмо на имя Томаса Кука [*неизвестный*] по адресу Площадь Оперы, 1, Париж? Я хочу знать все, особенно новости о Фишерах, о музыке и вообще любые новости. Все английское звучит чисто и прекрасно; газеты мы видим редко, а жить в вырождающейся, хоть и красивой стране тягостно. Скажу лишь: *«Слава Богу, что я родилась англичанкой»*. Однажды вечером мы с Адрианом пели благодарственные гимны на вершине [базилики] Сан-Миниато. Немцы – грубияны, а еще есть странная порода людей, обитающих в отелях, – гномоподобные женщины, будто копошащиеся в темноте твари. Отель представляет собой нечто вроде непроглядной пещеры. Впрочем, этот довольно неплох.

Передавай привет Марни. Как поживают М. и У. [Мадж и Уилл]?

Твоя ABC

³⁴¹ Фрэнсис Джеймс Холланд (1828–1904) – каноник Кентерберийский.

³⁴² Якопо Робусти, известный как Тинторетто (около 1519–1594), – выдающийся живописец венецианской школы.

³⁴³ Эдит Анна Дакворт (1866–1953) – дочь Рассела Дакворта и племянница Герберта, отца Джорджа и Джеральда.

177а: Джорджу Дакворту

[25? апреля 1904] Отель «Palace», Флоренция

Мой дорогой Джорджи,

мне здесь очень трудно писать письма, поскольку все пожилые леди заглядывают через плечо, но я все же попытаюсь. Вайолет великолепна, и без нее мы бы вообще не справились. Она подбирает для нас церкви и картины, которые нужно посмотреть, и после завтрака мы регулярно садимся в экипаж, где они с Нессой и Тоби много спорят. Я за ними не поспеваю. Думаю, мне больше нравятся гробницы и скульптура, чем живопись. Тинторетто куда величественнее всех здешних художников. Мы побывали в [галерее] Уффици с мисс Крутвелл³⁴⁴, подругой Вайолет, которая пишет книги об искусстве для Джеральда. Думаю, искусство весьма странным образом действует на людей: мисс Крутвелл буквально пустилась в пляс от восторга перед своими любимыми полотнами. Завтра мы идем к ней на чай. Флоренция кишит как муравейник. Сегодня приезжала леди Вера³⁴⁵, но никого не было. Вайолет пошла к ней на чай и застала там целое светское общество, к счастью, без нас. Мы довольно часто видим Рецию [Распони], но она все время куда-то спешит и почти всегда с кем-то. Кажется, она по уши влюблена в Филиппо [Корсини], и оба они часами сюсюкаются со своим ребенком [Гвидо?]. Сегодня вечером мы получили открытку от тети Минны, которая остановилась неподалеку от Фьезоле. Честно говоря, народу во Флоренции даже больше, чем в Лондоне, а еще нам придется потратить один день на тетю Минну и Эдит.

Наши планы довольно неопределенны, но я думаю, что на следующей неделе мы поедем в Сиену; как ты понимаешь, за нас все решает Вайолет! Мы очень рады (это слова Тоби) успеху бюджета, который, согласно «Daily Mail»³⁴⁶, снижал хвалебные отзывы обеих партий. Подоходный налог станет для нас серьезным вопросом. Здесь, за одним столом со мной, люди изрядно возбуждены и пытаются подсчитать свои деньги, но все это кажется невероятно сложным.

Интересно, виделся ли ты с Адрианом. Он великолепно провел время, но под конец немного разнервничался из-за трайпоса³⁴⁷. У нас все хорошо. Возвращение домой будет счастьем, хотя здесь необыкновенно красиво.

Твоя ABC

178: Вайолет Дикинсон

[6? мая 1904] [Париж]

Моя Вайолет,

я обнаружила письмо, которое написала тебе, но так и не отправила. Все это время оно лежало у меня в кармане, вместо того чтобы вызывать волнение и трепет в одной девичьей груди в Хартфордшире. К нам приезжала Беатриса, мелькнула и исчезла, оставив после себя лишь изумление. Она пробыла здесь ровно два дня, за которые успела посмотреть куда больше достопримечательностей, чем ты когда-либо, а еще проповедовала, как отважная старая язычница, коей, собственно, и является. Она румяная и крепкая, как сочное яблоко; лицо у нее

³⁴⁴ Мод Крутвелл (1859–1939) – английская художница, искусствовед, писательница и биограф. Ее монографии об Антонио дель Поллайоло и Андреа дель Верроккьо были опубликованы издательством Джеральда «Duckworth & Co».

³⁴⁵ Виктория Александрина Мэри Сесил Герберт (1874–1957) – сестра леди Маргарет Дакворт, жены Джорджа.

³⁴⁶ Английская ежедневная газета-таблонд, выходящая с 1896 года. Бюджет был оглашен вечером 19 апреля 1904 года и опубликован в «Daily Mail» на следующий день. Наиболее значимым стало повышение подоходного налога на один пенс и налога на чай – на два пенса (с фунта).

³⁴⁷ Традиционный выпускной экзамен в Кембридже.

прямо-таки мускулистое, с отпечатанным на нем характером. Вчера вечером мы водили ее на ужин с [Клайвом] Беллом – настоящая богемная вечеринка, как она любит. Там был художник Келли³⁴⁸, и мы болтали об искусстве, скульптуре и музыке до половины двенадцатого. Все это происходило в обычном кафе, и каждая из нас выкурила полдюжины сигарет. Келли – фанат своего дела, и, заметив это, Беатриса принялась ему возражать. Она придумывала теории о Вагнере³⁴⁹ и на ходу излагала их. Он даже тряс кулаком в ее сторону через весь стол, а в один момент мне даже пришлось ее усмирять – бурная сцена.

Сегодня рано утром Беатриса уехала: она собиралась на ужин к каким-то родственникам со стороны Кромеров, хотя изначально собиралась провести с нами 6 недель. Я, конечно, люблю ее, но не могу сказать, что эти шесть недель удалась бы. Завтра утром мы пойдем в мастерскую Родена вместе с Беллом и Келли, и это наше последнее мероприятие! О боже, какой сварливой, вздорной и скучной я была и остаюсь. Тебе пришлось многое вытерпеть, и хотелось бы мне возместить все неприятные моменты хорошими. Должна же быть в этой жизни хоть какая-то справедливость, и да, я знаю: ты веришь, что тебе это зачтется в следующей. О, моя Вайолет, если бы ты только смогла найти для меня большую серьезную работу, которой я бы занялась по возвращении и которая заставила меня забыть о собственной глупости, я была бы так благодарна. Мне просто необходимо работать. Мы уезжаем рано утром в понедельник. Когда ты приедешь? Кейс говорит, что Кэтрин³⁵⁰, если на нее немного надавить, работает усердно, но об ее уме не высказывается. Свой ум я бы сейчас продала задешево. Не могу написать ни слова из того, что хотела, потому что все забыла.

Береги себя. Обе «племянницы» [Ванесса и Вирджиния] никогда не забудут всего, что ты для них сделала.

Твоя АВС

Сразу после возвращения из Парижа у Вирджинии случился тяжелый нервный срыв – второй в жизни. Вайолет забрала подругу к себе в Уэлин, где за ней ухаживали три сиделки-медсестры и где Вирджиния попыталась покончить с собой, выбросившись из окна. В сентябре она достаточно окрепла, чтобы присоединиться к семье на отдыхе в Ноттингемшире и вернуться к своей писательской деятельности. В следующем месяце она гостила у тетушки Кэролайн Эмили Стивен в Кембридже, где много времени проводила с Адрианом, все еще учившимся в Тринити-колледже, в то время как Ванесса и Тоби занимались переездом с Гайд-парк-гейт в новый дом на Гордон-сквер, Блумсбери. В Кембридже Вирджиния, следуя просьбе Фредерика Мейтланда, работавшего над биографией Лесли Стивена, начала читать переписку родителей.

178a: Джорджу Дакворту

19 июля [1904] Бернэм-Вуд [Уэлин, Хартфордшир]

Мой дорогой старина Бар,

Несса сообщила мне важную новость, которую я, признаться, и так ожидала услышать. И все же в нее с трудом верится, хотя, полагаю, это правда! По словам Нессы, она³⁵¹ очень мила. Не могу долго писать: вокруг меня стоят три сиделки и обсуждают больничные ужасы. Мед-

³⁴⁸ Джеральд Фестус Келли (1879–1972) – английский художник, наиболее известный своими портретами.

³⁴⁹ Вильгельм Рихард Вагнер (1813–1883) – немецкий композитор и дирижер.

³⁵⁰ Кэтрин Фрэнсис Хорнер (1885–1976) – английская землевладелица и меценатка; ученица Джанет Кейс; с 1907 года жена Рэймонда Асквита, старшего сына премьер-министра Г.Г. Асквита.

³⁵¹ Маргарет Герберт Дакворт (1870–1958) – дочь 4-го графа Карнарвона. Объявление о ее помолвке с Джорджем Даквортом было опубликовано в «Times» от 19 июля. Они поженились 10 сентября 1904 года.

сестра Фарделл просит передать тебе свои поздравления и прописывает «*продолжать улыбаться*» как лучшее по нынешним временам средство.

Не вздумай приезжать; не знаю, что ей передать, ибо все еще сильно сомневаюсь в ее существовании. Может, ты сумеешь аккуратно передать ей мою любовь.

Собака просто чудесная – она почти как человек и играет с Джеком.

Пожалуйста, не давай ей меня увидеть.

С любовью, АВС

179: Вайолет Дикинсон

[Сентябрь 1904] [Мэнор-хаус, Тверсал, Ноттингемшир]

Моя Вайолет,

Несса сказала, что ты не против приехать. Не знаю, как теперь писать тебе, но если это не слишком неприятно слышать, то я бы хотела увидеться с тобой. Я не сделала ничего из того, что ты мне велела.

Твоя любящая АВС

180: Вайолет Дикинсон

17 сентября [1904] [Мэнор-хаус] Тверсал [Ноттингемшир]

Моя Вайолет,

ты просто ангел, что написала. Думаю, ты снова поставила нас на ноги. Честное слово, я была паинькой с тех пор, как ты уехала, – никакого ворчания, и это чистая правда. Мы с Трэйл, Тоби и Адрианом начинаем утро с часовой прогулки сразу после завтрака. С 10:30 до 12:30 я занимаюсь латынью с Тоби. Потом мы играем в теннис, обедаем и едем на прогулку. После чая снова играем в теннис, а когда темнеет – идем гулять. Надеюсь, тебе это интересно! Во всяком случае, это хоть какой-то распорядок.

У Нессы появилась натурщица. Знаешь, мы теперь живем очень гармонично, и я не намерена больше устраивать отвратительных сцен из-за еды³⁵².

Сэвидж³⁵³ уехал, черт бы его побрал! Ты ведь в курсе, что мы получили ответ на свое последнее письмо с просьбой о помощи, и на этот раз нам одолжили городской дом. Думаю, мы переедем туда в пятницу, 7-го. Мы также получили смету на переезд – £18/10ш. Кроме того, Колвин³⁵⁴ и Спилман³⁵⁵ считают, что за «тетю Вирджинию»³⁵⁶ можно выручить £200 или £250, если продать семье. Отделку дома [46] на Гордон-сквер должны закончить за две недели. Больше деловых новостей я не припомню.

Трэйл предложили работу в Париже нынешней зимой, и ее это очень обрадовало. В целом настроение у нас гораздо лучше, чем до твоего приезда. Разве это не доказательство твоей бла-

---

³⁵² В периоды безумия одним из постоянных симптомов у Вирджинии был отказ от еды.

³⁵³ Сэр Джордж Генри Сэвидж (1842–1921) – выдающийся английский врач, специализировавшийся на лечении психических болезней. В течение многих лет он был другом семьи Стивен и их медицинским консультантом, особенно по проблемам Вирджинии.

³⁵⁴ Сэр Сидни Колвин (1845–1927) – литературный и художественный критик, известный своей дружбой с Робертом Льюисом Стивенсоном; представитель знаменитой англо-индийской семьи Колвинов; хранитель гравюр и рисунков в Британском музее в 1883–1912 гг.

³⁵⁵ Вероятно, Марион Гарри Александр Спилман (1858–1948) – художественный критик, ученый, редактор.

³⁵⁶ Имеется в виду портрет Вирджинии, графини Сомерс, написанный сэром Уильямом Ричмондом.

готворной силы? Ты не представляешь, насколько разительна разница. Тоби и Адриан спрашивают, почему бы тебе не приехать снова.

Твоя АВС

181: Вайолет Дикинсон

[22? сентября 1904] Мэнор-хаус, Теверсал, Ноттингемшир

Моя Вайолет,

твое письмо, пусть и короткое, – огромное подспорье. Тебе будет приятно узнать, что твоя Воробушка снова чувствует себя здоровой птичкой. Думаю, кровь наконец-то начала поступать в мой мозг. Невероятно странное ощущение – словно мертвая часть меня оживает. Не могу передать словами, насколько это чудесно, и я вовсе не против хорошо питаться, лишь бы это не прекращалось. Все те голоса, которые я слышала и которые приказывали мне делать всякие безумные вещи, исчезли. Несса говорит, что они всегда были плодом воображения. В Уэлине они буквально сводили меня с ума, и я думала, что это от переедания, но, видимо, нет, ведь я по-прежнему объедаюсь, а голосов больше нет. Сэвидж не писал, но теперь меня это не особенно беспокоит.

Я рада, что кошки в Уэлине процветают и что мои микробы их всех не перевели. Хочу, чтобы ты передала своему «мужу» нашу безмерную благодарность, поскольку в Уэлине я так и не смогла как следует выразить это или даже почувствовать. Вспоминаю обо всех папоротниках, которые следовало вырвать, и о полу в столовой. Передай ему все, что сочтешь уместным, и дай понять, что мы благодарны.

Несса действительно выглядит гораздо лучше, и мы очень счастливы вместе. Похоже, теперь она действительно счастлива со мной³⁵⁷. Я рада за мисс де Род [*неизвестная*]. Уверена, у нее сильный характер. А что будет с гувернанткой?

Благословляю тебя.

Твоя Воробушка

Еще недавно я бы и такого письма не осилила.

182: Вайолет Дикинсон

26 сентября [1904] Мэнор-хаус, Теверсал [Ноттингемшир]

Моя Вайолет,

если мы поедем 8-го, то начнем [переезд на Гордон-сквер] не раньше 10-го, и тогда твоя помощь «племянницам» будет как нельзя кстати. Надеюсь, твой «муж» и миссис Литтелтон не думают, что мы злоупотребляем их добротой, хотя, конечно, так оно и есть!

О моя Вайолет, если бы Бог существовал, я бы благословила его за то, что он вывел меня целой и невредимой из всех этих мучений последних шести месяцев! Ты и представить себе не можешь, каким изысканным удовольствием стало для меня каждое мгновение жизни, и единственное, о чем я теперь молюсь, – дожить до семидесяти. Думаю, отныне я стану менее эгоистичной и самоуверенной, чем раньше, и буду с пониманием относиться к бедам других.

Скорбь, которую я сейчас испытываю по отцу, кажется вполне естественной и умиротворяющей: она придает жизни ценность, хоть и наполняет ее грустью. Я никогда не смогу выра-

---

³⁵⁷ Во время болезни Вирджиния не доверяла Ванессе и не желала ее видеть.

зять, что ты для меня значила все это время, хотя бы по той причине, что ты мне просто не поверишь, но если привязанность чего-то стоит, то знай: она у тебя есть и всегда будет.

Странно, но сейчас, когда мне лучше, мои телесные ощущения стали острее. Меня немного беспокоит невралгия, но она проходит на свежем воздухе и после еды, поэтому нужно лишь греться на солнышке и есть.

Будет чудесно снова тебя увидеть. Несса очень счастлива.

С любовью, ABC

Не терпится вернуться к работе.

183: Вайолет Дикинсон

30 сентября [1904] Мэнор-хаус, Теверсал [Ноттингемшир]

Моя Вайолет,

да, это наши вещи, а нож для бумаги и вовсе мое самое ценное сокровище! И если это не слишком обременительно, не могла бы ты оставить все это у себя и отправить в Лондон? Мы скоро уезжаем, и везти их сюда уже нет никакого смысла.

Я так счастлива, что меня любят, ты себе даже не представляешь. Беатриса написала мне письмо, которое я обязательно сохранию. Я так люблю привязанность!

Сейчас у нас Сноуден и Белл [Марджери и Клайв] – оба очень простые люди, которые могут сами себя занять.

Мы совершаем долгие прогулки, с 9:30 до 13:00, и они словно благословение, бальзам на душу.

Мне не терпится начать работать. Я знаю, что умею писать и однажды напишу хорошую книгу. Что думаешь? Меня невероятно занимает жизнь, а письмо – мой естественный способ самовыражения, это уж точно. Правда, умственно я пока не слишком сильна: быстро устаю от чтения и ничего, кроме писем, писать пока не пробовала. Сейчас у меня болит голова, так что продолжать не буду.

Я пристрастилась к курению трубки, и врач считает это отличным занятием, а я нахожу его очень успокаивающим.

О моя Вайолет, как же я скучаю по отцу, и все же в некотором смысле я счастлива.

С любовью, ABC

Береги себя. Я собираюсь написать твоему «мужу» и миссис Крам.

184: Вайолет Дикинсон

Суббота [22 октября 1904] Порч, Кембридж

Моя Вайолет,

твое письмо только что пришло, и оно поддерживает мою связь с внешним миром.

Это идеальное убежище для меня. Такое чувство, будто я живу при кафедральном соборе, а голос Квакерши – огромный колокол, который периодически звонит. Она ужасно медлительна и нагоняет такую скуку, что порой у меня возникает желание взорвать ее пороховом и посмотреть, что будет! Тем не менее, как ты говоришь, она настоящая леди и по-своему великодушна, просто не в моем вкусе!

Сегодня я проспала до половины пятого, и это был лучший ночной сон за всю неделю, а он для меня важнее всего. Я могу часами сидеть у открытого окна, слушая лишь пение птиц

и шелест листвы. Деревья – чистое золото и охра, и в целом мире нет ничего прекраснее Кембриджа. Что касается общества, оно здесь очень небольшое, зато хорошее и прекрасно мне знакомо.

Сегодня утром Флоренс Мейтланд водила меня на прогулку. Она одна из немногих действительно приятных, оригинальных и красивых людей, которых я знаю, и видеть ее – настоящее удовольствие. Сегодня днем мы пойдем вместе с ней, Адрианом и Квакершей слушать лекцию Фреда [Мейтланда] в Ньюэме. Флоренс необычайно забавна. *«Джейн Харрисон³⁵⁸ вконец распустилась, – сказала она мне. – Джейн – горячая поклонница Фреда. Пришлось даже сказать ей, что она ведет себя неприлично! Она считает Фреда красавчиком и готова пойти куда угодно, лишь бы его увидеть. Отвратительная женщина!»* Флоренс очень веселая и собирается познакомить меня с этой самой Джейн и другими учеными дамами, и я вся в предвкушении.

О моя Вайолет, неужели ты думаешь, что я намерена по три месяца жить в каждом доме, где бываю? А иначе зачем присылать мне провизии на целую армию? Впрочем, у квакеров печенье черствое, и, просыпаясь по утрам, я всегда ем твоё печенье, запивая его горячим шоколадом. Этого хватает до тех пор, пока не приходит время вставать. Ты расточительная женщина, и кто, интересно, будет кормить тебя печеньем, когда ты загремишь в работный дом³⁵⁹? Сегодня утром еще и кофе пришло, а тот, который подают здесь, пить невозможно. Завтра попробую твой.

---

³⁵⁸ Джейн Эллиен Харрисон (1850–1928) – историк античности, лингвист, феминистка, преподавательница классической археологии в Ньюэм-колледже Кембриджа.

³⁵⁹ Место, где бедняки получали пищу и кров в обмен на тяжелый труд.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.